

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№3 (07)
2024**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№3(07)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ГУЛИНОВ Д. Ю., ФЕДОРОВ Ф. Д. Стратегии завершения конфликтной ситуации в испаноязычном политическом дискурсе	4
ГРЕБЕНЮК Е. Ф. Эмотивность политического дискурса (на материале выступлений Ангелы Меркель)	10
ТЮКИНА Л. А. Лингвопрагматика детского юмористиче- ского дискурса (на примере немецко- и русскоязычного детского анекдота)	15
КУЛИНИЧ М. А., ШАМШИНА А. И. Учебник английского языка как мультимодальный текст: лингвокультурный аспект.....	22
ПРИГАРИНА Н. К. Дискурсивное позиционирование адре- санта и адресата в рекламном тексте.....	36
ОСТРИНСКАЯ Н. Н. Об особенностях организации художе- ственного текста	43
НГУЕН ТХИ ЗАНГ, ЛЕ ТХИ ФЫОНГ ЛИНЬ. Тексты ком- мерческих контрактов: специфика функционирования и проблемы восприятия в инокультурной среде	47
ГУЛЯЕВА М. А. Специфика языковых и поведенческих осо- бенностей общения российской молодежи	55
НИКИТИНА А. В. Особенности коммуникативного поведе- ния детей в современном российском обществе	63

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

ИВАНОВА Ю. М., БОЙЧЕНКО Н. В., ЗАЙЦЕВА О. Р.
Игровые и неигровые диалогические реакции на прецедентный стимул (на материале опроса респондентов).....69

МЕЛЬНИКОВА К. А. Хронологический аспект лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств.....74

БОГОМАЗОВА В. В. Иностранные заимствования в русском молодежном сленге и их роль в формировании новой языковой реальности.....80

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В. П. Вопрос о типах и происхождении речевого ритма (фрагмент исторической поэтики).....88

ДЕКАТОВА К. И. Фразеостилистическая конвергенция в поэтических произведениях В. В. Маяковского97

ДАЩИНСКИЙ В. В. Внутренние заголовки как проблема исторической поэтики.....103

БОЛТОВСКАЯ Е. А. Грамматическая вариантность несклоняемых имен существительных, называющих денежные единицы.....111

МАДИЕВА Г. Б., КАБЫТАЕВА А. А., КАЙБУЛДАЕВА А. З.
Имена собственные в языковом пространстве города (на материале г. Алматы).....119

САБИЕВА Е. В., КАКИМОВА М. Е., АЛЁШИНА Р. К.
Особенности употребления антропонимов в рассказах М. А. Шолохова.....126

КОКОВА Б. Д., КОКОВА Л. Д., ШЕРИЕВА М. М. Ономастика русского освоения Севера (по роману В. А. Каверина «Два капитана»).....131

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САВИНА Л. Н., ПУТИЛО А. О. Архетип Иуды в повести С. Н. Свиягина «Мрак тени смертной»136

ПЕРЕВАЛОВА С. В. «Растут в Волгограде березки...»: к столетию со дня рождения Маргариты Константиновны Агашиной142

СТАЦЕНКО В. А. Песня в художественной структуре сказок Н.П. Вагнера147

Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.

Подписано в печать
14.10.2024.

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 17,2
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 28/10/1

Выход в свет
28.10.2024.

Цена свободная

12+

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2024

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

КРАСАВСКИЙ Н. А. Мир ценностей в языковой картине
мира (рецензия на книгу В. И. Карасика «Языковые камер-
тоны смысла: монография. М.: Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина, 2024. 416 с.)..... 152

ЗИМИНА Н. В. Об особенностях коммуникативного пове-
дения субъектов медицинского медийного дискурса
(рецензия на монографию Н. Л. Шамне, Е. Ю. Васильевой
«Медийный медицинский дискурс: функциональный
и прагматический аспекты». Волгоград: изд-во Волгму,
2023. 192 с.)..... 159

ЧЕРНИЦЫНА Т. В. В воздухе витает пушкинизация русско-
го языка! 162

АЛЕЩЕНКО Е. И. Международная научно-практическая кон-
ференция «Сталинградская гвоздика» 165

Сведения об авторах.....169

Information about authors.....173

Состав редакционной коллегии176

Состав научно-редакционного совета.....176

Д. Ю. ГУЛИНОВ

Ф. Д. ФЕДОРОВ

Волгоград

СТРАТЕГИИ ЗАВЕРШЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются стратегии завершения конфликтного коммуникативного взаимодействия, определяется роль (не)вежливости в подобном контексте. Анализируются случаи применения указанных стратегий и языковые средства их реализации. Эстимируются (не)вежливость данных стратегий и их влияние на дальнейшую динамику коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная (не)вежливость, лингвистическая (не)вежливость, эскалация коммуникативного конфликта, завершение конфликтного взаимодействия.

С момента публикации краеугольной для исследования категории (не)вежливости работы П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Some universal in language usage» [7] прошло около сорока лет, но указанный феномен продолжает привлекать внимание ученых.

За столь долгий путь исследования категории (не)вежливости научное сообщество сформулировало ряд ключевых положений:

1. Невежливость является не менее важной частью коммуникативного поведения, чем вежливость [11]. Невежливость более не рассматривается как аномалия в коммуникации или «глупость» со стороны коммуникантов. Она применяется целенаправленно, системно и регулярно.

2. (Не)вежливость преимущественно следует рассматривать в конкретном коммуникативном контексте с учетом существующих между коммуникантами отношений [9]. Вежливость или невежливость не могут существовать исключительно в языке. Одинаковые лексические единицы воспринимаются различно в определенных контекстах определенными людьми.

3. Ответные коммуникативные действия слушающего во многом определяют дальнейшую динамику коммуникации и направление ее в вежливое или невежливое русло [7]. (Не)вежливость определяется не только коммуникативными действиями говорящего. Оценка и интерпретация этих действий реципиентом могут сыграть ключевую роль в (де)стабилизации коммуникативного процесса.

4. Стратегии вежливости и невежливости коррелируются и выстраивают свои уникальные коммуникативные системы [1]. Нельзя утверждать о наличии прямой взаимосвязи между стратегиями (не)вежливости. Вежливость не всегда встречают ответной вежливостью и наоборот.

5. Существует совокупность дискурсов, для которых невежливость и агрессия выступают системообразующими характеристиками [10]. Таковыми являются, например, политический и военный дискурсы, где невежливость воспринимается как неотъемлемая часть коммуникации.

Тем не менее по-прежнему остается много нерешенных вопросов для дальнейшего комплексного изучения феномена лингвистической (не)вежливости и его места в коммуникации. Одним из таких вопросов является рассмотрение роли (не)вежливости в завершении конфликтной ситуации.

Для рассмотрения указанной стороны изучаемого явления в качестве теоретического материала уместно адаптировать, по Д. Бусфилду, стратегии завершения конфликтных ситуаций, предложенные С. Вучиничем [6; 13].

Согласно мнению американского ученого, подчинение оппоненту предполагает, что один из участников коммуникации эксплицитно «уступает» оппоненту и принимает его позицию. Подобным образом наблюдается коммуникативная «капитуляция» одной из сторон конфликта. Настоящая стратегия практически не встречается в примерах политического дискурса, которые нам удалось рассмотреть. Предположим, что использование данной стратегии крайне невыгодно для политического имиджа политика, т.к. указывает на его слабость и сговорчивость, в то время как в политике для получения власти и ее удержания нужны другие коммуникативные качества.

Вмешательство третьей стороны, обладающей большим авторитетом или властью, заключается в завершении продолжающегося конфликтного взаимодействия. В нашем случае речь идет о президенте Конгресса Депутатов. Роль данной политической фигуры заключается в предоставлении слова политикам или же его изъятии при явном нарушении норм речевого этикета в Конгрессе.

Достижение компромисса предполагает, что коммуниканты договариваются о завершении конфликтной, невежливой ситуации путем обоюдных уступок, что является ключевым моментом для завершения конфликта и благоприятно сказывается на коммуникации в целом.

«Stand-off» или «согласие с несогласием» становится единственно верной стратегией для завершения конфликтного коммуникативного взаимодействия, когда оба интерактанта понимают невозможность переубедить своего оппонента, прийти к взаимопониманию. Оба коммуниканта остаются при своем мнении и завершают взаимодействие. На наш взгляд, данная стратегия пользуется наибольшей популярностью среди политиков в силу того, что она способствует поляризации политической борьбы, а значит, привлекает больше внимания и потенциальных «очков» для победы над оппонентом.

Последней стратегией для завершения конфликтного взаимодействия является стратегия выхода из коммуникации – один из коммуникантов заявляет о нежелании участвовать в коммуникации и выходит из нее (лингвистически, физически или комбинацией обоих способов).

Рассмотрим названные стратегии подробнее.

Стратегия «stand-off» или «согласие с несогласием»

Данная стратегия используется президентом правительства, Педро Санчесом, при осознании невозможности прийти к компромиссу с оппонентом и необходимости завершить коммуникацию, акцентировав при этом непоколебимость собственных позиции и мнения. Так, например, оппозиционный политик Кука Гамарра обвиняет президента правительства в намеренном увольнении главы национального центра разведки, используя при этом риторические вопросы и личное местоимение *usted* как бустер угрозы «лицу»: *Señor Sánchez, ¿Quién tiene la responsabilidad de aprobar la directiva de inteligencia que establece los objetivos bajo los cuales opera el CNI? Usted. ¿A quién debe informar el CNI de acuerdo con la ley? A usted. (Господин Санчес, кто несет ответственность за утверждение директивы по разведке, устанавливающей цели, по которым действует CNI? Вы. Кому должен сообщать CNI в соответствии с законом? Вам.)* (здесь и далее перевод наш – Д. Г., Ф. Ф).

Данные вопросы ставят Санчеса в неловкое положение, из которого он решает выйти при помощи стратегии «stand-off»: Señoría, mire, dentro de muy poco se van a cumplir cuatro años desde la moción de censura. Entonces, ¿qué país nos encontramos? No encontramos un país en donde en Cataluña se había aprobado una declaración unilateral de independencia. Había un gobierno con un partido condenado por corrupción. Con una secretaria general del Partido Popular y ministra de Defensa que destruía a martillazos las pruebas de la Justicia. *(Послушайте, совсем скоро исполнится четыре года со дня вотума недоверия. Тогда какой мы видели нашу страну? Мы видели страну, в которой Каталония признала собственную независимость. Было правительство с партией, осужденной за коррупцию. С генеральным секретарем Partido Popular и министром обороны, беспощадно уничтожающими улики правосудия)*. Используя парцелляцию, Педро Санчес демонстративно указывает на недочеты и ошибки главной оппозиционной партии Испании, когда ее представители непосредственно являлись правительством, заявляя тем самым, что актуальная критика его действий не имеет той важности и ценности, которую пытаются ей придать его оппоненты, и решает закончить коммуникативное взаимодействие именно подобным «обменом любезностями». Очевидно при этом, что президент правительства завершает конфликтное взаимодействие, усилив собственные политические позиции, т.к. акцентирует внимание на просчеты политической партии оппонента.

Другой не менее интересный случай использования данной стратегии можно наблюдать после достаточно резких высказываний лидера оппозиции Пабло Касадо: Es usted ya, el presidente de un Gobierno fallido. Es usted el presidente del Gobierno más radical de Europa, el más radical de la historia democrática de España. *(Вы президент уже бесполезного правительства. Вы самый радикальный президент правительства в Европе, самый радикальный президент правительства в истории демократической Испании)*. Политик применяет ряд средств для максимизации невежливости своего высказывания: негативный эпитет, формы сравнительной и превосходной степени имен прилагательных, наречие *ya* как интенсификатор своего высказывания.

Педро Санчес вновь обращается к стратегии «согласие с несогласием»: Le pido dos cosas en este período de sesiones. La primera, que cumpla la Constitución, que cumpla con la legalidad democrática, señoría. Y la segunda, que cuando salga fuera, que cuando salga fuera de España, hable bien de su país, porque eso es hablar, incluso, bien de usted. *(В этот период заседаний я прошу вас о двух вещах. Во-первых, соблюдайте Конституцию, считайтесь с демократической законностью. И, во-вторых, когда вы будете за пределами Испании, говорите хорошо о своей стране, потому что это все равно, что говорить хорошо о вас)*. Используя субьюнктив, Педро Санчес выражает свои просьбы оппоненту, не митигируя их, что делает их похожими на императивы, которые необходимо выполнить. Таким образом, президент правительства также решает успешно завершить коммуникацию.

Стратегия достижения компромисса

Завершение конфликтного взаимодействия использованием подобной стратегии оказывается наиболее вероятным, когда политические деятели проявляют большую сдержанность в своих высказываниях или же являются представителями одного политического блока, что приобретает особенную важность в условиях коалиционного правительства.

Депутат Айтор Эстебан в своем обращении к президенту придерживается стратегий позитивной и негативной вежливости, тем самым стремясь максимально смягчить конфликтную ситуацию и не допустить ее эскалации: Buenos días, señor Presidente. No seré yo quien le niegue que en política es conveniente de vez en cuando elevar la vista y mirar a futuro. Bueno, ya conocemos el desiderátum del Plan 2050, conjunto que centralista, pero usted convendrá conmigo también en que de vez en cuando hay que mirar al suelo. *(До-*

брый день, господин президент. Не буду отрицать, что в политике иногда полезно думать о будущем. Нам уже известен желаемый план до 2050 года, но вы, вероятно, согласитесь со мной в том, что также иногда необходимо просто смотреть под ноги). В данном случае наблюдается вежливое обращение к главе государства (господин президент), попытка тактично найти общие интересы (вы, вероятно, согласитесь со мной) и формулирование потенциально опасного речевого акта посредством безличных конструкций (необходимо).

Оценив тональность высказывания политического оппонента, Педро Санчес выбирает стратегию компромисса для завершения коммуникации: *En fin señorías, yo creo que tenemos por delante muchos meses para materializar muchos de esos compromisos que tanto su partido como nuestro, pues lógicamente firmamos precisamente para lograr el acuerdo de investidura. (В конечном счете, я думаю, что впереди у нас несколько месяцев, чтобы воплотить многие обязательства для достижения соглашения).* Президент правительства предлагает сотрудничество оппозиционной партии, привлекая к совместной деятельности. Констатируется благоприятный исход конфликтной ситуации для обеих сторон.

Депутат Конгресса Эстебан Браво, обращаясь к президенту правительства, применяет одновременно стратегии вежливости (обращение «президент» и условное наклонение) и невежливости (немитигированный императив): *Así que yo, presidente, le diría que se asegure y asegure bien, por el bien de su gobierno, por el bien de la democracia. Y en caso de descubrir algo, ya que ustedes, dicen que hacen gala de la transparencia en todo este asunto, lo comuniquen. (Поэтому я бы посоветовал вам, президент, удостовериться в этом, и удостовериться хорошо во благо вашему правительству, во благо демократии. И в случае обнаружения чего-либо, раз вы кичитесь прозрачностью, сообщите об этом).* Таким образом, решение о том, на чем сфокусировать внимание, на вежливости или невежливости, остается исключительно за президентом.

Педро Санчес же выбирает завершить конфликтное взаимодействие компромиссом: *Señor Esteban, le agradezco el tono. <...> Lo que le puedo garantizar en aras de esa transparencia a la cual usted antes se refería y también de la colaboración con la Justicia, es que el Gobierno de España no tiene nada que esconder. (Сеньор Эстебан, благодарю вас за тон высказывания <...>. Для обеспечения прозрачности, о которой вы говорили, а также для сотрудничества с правосудием, я могу вам гарантировать, что правительству Испании нечего скрывать).* Иными словами, президент правительства игнорирует невежливый, конфликтный компонент коммуникации, вероятно, по причине того, что его политический оппонент состоит в коалиционном правительстве, и, значит, важность его потенциальной политической поддержки в ближайшем будущем возрастает. Политическая, прагматическая реальность одерживает верх над лингвистической.

Стратегия выхода из коммуникации

Данная стратегия используется президентом правительства, как правило, вследствие отказа от политического диалога со стороны его оппонентов или его собственного нежелания продолжать коммуникацию по разным причинам и имеет ярко выраженную интенцию невежливости.

Наглядным примером использования данной стратегии является диалог между Карлосом Гарсия Анадеро и Педро Санчесом.

Депутат конгресса Карлос Гарсия Анадеро, начиная диалог с главой правительства, незамедлительно применяет стратегию унижения и высмеивания коммуниканта, относящуюся к негативной невежливости: *Es verdad que si para convertirse en presidente del Gobierno, uno tiene que hacerlo como usted lo ha hecho, mintiendo y llegando a acuerdos con quienes ha llegado a acuerdos, es preferible no llegar. (Это правда, что если для того, чтобы стать президентом правительства, нужно действовать так, как действовали*

вы, обманывая и заключая соглашения с теми, с кем заключили соглашения, лучше вообще не получать этот пост).

Стремясь не допустить эскалации коммуникативного конфликта, президент правительства применяет защитную стратегию предоставления объяснений коммуниканту: *En este gobierno de coalición, claramente representamos dos partidos políticos con ideas diferentes, pero nos une lo esencial. (В этом коалиционном правительстве мы, очевидно, представляем две политические партии с разными идеями, но нас объединяет главное).*

Карлос Анадеро принимает решение игнорировать настоящий призыв президента правительства и в следующем речевом высказывании вновь обращается к стратегии негативной невежливости – максимизации неудобства: *Ustedes hacen muchas promesas y anuncios, han aprobado muchos decretos con nuestro apoyo, pero al final, la realidad es que ese dinero no llega a todos los españoles. (Вы даете много обещаний и объявлений, утвердили множество указов с нашей поддержкой, но в конце концов реальность такова, что эти деньги не доходят до всех испанцев).*

На повторный ликоугрожающий акт президент правительства использует стратегию выхода из коммуникации, тем самым завершая конфликтное взаимодействие: *Pienso sinceramente que a usted no le importa en absoluto, no le importa cuál sea la situación, sea cuál sea el debate, siempre señala al mismo culpable, el señor Sánchez <...>, y eso es lo que usted personifica, el transfuguismo. (Я искренне считаю, что вам абсолютно все равно, вам не важна ситуация, тематика и суть дебатов, вы всегда указываете на того же виновника, господина Санчеса <...>, и именно это вы воплощаете, политическое дезертирство).* В своем ответе Педро Санчес прибегает к защитной стратегии обесценивания угрозы лицу посредством субъюнктива: *cuál sea la situación, sea cuál sea el debate*. Подобным образом глава правительства подчеркивает невозможность компромисса со своим оппонентом. Эмотивно-оценочная конструкция *no le importa en absoluto* служит бустером для подчеркивания принципиальной невозможности достигнуть компромисса или согласия. Использованный же далее президентом правительства термин *el transfuguismo* демонстрирует, что Карлос Анадеро не является политиком, которому можно доверять, и, следовательно, вести переговоры с ним вовсе не стоит.

Другим примером использования данной стратегии является финальная реплика Педро Санчеса в ответ на критику со стороны политика Кука Гамарра. Выслушав, как выражается сам президент, *mitin* (митинг), он решает завершить коммуникацию, используя условное наклонение и олицетворение: *Bueno, la verdad es que soy bastante ingenuo, porque entonces estaríamos hablando de una derecha moderna y europeísta, y no la desgracia de derecha que sufre la democracia española. (Что ж, по правде говоря, я просто достаточно наивный, потому что в ином случае мы бы говорили о современном и европейском правом движении, а не об этом безобразии, от которого страдает испанская демократия).* Другими словами, президент правительства при помощи условного наклонения указывает на безысходность ситуации и на отсутствие самой возможности вести диалог, т.к. в реальности испанские правые политические движения, по его мнению, не европейские и не современные. Олицетворение же, в свою очередь, демонстрирует вредительство такой оппозиции, т.к. она заставляет демократию «страдать».

Подводя итоги, необходимо отметить важность продолжения изучения феноменов лингвистической (не)вежливости в рамках политического дискурса, рассмотрения динамики и развития конфликтных ситуаций и стратегий их разрешения. В рамках данного исследования выделены такие стратегии завершения конфликтных ситуаций, как согласие с несогласием, достижение компромисса и выход из коммуникации. Стратегии подчинения оппоненту отсутствуют в силу имманентных характеристик политического дискурса – агональности и борьбы за власть. В таких условиях соглашение с оппонентом ставит под сомнение политический имидж, выбранный политический курс и слу-

жит индикатором политической слабости. Стратегия же вмешательства третьей стороны не находит своей реализации, т.к. сама структура дебатов предполагает регламентацию выступлений политиков, и они находятся в равных условиях (блок предназначен для критики).

Очевидно, что (не)вежливость во многом определяет стратегии завершения коммуникации, дальнейший вектор общения политических деятелей. Невежливость выступает преимущественно «последним словом» в диалоге, когда уже эта самая невежливость была принята интерактантами за коммуникативный *modus operandi*. Но при обоюдном стремлении к гармонизации коммуникативного взаимодействия или наличии острого политико-прагматического интереса вежливость берет на себя лидирующую роль в завершении коммуникации.

Список литературы

1. Гулинов Д. Ю., Федоров Ф. Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3. С. 25–30.
2. Жельвис В. И. Категория грубости как антитеза вежливости // Юрислингвистика. 2014. С. 42–51.
4. Леонтьев В. В. Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. № 4. С. 26–34.
5. Леонтьев В. В. Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 131–141.
6. Bousfield D. Impoliteness in Interaction. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
7. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: University Press, 1987.
8. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
9. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. № 25. P. 349–367.
10. Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects // Journal of Pragmatics. 2003. № 35. P. 1545–1579.
11. Goffman E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday Anchor Books, 1967.
12. Tracey K. Facework and (Im)politeness in Political Exchanges // The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness. London: Macmillan Publishers Ltd, 2017. P. 739–758.
13. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict // In Conflict talk: Sociolinguistic investigations of arguments in conversations / Allen Day Grimshaw, ed. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 118–138.

* * *

1. Gulinov D. Yu., Fedorov F. D. Realizaciya strategij veshlivosti i nevezhlivosti v ispanoyazy`chnom politicheskom diskurse // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3. S. 25–30.
2. Zhel'vis V. I. Kategoriya grubosti kak antiteza veshlivosti // Yurislingvistika. 2014. S. 42–51.
4. Leont'ev V. V. Grubost' grubosti rozn': k 20-letiyu issledovaniy rechevoj nevezhlivosti v lingvistike // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy'koznaniye. 2016. № 4. S. 26–34.
5. Leont'ev V. V. Ponyatiya nevezhlivosti i grubosti v sovremennoj lingvistike // E'kologiya yazy'ka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 131–141.

Strategies of close of conflict situation in Spanish-language political discourse

The strategies of close of conflict communicative interaction are considered, the role of (im)politeness in this context is defined. The cases of use of these strategies and the linguistic means of their implementation are analyzed. There are estimated the im(politeness) of these strategies and their influence on the further dynamics of communication.

Key words: *political discourse, institutional im(politeness), escalation of communicative conflict, close of conflict interaction.*

(Статья поступила в редакцию 23.05.2024).

Е. Ф. ГРЕБЕНЮК
Волгоград

**ЭМОТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале выступлений Ангелы Меркель)**

Выявляются средства экспрессивизации речи, используемые экс-бундесканцлером Анжелой Меркель в публичных выступлениях. Исследуются особенности употребления стилистических фигур и оценочной лексики, способствующих экспрессивизации высказываний А. Меркель.

Ключевые слова: *политический дискурс, языковая личность, коннотация, эмоциональная компетентность, политическая лингвистика, фигура речи.*

Германия играет заметную роль на международной арене. При этом значительно влияние политических лидеров этого государства, в частности канцлера, на развитие событий международной повестки дня. Ангела Меркель, которая до последнего времени была одной из центральных фигур в политике ФРГ и на международной арене, приобрела имидж первой женщины, занявшей пост канцлера, и, подобно Гельмуту Колю и Конраду Аденауэру, четырежды возглавляла правительство страны.

В медиа часто высказывалось мнение, что Ангела Меркель не обладала ярко выраженной харизмой, а ее ораторские способности были совсем не выдающимися. Образ А. Меркель часто подвергался критике, что, однако, не мешало ей добиться успеха в политической карьере. В период ее канцлерства Германия демонстрировала стабильный экономический рост, снижение уровня безработицы и иные достижения.

Появление Ангелы Меркель на политической арене было зафиксировано и в языке в виде новых словоформ и устойчивых словосочетаний. Например, неоднозначное отношение к политике экс-канцлера в Германии проявилось во множестве прозвищ с

положительной и отрицательной коннотацией, в которых отразилось творческое отношение людей к использованию языковых знаков, в частности, через создание контаминаций. Так, из-за прически ее называли *Lord Helmchen* (Лорд Шлемик), ее происхождение нашло отражение в прозвище *die erste Ossi* (первая восточная немка), за отсутствие улыбки на лице ее прозвали *Kanzler minus Lächeln* (Канцлер минус улыбка), ее заботливость лингвистически проявилась в прозвище *Mutti* (мамочка). Прозвища *der europäische Terminator* (европейский терминатор), *Merkelnator* (Merkel + Terminator) (Меркельнатор) связаны с ее бережливостью, а *Mutter Terroresia* (мать Террорезия), *Mutti Multikulti* (матушка многонациональностей) появились как реакция на большой приток беженцев в ФРГ. Очевидно, что все эти прозвища построены на различных типах эмотивной языковой игры. Интересно, что в период ее правления очень популярным стало слово *merken* (ничего не делать), которое отражало отношение части общества к ее внутренней политике.

В связи со значимостью этого государственного деятеля интересно изучение особенностей его коммуникативного поведения, а именно – эмотивной составляющей высказываний А. Меркель, чему и посвящена наша статья.

Одной из особенностей политического вида дискурса является игнорирование гендерных различий в речи политиков. Осознание этой особенности отражается в следующей фразе экс-канцлера: «Wenn ich immer gleich eingeschnappt wäre, könnte ich keine drei Tage Bundeskanzlerin sein» [3]. (*Если бы я всегда обижалась, я бы не смогла быть канцлером и трех дней*) (здесь и далее перевод наш – Е. Г.) Очевидно, что ключевую роль в приведенном примере играет использование сослагательного наклонения и глагола *einschnappen* (обижаться), характерных для женской речи. Однако содержательно экс-канцлер дает понять, что, хотя она и женщина, но она полностью соответствует требованиям, предъявляемым к людям, занимающим этот пост. Очевидно, что эмотивность данное выражение приобретает за счет столкновения грамматического значения и содержания текста.

Анализ выступлений Ангелы Меркель позволяет утверждать, что для нее характерны точность и краткость в описаниях событий, а также тщательность в выборе слов и умение владеть стилем общения. Миллионы людей внимали ее словам, и ее мнение учитывалось мировыми лидерами. Ее успех в политике и государственном управлении были обусловлены не только содержательностью ее речей. Она умела улавливать настроения слушателей и выражать свои мысли с ясностью и простотой, которые делали высказывания Ангелы Меркель похожими на девизы, способные сплотить общество. Ее фразы-лозунги афористичны и экспрессивны. Краткость и содержательная емкость ее фраз убеждают слушателей и апеллируют к их положительным эмоциям.

Эмоциям, как важному аспекту функционирования индивидуума, уделяется внимание в рамках исследования проблем политической лингвистики. По этому поводу О. В. Гайкова писала следующее «Обращение оратора к эмоциональной сфере аудитории является весьма сильным средством побудить ее принять точку зрения, говорящего» [1, с. 17]. И. А. Стернин, продолжая ее мысль о прагматической функции эмоций, утверждал, что «эмоция в публичном выступлении перед современной аудиторией оказывается очень сильным риторическим средством <...>. Необходимо иметь в виду, что эмоциональная речь, нажим на аудиторию или отдельного слушателя часто оказываются более эффективными, нежели логическая аргументация» [2, с. 88].

Несмотря на прагматическую функцию эмоциональной речи, выступления немецких политиков, среди которых и Ангела Меркель, не может быть слишком эмоциональной, поскольку эмоциональность политика и эмотивность его речи не типичны для немецкого политического дискурса. Поэтому речевое поведение экс-канцлера можно считать соответствующим данной лингвокультуре.

Тем не менее в речах Ангелы Меркель встречаются лексемы, выражающие эмоциональную оценку. В качестве примеров положительной оценки можно привести следующие лексические единицы: *Begeisterung* (восторг), *Freude* (радость), *glücklich* (счастливый), *zufrieden* (довольный), *unvergesslich* (незабываемый) и т.д. При этом в своих речах она выражает как формальную эмоциональную оценку, так и открытую. В качестве демонстрации первой приведем ее речь, датированную 4 октября 2018 г., произнесенную в Хайфском университете. Экс-бундесканцлер не скрывала радости и выражала надежду на дальнейшее сотрудничество Германии и Израиля: «Dass uns heute freundschaftliche Bande verbinden, ist ein unschätzbare Geschenk; und es ist ein unwahrscheinliches Geschenk vor dem Hintergrund unserer Geschichte. Aber es ist ein Geschenk, das wahr geworden ist – dank vieler jüdischer Frauen und Männer, die versucht haben, Deutschland mit Vertrauen zu begegnen und dabei erfolgreich waren. Dieses Vertrauen zeigt sich heute in vielen Facetten: im privaten und persönlichen Umgang miteinander, in der Zusammenarbeit in Wissenschaft, Forschung und Wirtschaft. Gerade auch die wissenschaftliche Zusammenarbeit ist ein wesentlicher Bestandteil unserer Gemeinsamkeiten» [4]. (*То, что нас сегодня объединяют узы дружбы, – это бесценный дар; и это крайне редкий подарок, учитывая историю наших отношений. Но это подарок, который стал реальностью благодаря жителям Израиля, которые встретили Германию с доверием и с надеждой на будущий успех. Сегодня это доверие проявляется во многих аспектах: в частных и личных отношениях друг с другом, в сотрудничестве в области науки, исследований и бизнеса. Научное сотрудничество, в частности, является неотъемлемой частью наших взаимоотношений*).

Позитивная тональность ее речи достигается сравнением отношений с подарком (*Geschenk*), повтором лексем для придания значимости их содержанию (слово *Geschenk* 3 случая употребления, *Vertrauen* – 2 случая употребления, *Zusammenarbeit* – 2 случая применения), использованием словосочетаний с эмоционально окрашенными, оценочными прилагательными *unschätzbares Geschenk*, *unwahrscheinliches Geschenk*. Кроме того, надежда на перспективное сотрудничество прослеживается в употреблении таких лексем, как *miteinander*, *Zusammenarbeit*, *Gemeinsamkeiten*.

В своей речи о миграционной политике Германии Ангела Меркель высказывалась на тему беженцев предельно аккуратно и этично, отмечая при этом факт их вклада в развитие Германии: «Es war eine unglaubliche Freude, gemeinsam mit ihnen darüber zu diskutieren, welchen Beitrag diese Menschen aus anderen Ländern für den Wohlstand hier bei uns in Deutschland geleistet haben» [5]. (*Было невероятно приятно обсудить с ними, какой вклад внесли эти люди из других стран в процветание Германии*). Эмотивность данному контексту придает словосочетание *unglaubliche Freude*, состоящее из номинанта эмоции и атрибута в роли усилителя.

Далее остановимся на открытой позитивной эмоциональной оценке.

Известно, что бундесканцлер интересовалась спортом, особенно футболом. В своей речи, которая была адресована немецкой сборной по футболу, Ангела Меркель не скрывала радости и надежды на скорое завершение строительства новой футбольной базы, фундамент которой был недавно заложен. При этом она использовала в речи такие эмоционально коннотированные лексические единицы и словосочетания, как *Vorfreude*, *beeindruckende Sache*, *alles läuft gut*. Кроме того, в тексте встречались повторы грамматических конструкций, позволяющие сделать акцент на наиболее значимом содержании: «Hier zeigt sich schon Vorfreude auf den neuen Bau. Wenn man sieht, wie Sie von hier aus die Skyline von Frankfurt betrachten können, wie hier gearbeitet wird, dann ist das schon eine beeindruckende Sache. Ich bin ganz davon überzeugt, dass der Bau besser vorangeht als der des Berliner Flughafens. Insofern kann ich, aus Berlin kommend, Ihnen und auch den Bauarbeitern nur wünschen, dass alles gut läuft. Wir werden ja gleich noch symbolisch die Grundsteinlegung vornehmen» [6]. (*Уже есть определенное беспокойство по поводу но-*

вого здания. Когда отсюда видишь горизонт Франкфурта и то, как здесь ведутся работы, то это весьма впечатляет. Я полностью убеждена, что строительство идет лучше, чем строительство берлинского аэропорта. В этом отношении я, будучи родом из Берлина, могу только пожелать вам и строителям, чтобы все прошло хорошо. Мы также символически осуществим закладку первого камня).

На встрече с большой аудиторией по различным вопросам Ангела Мергель выступила с вдохновляющей речью, в которой она выражала благодарность за приглашение и сотрудничество. В ней бундесканцлер дала оценку различным событиям в Германии в те годы, а также определила своеобразный курс на будущее страны. При этом ею были использованы такие эмоционально окрашенные единицы, как *wunderbare Erkenntnismöglichkeiten, sich freuen, sich herzlich bedanken*. Последняя несла как этикетное, так и эмотивное значение в данном контексте. Продемонстрируем это утверждение выдержкой из текста: «Ich möchte mich ganz herzlich bei Minister Müller für die Einladung bedanken. Ich glaube, der Rahmen ist mit dem Futurium richtig gesetzt, denn es geht ja um unsere gemeinsame Zukunft. Dies ist, wie ich finde, sowieso ein ganz wunderbares Gebäude, das ganz wunderbare Erkenntnismöglichkeiten bietet. Ich freue mich, dass Sie alle hier sind» [7]. (Я хотела бы сердечно поблагодарить министра Мюллера за приглашение. Я считаю, что рамка «Будущее» установлена правильно, потому что речь идет о нашем общем будущем. На мой взгляд, это замечательное здание, предлагающее замечательные возможности для познания. Я рада, что вы все здесь).

Среди лексических единиц с негативной коннотацией, используемых экс-канцлером в речи, необходимо указать следующие: *schmerzhaft* (больно, болезненно), *unzufrieden* (недовольный), *quälend* (мучительный), *es blutet das Herz* (сердце кровью обливается), *es tut in der Seele weh* (душа болит).

В следующей выдержке из речи Ангелы Меркель от 29 ноября 2018 года, посвященной украинскому кризису, наблюдается формальная негативная коннотация: за счет использования ею негативно-оценочной лексики: «Besonders wichtig ist, dass der Kampf gegen Korruption weitergeht. Die Vollendung des Hohen Antikorruptionsgerichts und natürlich auch ein verlässlicher Schutz von Aktivisten der Zivilgesellschaft sind dabei besonders wichtig. Wir hatten sehr traurige Ereignisse in diesem Zusammenhang. Es muss möglich sein, dass Aktivisten der Zivilgesellschaft, die natürlich manchmal den Finger in die Wunde legen und nicht immer nur bequem sind, keine Angst haben müssen sondern dass sie wissen, dass die Regierung ihre Arbeit unterstützt, weil das sozusagen die Transparenz bringt, die notwendig ist» [8]. (Особенно важно, чтобы борьба с коррупцией продолжалась. Завершение работы Высшего антикоррупционного суда и, конечно же, надежная защита активистов гражданского общества особенно важны. Мы наблюдали очень печальные события в этом контексте. Вполне возможно, что активисты гражданского общества, которые, конечно, иногда прикладывают палец к ране, не всегда чувствуют себя в безопасности, но они должны знать, что правительство работает и старается принимать прозрачные меры). Не вызывает сомнения, что использование фразеологизма *den Finger in die Wunde legen* придает данному контексту экспрессивную окраску и образность. Лексические повторы придают весомость содержанию высказывания.

Далее остановимся на открытой негативной эмоциональной оценке.

6 декабря 2019 г. Ангела Мергель выступила с речью, посвященной трагедии в лагере Освенцим. Эта речь была крайне эмоциональной и тяжелой, как для политика, так и для аудитории. Бундесканцлер указывала на то, что немцам не стоит отмалчиваться за деяния, совершенные в прошлом, нужно заслужить прощения. Речь наделена большим количеством эмоционально-оценочных средств, которые имеют отрицательную окраску: «Heute hier zu stehen und als deutsche Bundeskanzlerin zu Ihnen zu sprechen, fällt mir alles andere als leicht. Ich empfinde tiefe Scham angesichts der barbarischen Verbrechen, die hier von Deutschen verübt wurden – Verbrechen, die Grenzen alles Fassbaren überschreiten. Vor

Entsetzen über das was Frauen, Männern und Kindern an diesem Ort angetan wurde, muss man eigentlich verstummen. Denn welche Worte könnten der Trauer gerecht werden – der Trauer um all die vielen Menschen; die hier gedemütigt, gequält und ermordet wurden? Und dennoch: So schwer es an diesem Ort, der wie kein anderer für das größte Menschheitsverbrechen steht, auch fällt: Schweigen darf nicht unsere einzige Antwort sein. Dieser Ort verpflichtet uns, die Erinnerung wachzuhalten. Wir müssen uns an die Verbrechen erinnern, die hier begangen wurden, und sie klar benennen» [9]. *(Стоять здесь сегодня, говорить с вами как канцлер Германии для меня совсем не просто. Мне очень стыдно за варварские преступления, совершенные здесь немцами – преступления, которые выходят за рамки всего разумного. Мы в ужасе от того, что было сделано с женщинами, мужчинами и детьми в этом месте. Какие слова смогли бы выразить горе всех тех людей; кого здесь унижали, пытали и убивали? И все же: как бы трудно это ни было в этом месте, которое, как никакое другое, символизирует величайшее преступление против человечества, молчание не может быть нашим единственным ответом. Это место обязывает нас сохранять память. Мы должны помнить о преступлениях, которые здесь были совершены, и четко называть их).*

В заключение отметим, что в выступлениях экс-канцлера отражены основные особенности политического дискурса. Анализ лексических средств идиолекта показал использование А. Меркель различных стилистических фигур с целью экспрессивизации речи (аллитерации, эпитетов, метафор, анафор и др.). При решении коммуникативных задач А. Меркель их умело применяет. Употребление стилистических средств, равно как и оценочной лексики, придает высказываниям экс-бундесканцлера выразительность, экспрессию и особое звучание, повышающее перлокутивный эффект.

Список литературы

1. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2003.
2. Стернин И. А. Практическая риторика. М.: Академия, 2006.
3. Merkel und Putin streiten über Menschenrechte // Zeit online. 16.11.2012. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2012-11/deutsch-russische-regierungskonsultationen-merkel-putin> (date of access: 12.06.2024).
4. Rede von Bundeskanzlerin Merkel bei der Verleihung der Ehrendoktorwürde der Universität Haifa am 4. Oktober 2018 // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-verleihung-der-ehrendoktorwuerde-der-universitaet-haifa-am-4-oktober-2018-1533948> (date of access: 24.06.2024).
5. Rede von Bundeskanzlerin Merkel beim Festakt zum 40-jährigen Bestehen des Amtes der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration Datum 12. Dezember 2018 // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-festakt-zum-40-jaehrigen-bestehen-des-amtes-der-beauftragten-der-bundesregierung-fuer-migration-fluechtlinge-und-integration-1560794> (date of access: 30.05.2024).
6. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur DFB Grundsteinlegung in Frankfurt am Main am 26. September 2019 // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-dfb-grundsteinlegung-in-frankfurt-am-main-am-26-september-2019-1675962> (date of access: 11.06.2024).
7. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Auftaktveranstaltung der SDG-Kampagne des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung am 14. November 2019 in Berlin // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-auftaktveranstaltung-der-sdg-kampagne-des-bundesministeriums-fuer-wirtschaftliche-zusammenarbeit-und-entwicklung-am-14-november-2019-in-berlin-1691878> (date of access: 26.06.2024).
8. Rede von Bundeskanzlerin Merkel beim 3. Deutsch-Ukrainischen Wirtschaftsforum am 29. November 2018 in Berlin // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/>

aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-3-deutsch-ukrainischen-wirtschaftsforum-am-29-november-2018-in-berlin-1555732 (date of access: 04.07.2024).

9. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zum zehnjährigen Bestehen der Stiftung Auschwitz-Birkenau am 6. Dezember 2019 in Auschwitz // bundeskanzler.de. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-zehnjahrigen-bestehen-der-stiftung-auschwitz-birkenau-am-6-dezember-2019-in-auschwitz-1704518> (date of access: 08.07.2024).

* * *

1. Gajkova O. V. Predvy`borny`j diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikacii (na materiale anglijskogo yazy`ka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 2003.

2. Sternin I. A. Prakticheskaya ritorika. M.: Akademiya, 2006.

Emotiveness of political discourse (based on speech by Angela Merkel)

The means of language expressivization, used by the Ex-Bundeskanzler Angela Merkel in public speech, are revealed. There are studied the specific features of use of figures of speech and evaluative vocabulary, supporting the expressivization of utterances by A. Merkel.

Key words: *political discourse, linguistic identity, connotation, emotional competence, political linguistics, figure of speech.*

(Статья поступила в редакцию 09.07.2024).

Л. А. ТЮКИНА

Ярославль

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ДЕТСКОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на примере немецко- и русскоязычного детского анекдота)

Рассматриваются лингвопрагматические особенности детского анекдота в немецкоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Анализируется специфика восприятия анекдотов детьми разного возраста. Сравниваются особенности детских анекдотов на немецком и русском языках. Представлена тематика детского анекдота, обозначены стереотипные персонажи детских анекдотов. Сделан вывод о различиях в лингвопрагматике детского анекдота и анекдота для взрослых.

Ключевые слова: *анекдот, детский анекдот, лингвопрагматика, лингвопрагматика детского юмора, юмористический дискурс, стереотипные персонажи.*

Юмор существует уже достаточно давно, вряд ли кто-то назовет точное время появления юмористических рассказов или шуток, но точно можно сказать, что в период античности, во времена Древней Греции, когда развивался жанр античной комедии, юмор уже существовал. Юмор присущ любому возрасту, ребенок начинает восприни-

мать самый простой, примитивный юмор уже в 1–2 года, а затем развивается понимание более сложного юмора, построенного на разных приемах комического. Отличие детского юмора от взрослого заключается в том, что детское чувство юмора проходит определенные этапы развития. В раннем возрасте ребенок смеется над нетипичными ситуациями, нестандартным поведением родителей и неожиданностями. В возрасте от 3 до 6 лет дети смеются над несоответствиями их опыту и ожиданиям. В школьном возрасте дети используют шутки для снятия напряжения от социальных проблем.

Вопросы теории дискурса и, в частности, юмористического дискурса, привлекают многих современных ученых [1; 6; 7; 8; 9].

Объект нашего исследования – детский юмористический дискурс.

Предмет изучения – лингвопрагматические особенности детского юмористического дискурса.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: С. Г. Воркачева [4], В. И. Карасика [7], М. А. Кулинич [9], Н. Д. Миловской [10], П. В. Середы [11], В. В. Химика [13], Н. Kotthoff [16].

Цель статьи – анализ лингвопрагматических особенностей юмористического дискурса (на примере детского анекдота в немецкой и русской лингвокультурах).

В работе используются метод сопоставительного анализа текстов на разных языках, метод дефиниционного анализа, метод интерпретативного семантического анализа контекстов, приемы классификации и систематизации, метод сплошной выборки языкового материала.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием аналитических статей именно с сопоставительной точки зрения двух рассматриваемых лингвокультур относительно детского анекдота как представителя юмористического дискурса.

Рассматривая детский анекдот с точки зрения лингвопрагматики, обратимся к понятию «лингвопрагматика» и определимся с тем, какой подход с точки зрения лингвопрагматики можно использовать для анализа детского анекдота.

Британский лингвист Дэвид Кристал считает, что основной принцип прагматики заключается в том, что язык определяется контекстом, в котором он используется, т.е. значение слов и фраз зависит от того, как они используются в контексте. Например, слово *собака* может иметь разное значение в зависимости от того, где оно используется. Д. Кристал также утверждает, что язык играет важную роль в определении того, как мы воспринимаем мир. Например, слова могут влиять на наше мнение о людях и событиях. Наконец, Д. Кристал отмечает, что прагматика имеет практическое применение в различных областях, включая коммуникацию, юриспруденцию и медицину [15]. Например, врачи используют прагматику при диагностике заболеваний, а юристы – при составлении договоров и контрактов. Перефразируя Д. Кристала, можно сказать, что лингвопрагматика – это изучение языка с позиции пользователей, выбора языковых структур, который они осуществляют, ограничений, с которыми они сталкиваются, пользуясь языком в социальных интеракциях, а также того эффекта, который их выбор языковых структур оказывает на других участников коммуникации [12, с. 17].

Итак, лингвопрагматика изучает взаимосвязь между языком, мышлением и поведением людей в определенных ситуациях общения.

Детский анекдот – это короткий юмористический рассказ, понятный детям. Лингвопрагматический анализ детского анекдота позволяет выявить особенности использования языковых средств и приемов, которые делают его понятным и смешным для детской аудитории.

Детский анекдот влияет на развитие таких черт характера, как сообразительность, способность улавливать двойное значение слов и обнажать скрытый смысл высказы-

ваний. Анекдот также помогает развивать связную речь, учит остроумию и формирует эмоциональное отношение к литературным произведениям с элементами юмора.

Е. Н. Захаренко и К. А. Курмаева в статье «Детский и взрослый юмор на примере современных англоязычных мультфильмов» [5] дают подробную характеристику восприятия форм комического в разном возрасте, подробно описывая, на какие формы и приемы комического реагируют дети. Так, дети младшего возраста (1 – 3 года) прекрасно реагируют на фонетический уровень комического и ритмико-интонационные свойства речи персонажей. В этом возрасте понятен простейший ситуативный юмор, а также юмор, где встречаются какие-либо несоответствия тому, о чем дети хорошо знают. В этом возрасте дети совершенно не воспринимают сравнения, юмор, основанный на сюжете, поскольку им еще трудно проследить за сюжетом. Им непонятна игра слов, словотворчество, подтекст и аллюзии. В возрасте 4 – 6 лет дети уже немного начинают воспринимать комизм, связанный с невоспитанностью, понимают простые сюжетные линии, хорошо воспринимают простейшую игру слов, однако все еще не чувствуют юмора, основанного на словотворчестве, подтексте и аллюзиях. Понимание юмора на более углубленном уровне происходит в возрасте 6 – 11 лет, когда дети начинают осознавать внешнюю и внутреннюю форму фонетического юмора, хорошо воспринимают смешные подтексты, простые аллюзии. В возрасте 11 – 17 лет фонетический уровень юмора становится одним из приемов создания комического, на второй план уходит ситуативный юмор, а на первый план выходит юмор лингвистический, в этом возрасте отлично воспринимается подтекст, а также сарказм, ирония. Юмор ниже пояса перестает быть причиной смеха, поскольку оценивается уже не только юмор, но и человек, этот юмор приносящий [5, с. 12–13].

Приведенный выше анализ восприятия юмора детьми можно перенести и на детские анекдоты. Для анализа был собран корпус немецкоязычных и русскоязычных детских анекдотов из 215 детских анекдотов с немецкоязычного сайта *witze.net* и 256 детских анекдотов с русскоязычного сайта *anekdotovstreet.com*.

Сравним тематику детских анекдотов двух лингвокультур. По тематике и немецкоязычные, и русскоязычные анекдоты очень схожи: дети шутят об игрушках, о семье, о детском садике в более раннем возрасте и о школьных проблемах в среднем возрасте, много анекдотов в обеих лингвокультурах о животных. Следует отметить, что в детских анекдотах нередко встречается и черный юмор. В немецкоязычных и русскоязычных анекдотах встречаются стереотипные типажи: это Вовочка – главный герой русскоязычных детских (да и не только) анекдотов и Фрицхен – основной участник немецкоязычных анекдотов на школьную тематику; папа и мама как представители анекдота семейной тематики; учительница как представитель немецкоязычного школьного юмора, а в русскоязычных анекдотах это не просто учительница, а чаще всего Мария Ивановна, имя которой в анекдотах сокращают до *МарьИванна*. Данные типажи имеют в анекдотах определенную социальную роль, традиционную сферу действия, определенные стандарты поведения, все они обладают клишированными свойствами характера и интеллекта.

Авторы статьи «Детский фольклор: итоги и перспективы изучения» пишут: «Среди смеховых жанров детского фольклора особое место занимает детский анекдот. Исследователи установили, что анекдоты, бытующие у детей в возрасте от 3–4 до 9–10 лет, практически не пересекаются с анекдотическим репертуаром взрослых. Школьники рассказывают анекдоты, которые едва ли могут насмешить взрослого человека: эти тексты используют ограниченный набор комических приемов, связанных по большей части со скатологическими мотивами или приемами каламбура...» [3, с. 231].

Действительно, анекдоты, интересные детям младшего возраста, трудно даже называть анекдотами, дети рассказывают их, забывая содержание, повторяясь, теряя коми-

ческое. Для ребенка важен сам процесс рассказа анекдота и реакция окружающих. В подростковом же возрасте появляется большое количество тенденционных анекдотов, т.е. анекдотов, основанных на неприличиях, на ненормативной лексике, с использованием табуированных тем.

В детском анекдоте, как и в любом другом, используются сатира, ирония, доведение до абсурда, пародия. «Особое место в анекдоте занимают фонетические средства создания комического эффекта. К таким средствам на фонетическом уровне относятся: *ономатопея* (звукоподражание), *спунеризм* (перестановка слогов из двух разных слов), *метатеза* (фонетическая перестановка на уровне одного слова), аллитерация (повторение одинаковых или однородных согласных звуков) и другие» [2, с. 168].

Приведем примеры:

(1) – Fritzchen, fragt die Lehrerin, weshalb nennen wir unsere Sprache auch Muttersprache? – Weil Vati nie zu Wort kommt [17]. (*Фрицхен, – спрашивает учительница, – почему мы называем наш язык родным языком? – Потому что папе не дают слова*) (здесь и далее перевод наш – Л. Т.).

Данный немецкоязычный анекдот (1) представляет собой языковой (или лингвистический) анекдот, построенный на игре слов, а именно на использовании слова *Mutter*, что и вызывает соответствующий ответ Фрицхена, поскольку в его понимании *Muttersprache* – материнский язык, язык мамы, а не родной язык, поэтому он и сообщает о том, что «папе слова не дают».

(2) – Sag mal, Papi, warum hast du eigentlich Mami geheiratet? – Siehst du, Ingrid, die Kinder können es auch nicht verstehen! [17]. (*Скажи-ка, папа, почему ты женился на маме? – Видишь, Ингрид, дети тоже не могут этого понять!*).

(3) Der kleine Sohn schaut sich den neuen Pelzmantel seiner Mutter an und meint: „Muss das arme Vieh dafür gelitten haben!“ Darauf die Mutter wütend: „Wie sprichst du eigentlich über deinen Vater?“ [17]. (*Маленький сын смотрит на новую мамину шубу и говорит: «Бедное животное, должно быть, страдало за это»! Мать сердито отвечает: «Как ты можешь так говорить о своем отце?»*).

Анекдоты (2) и (3) также относятся к категории семейного детского анекдота и не требуют лингвистического анализа, поскольку не содержат ни игры слов, ни экстралингвистического подтекста. Здесь представлены в утрированном виде внутрисемейные отношения.

(4) Eine Familie fährt im neuen Jeep auf einer Straße. Sitzt ein Kaninchen auf der Straße. Der Vater fragt: „Bremsen oder weiterfahren?“ Die Kinder rufen: „Weiterfahren, weiterfahren!“ Blut spritzt, Gedärme fliegen, die Familie lacht. Steht ein Reh auf der Straße. Wieder fragt der Vater: „Bremsen oder weiterfahren?“ Die Kinder wieder: „Weiterfahren, weiterfahren!“ Blut spritzt, Gedärme fliegen, die Familie lacht. Steht ein Elefant auf der Straße. Wieder fragt der Vater: „Bremsen oder weiterfahren?“ Und die Kinder rufen: „Weiterfahren, weiterfahren!“ Blut spritzt, Gedärme fliegen, der Elefant lacht [17]. (*Семья едет по дороге на новом джипе. На дороге сидит кролик. Отец спрашивает: «Тормозить или ехать дальше?» Дети кричат: «Едем, едем!» Кровь брызжет, кишки летят, семья смеется. На дороге появляется олень. Отец снова спрашивает: «Тормозить или ехать дальше?» Дети снова: «Едем, едем!» Кровь брызжет, кишки летят, семья смеется. На дороге появляется слон. Отец снова спрашивает: «Тормозить или ехать дальше?» А дети кричат: «Едем, едем!» Брызжет кровь, летят кишки, слон смеется*).

Немецкоязычный анекдот (4) является ярким примером жанра черного юмора, при этом, несмотря на всю жестокость этого текста, в самой последней фразе «*Брызжет кровь, летят кишки, слон смеется*» есть описание так называемой мгновенной кармы. Считается, что в тексте детского анекдота заложена мораль, в данном случае так и есть.

(5) – Вовочка, ты показывал свой дневник родителям? – Нет, МарьяИванна. – Почему? – Потому что я забочусь об их здоровье [14].

(6) – Папа, ты помнишь, что обещал мне сто баксов, если я перейду в шестой класс? – Да, да, конечно. Ну, как твои успехи? – Поздравляю тебя, папа, ты сэкономил 100 баксов [14].

(7) – Чебурашка, ты поменял рыбкам воду в аквариуме? – Нет, Гена, они еще и ту не выпили [14].

Представленные выше три русскоязычных анекдота (5), (6) и (7) не содержат интродуктивной строки, поскольку из самого диалога понятна окружающая обстановка и участники диалогов. Из фразы Вовочки *Потому что я забочусь об их здоровье* из анекдота (5) имплицитно понятно, что дневник выглядит не очень хорошо и родители расстроятся, увидев оценки сына. Тот же имплицитный смысл скрыт в анекдоте (6): чтобы не признаваться, что остался на второй год, сын сообщает более мягкую для отца информацию *Поздравляю тебя, папа, ты сэкономил 100 баксов*. А анекдот (7) представляет диалог двух любимых многими детьми персонажей – Крокодила Гены и Чебурашки. Анекдот построен на приеме доведения до абсурда, но вызывает интерес у детей, поскольку ситуация им хорошо понятна.

(8) *Заяц видит – на поляне лежит волк. Ласковым, заискивающим голосом спрашивает: – Что, волчок, отдыхаешь? – Да нет, косой, в капкан попал. – У-у, разлеглась тут, серая скотина!* [14].

В русскоязычном анекдоте (8) описана ситуация вечного противостояния двух лесных антиподов – зайца и волка. В начале анекдота дается стереотипное описание характера зайца и в качестве пунта – резкое превращение пугливого зверя в наглого и смелого, поскольку волк в данной ситуации слабее.

Кроме того, в немецкоязычной лингвокультуре среди детских анекдотов выделяют *Alle-Kinder-Witze*, которые названы так по двум первым словам *Alle-Kinder*. Каждая такая шутка (анекдотом ее назвать сложно, поскольку это короткое рифмованное предположение, начинающееся со слов *Alle Kinder* + глагол, затем идет отрицание *nur nicht* + имя + придаточное определительное предложение) содержит в себе черный юмор, например,

Alle Kinder tanzen um das Feuer, nur nicht Brigitte, die steht in der Mitte. (Все дети танцуют вокруг костра, кроме Бригитты, которая стоит в центре).

В русскоязычной лингвокультуре также есть аналогичные стишки-страшилки, но все они имеют разное начало, могут быть одно-, двух- и четырехстрочными, например:

Дети в подвале играли в больницу – умер от родов электрик Синицын.

Наш анализ показал, что в детских анекдотах нет скрытых смыслов, они просты для понимания и в чем-то даже примитивны. С другой стороны, детские анекдоты как нельзя лучше подтверждают афоризм: «Устами ребенка глаголет истина». Дети часто бывают жестоки, именно поэтому среди детских анекдотов много текстов, содержащих либо черный юмор, либо его элементы.

Разница между немецкоязычными и русскоязычными детскими анекдотами заключается в лексическом составе, морфологических особенностях и синтаксисе. Немецкоязычные анекдоты характеризуются большим лексическим разнообразием, использованием прилагательных и наречий для создания экспрессии и художественности, а также наличием артиклей для выражения категории определенности или неопределенности. Русскоязычные анекдоты отличаются лаконичностью, эмоциональностью и зачастую безоценочностью. В них используется больше имен существительных, служебных частей речи и междометий, но мало местоимений и не употребляются вопросительные предложения.

Таким образом, лингвопрагматика детского юмора отличается от лингвопрагматики юмора взрослых. Детский юмор основан на микроконтексте, а юмор взрослых – на

макроконтексте, сюжете, игре слов и подтексте. В детском юморе важны ситуативность и невербальные средства, такие как жесты, голос и несоответствия во внешнем облике персонажей. Дети младшего возраста не понимают шуток с подтекстом и игрой слов, им интереснее юмор, основанный на микроконтексте.

Список литературы

1. Бабаян В. Н. Об основных категориях и типах дискурса // Иностранные языки в высшей школе. 2008. № 6. С. 95–100.
2. Бабаян В. Н., Тюкина Л. А. Фонетическая игра в юмористическом дискурсе // Фонетическая рапсодия 2021: межвузовский сб. науч. тр. К юбилею доктора филологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Научно-образовательного центра интеграции науки и образования ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», действительного члена Российской Академии Естествознания Галины Михайловны Вишневской. Иваново, 22 ноября 2021 г. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2021. С. 168–171.
3. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл., Москва, 01–03 февраля 2005 г. / Отв. ред. А. С. Каргин. Т. 1. М.: Центр культурных стратегий и проектного управления, 2005. С. 215–243.
4. Воркачев С. Г. Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 26–51.
5. Захаренко Е. Н., Курмаева К. А. Детский и взрослый юмор на примере современных англоязычных мультфильмов // Studia Culturae. 2018. № 35. С. 17–31.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 144–153.
8. Кузовникова Е. Г. О некоторых особенностях черного юмора для молодежи в современном немецкоязычном интернет-дискурсе // Казанская наука. 2022. № 8. С. 57–62.
9. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (На материале английского языка): монография. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999.
10. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008.
11. Середа П. В. Природа комического в языке // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: Сб. материалов I Международной научно-практической конференции, Краснодар, 27 марта 2019 г. Краснодар: Кубанский гос. технол. ун-т, 2019. С. 98–102.
12. Тюкина Л. А. Лингвопрагматика юмора: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2023.
13. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Санкт-Петербургское философское общество. Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 17–31.
14. АнекдотовСтрит // URL: <https://anekdotovstreet.com/> (дата обращения: 22.03.2024).
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge Press, 1995.
16. Kotthoff H., Roters G., Klingler W., Hg.; Lachkulturen heute: Humor in Gesprächen. «Forum Medienrezeption», Baden-Baden. 2003. S. 45–75.
17. Witze.net // URL: <http://witze.net> (дата обращения: 22.03.2024).

* * *

1. Babayan V. N. Ob osnovny`x kategoriyaх i tipax diskursa // Inostranny`e yazy`ki v vy`sshej shkole. 2008. № 6. S. 95–100.

2. Babayan V. N., Tyukina L. A. Foneticheskaya igra v yumoristicheskom diskurse // Foneticheskaya rapsodiya 2021: mezhvuzovskij sb. nauch. tr. K yubileyu doktora filologicheskix nauk, professora, vedushhego nauchnogo sotrudnika Nauchno-obrazovatel`nogo centra integracii nauki i obrazovaniya FGBOU VO «Ivanovskij gosudarstvenny`j universitet», dejstvitel'nogo chlena Rossijskoj Akademii

- Estestvoznaniya Galiny` Mixajlovny` Vishnevskoj. Ivanovo, 22 noyabrya 2021 g. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2021. S. 168–171.
3. Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur`e M. L. Detskij fol`klor: itogi i perspektivy` izucheniya // Pervyj Vserossijskij kongress fol`kloristov: sb. dokl., Moskva, 01–03 fevralya 2005 g. / Otv. red. A. S. Kargin. T. 1. M.: Centr kul`turny`x strategij i proektnogo upravleniya, 2005. S. 215–243.
4. Vorkachev S. G. Igry` razuma: intellekt v yumoristicheskom diskurse / Lingvokul`turologiya. 2016. № 10. S. 26–51.
5. Zaxarenko E. N., Kurmaeva K. A. Detskij i vzroslyj yumor na primere sovremenny`x angloyazy`chny`x mul`tfil`mov // Studia Culturae. 2018. № 35. S. 17–31.
6. Karasik V. I. Yazy`kovoju lichnost`, koncepty`, diskurs: monografiya. Volgograd: Peremena, 2002.
7. Karasik V. I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya // Zhanry` rechi. 1997. Vy`p. 1. S. 144–153.
8. Kuzovnikova E. G. O nekotory`x osobennostyax chernogo yumora dlya molodezhi v sovremennom nemeczkoyazy`chnom internet-diskurse // Kazanskaya nauka. 2022. № 8. S. 57–62.
9. Kulinich M. A. Lingvokul`turologiya yumora (Na materiale anglijskogo yazy`ka): monografiya. Samara: Izd-vo Samar. gos. ped. un-ta, 1999.
10. Milovskaya N. D. Semantika komicheskogo. Yazy`kovoju by`tovoj anekdot (na materiale nemeczkogo yazy`ka). Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2008.
11. Sereda P. V. Priroda komicheskogo v yazy`ke // Sovremennye tendencii kross-kul`turny`x kommunikacij: Sb. materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 27 marta 2019 g. Krasnodar: Kubanskij gos. texnol. un-t, 2019. S. 98–102.
12. Tyukina L. A. Lingvopragmatika yumora: monografiya. Yaroslavl: Izd-vo YaGTU, 2023.
13. Ximik V. V. Anekdot kak unikal`noe yavlenie russkoj rechevoj kul`tury` // Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. Anekdot kak fenomen kul`tury`. Materialy` kruglogo stola 16 noyabrya 2002 g. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2002. S. 17–31.
14. AnekdotovStrit // URL: <https://anekdotovstreet.com/> (data obrashheniya: 22.03.2024).

Linguistic pragmatics of humorous discourse (at the example of German and Russian-language children's joke)

The linguistics pragmatics peculiarities of children's joke in the German and Russian-language linguistic cultures are considered. The specific features of comprehension of jokes by various aged children are analyzed. There are compared the peculiarities of children's jokes in German and Russian. The theme of children's joke is presented, there are defined the stereotyped characters of children's jokes. It is concluded about the differences in the linguistic pragmatics of children's joke and joke for adult.

Key words: *joke, children's joke, linguistic pragmatics, linguistic pragmatics of children's humour, humorous discourse, stereotyped characters.*

(Статья поступила в редакцию 30.04.2024).

М. А. КУЛИНИЧ

А. И. ШАМШИНА

Самара

**УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

Учебник английского языка рассматривается как мультимодальный текст, состоящий из вербальных и невербальных знаков и являющийся элементом культуры, в котором содержится культурологическая, историческая и лингвострановедческая информация.

Анализируются примеры заданий из учебников английского языка, где представлена культурно-историческая информация, направленная на формирование смысла путем воздействия на разные каналы восприятия (визуальный, аудиальный, цифровой).

Ключевые слова: учебник английского языка, мультимодальный текст, элемент культуры, вербальный знак, невербальный знак.

Учебник традиционно считается одним из главных методических средств, которое в процессе учения и обучения во многом определяет содержание образовательного процесса и несет в себе большое количество информации, а также является средством ее передачи, переработки и хранения. В основной триаде любого образования – Учитель, Учебник, Ученик – между учителем и учеником стоит учебник, который (наряду с разговорником и письмовником) представляет собой специфический жанр лингвометодической литературы. Он во многом определяет, структурирует и направляет как методические действия учителя, так и учебные действия ученика. Назначение учебника иностранного языка – обеспечить некоторый минимум межкультурного общения в заранее очерченных коммуникативных ситуациях. При этом основной единицей содержания учебника является учебный текст, который можно (и нужно) анализировать качественно (изучать природу текстов и комментарии к ним) и количественно (с точки зрения национально-специфического компонента). Именно такой подход представляется целесообразным при трактовке учебника как мультимодального текста. Мы предпримем попытку рассмотреть учебник как жанр методического дискурса, где «пересекаются культурное и образовательное пространства» [6]. Учебники отражают реалии определенной эпохи и определенную идеологию, способ видения мира. Поэтому они ценны и как источники лингвострановедческой или исторической информации [7, с. 37].

По мнению Е. В. Карпец, «в современном учебнике английского языка культура репрезентируется через тексты. Учебные тексты как культурные объекты репрезентируют культуру в различных ее проявлениях. Они предоставляют фоновые знания о системе ценностей и норм, знакомят с географическими особенностями, традициями различных стран и др.» [6, с. 90].

Появление современного учебника английского языка обусловлено рядом социокультурных факторов, среди которых – распространение огромного количества несогласованной информации, стремительное развитие человеческой коммуникации (в том числе межкультурной), противоречивый характер межкультурного взаимодействия, необходимость формирования межкультурной компетенции участников общения, приобретение английским языком статуса «вторичного средства культурного самовыражения народа» и средства «иноязычного описания культуры», массовые миграции и связанные с ними аккультурационные процессы, поток аутентичных текстов и текстов «ино-

язычного описания культуры», необходимость комментирования инокультурных явлений, повсеместная медиализация и интермедиаальный характер человеческой коммуникации [6, с. 76].

Структурируясь и сохраняясь, информация в учебнике, как в продукте человеческой деятельности, направлена на формирование смыслов. Реализацию поиска смысла посредством учебника В. Н. Семерджиди видит в коммуникативной задаче дидактического текста: «Функциональная направленность любого дидактического текста, и в том числе по иностранному языку, представляющего собой модель национально-культурной специфики речевого общения, – передача знаний, развитие умений. Следовательно, коммуникативная задача дидактического текста – подвести адресата (учащегося) к когнитивному (от лат *cognitio* – познание) пониманию» [12, с. 36].

Взгляд на культуру как на форму общения, направленную на формирование смысла, позволяет связать ее с коммуникативной природой учебного текста. Таким образом, учебник английского языка выступает отдельным элементом культуры, который, как и культура в целом, оказывается средством коммуникативного взаимодействия и передает не только дидактическую, но культурную информацию посредством знаков различных семиотических систем, задействуя разные каналы восприятия (визуальный, аудиальный, дигитический).

5 LISTENING

- a In your country, are referees a) well-paid b) respected c) unpopular?
Why do you think somebody would want to become a referee?
- b 3 8))) You're going to hear to an interview with an ex-Champions League football referee from Spain. Listen to **Part 1** and choose a, b, or c.

- 1 Why did he become a referee?
- a His father was a referee.
 - b He liked sport, but wasn't good at it.
 - c He was always attracted by the idea.
- 2 What was the most exciting match he ever refereed?
- a His first professional match.
 - b He can't choose just one.
 - c Real Madrid against Barcelona.

Рис. 1.

Материалом исследования послужили аутентичные учебные комплексы, содержащие книги для студентов, учителя, рабочую тетрадь и комплект аудио- и видеоматериалов [16; 18; 15], учебник по грамматике английского языка [19], а также учебник английского языка отечественных авторов [3].

Все компоненты дополняют друг друга и играют важную роль не только в изучении английского языка, но и в репрезентации иной культуры. Стоит отметить, что данные аутентичные комплексы предназначены обучающимся (wide-range of learners), для которых английский не является родным (ESL). Учебники готовят обучающихся к международной коммуникации (for global communication) путем развития межкультурной компетенции (with a special focus on intercultural competence). Включение аудио- и видеокomпонентов в учебные комплексы свидетельствует о всеобщей тенденции к медиализации и интермедиальности человеческой коммуникации. Видеоматериалы, включенные в учебно-методический комплекс, дают возможность не только читать текст, но

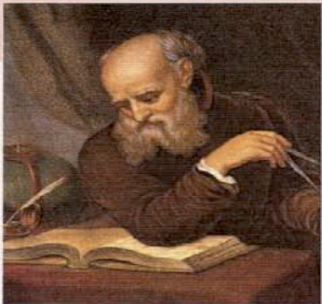
history

4 Complete the text with a word from the list. You will have to use some words more than once.

at between by for in on of

Galileo

As well as being a scientist, Galileo was interested **a** in painting and music. He started his studies **b** by attending medical school in Padua. Unlike most scientists at that time, who usually relied **c** on discussing the facts, not trying to prove them, he recognized the importance **d** of doing experiments to prove the facts. He is famous **e** for dropping different **weights** from the Tower of Pisa to prove that all bodies fall at the same **rate**, though this is probably not a true story. Through practice, he also became good **f** at observing the stars, and identified craters on the Moon, **sunspots**, and the moons of Jupiter. As a result **g** of studying the planet Venus, he succeeded **h** in proving that Copernicus was correct, and that the Earth moved around the Sun. Unfortunately, the Church **authorities** accused him **i** of publishing unacceptable ideas. In the end he was forced to choose **j** between being punished by the Church, or denying his own ideas. He spent most of the last nine years of his life imprisoned in his own house.

history

7 Complete the text with the *-ing* form or *to*-infinitive of the verbs in brackets.

The first explorers to cross Australia

John Stuart decided **a** (cross) to cross Australia from south to north in 1859. He wanted **b** (win) a prize offered by the South Australian government. This meant **c** (travel) to travel across mountains and desert for 3,000 kilometres. He and his three companions kept **d** (ride) riding for eight months before reaching the centre of the continent. What had they expected **e** (find) to find? So far they had only succeeded in **f** (discover) discovering a huge desert. On this **expedition** Stuart failed **g** (reach) to reach the coast, and turned back ill and short of food. He tried **h** (complete) to complete the journey the next year, but failed again.

Рис. 2.

и просматривать видеозапись, получая дополнительные визуальные данные о позе, жестикуляции, мимике, манере говорения представителей других культур [6, с. 84]. Умения слушания развиваются с помощью аутентичных аудиоматериалов – интервью, объявлений по радио, рекламы. В подобных заданиях можно наблюдать, как люди разговаривают на английском языке с разными акцентами, что является прекрасной возможностью познакомиться и привыкнуть к разнообразию особенностей произношения.

Рассмотрим пример такого задания.

Задание (рис. 1) взято из учебника English File (Intermediate Student's Book) [18]. Текст задания содержит два пункта:

1. В вашей стране спортивные судьи / арбитры: а) хорошо зарабатывают б) уважаемы, в) непопулярны? Как вы думаете, почему люди хотят работать судьями / арбитрами?

2. Вы собираетесь прослушать интервью с бывшим испанским судьей / арбитром Лиги чемпионов УЕФА. Прослушайте первую часть и выберите ответы а, б или с.

Из текста-подписи к фотографии мы узнаем имя судьи / арбитра – Хуан Антонио Фернандас Мартин, а также важную информацию из его профессиональной биографии: обслуживал 200 матчей Лиги чемпионов УЕФА и 50 международных матчей. Данная содержательно-фактуальная информация относится к определенному историческому моменту в истории футбола – 1999-2003 гг. Этот пример, как и следующие, служит иллюстрацией к утверждению о том, что язык не только средство общения, коммуникации, язык является еще и хранителем, а также выразителем культуры [4, с. 135].

Поскольку все происходящее с языком понимается в русле прагматической теории как действие, методическая теория при коммуникативном подходе также рассматривает процесс обучения как действие, производимое с языком и на языке. Предполагается большая активность обучаемых и загрузка всех каналов приема информации для того, чтобы запомнить и потом использовать языковую информацию. Поэтому учебник построен вокруг коммуникативной ситуации, а все упражнения направлены на то, чтобы воссоздать реальное общение, усвоить его параметры и научиться переносить изученный материал на похожие ситуации. Отсюда – диалоговые упражнения, примеры реальной коммуникации, ролевые игры. При изучении грамматики в центре внимания оказываются не отдельные предложения, а связные тексты, описывающие реальную ситуацию [7, с. 34].

Тексты заданий (рис. 2) содержат культурологическую и лингвострановедческую информацию. Первый текст повествует о жизни итальянского физика, астронома, математика Галилея (XVII в.). Задание: «Заполните пропуски словами из списка. Некоторые слова необходимо использовать более одного раза». Второй текст о шотландском путешественнике, исследователе Австралии Джоне Сьюарте (XIX в.). Задание: «Заполните текст формами -ing или to- глаголов в скобках». Данные примеры иллюстрируют дискурсивную парадигму в рамках коммуникативного подхода обучения грамматике английского языка, где происходит не просто систематизация единиц грамматического строя языка, а употребление грамматики в «продукте речетворческого процесса» – тексте, где единицей обучения выбираются не изолированные предложения, а контекст. Таким образом, обучающийся вовлечен в межкультурное общение на иностранном языке. При этом грамматические навыки формируются и развиваются путем включения в социокультурный контекст (исторический контекст), в рамках которого происходит осознание картины мира.

Отличительной чертой коммуникативной методики является то, что в основе отбора учебного материала лежат осознание и понимание, что говорение планируется не как повторение или симуляция диалога, а как осознанная деятельность, дискуссия, поиск аргументов, умение убедить собеседника, поделиться своими мыслями. Меняется

8 Have a meeting using the ideas from **7** and the flow chart below.

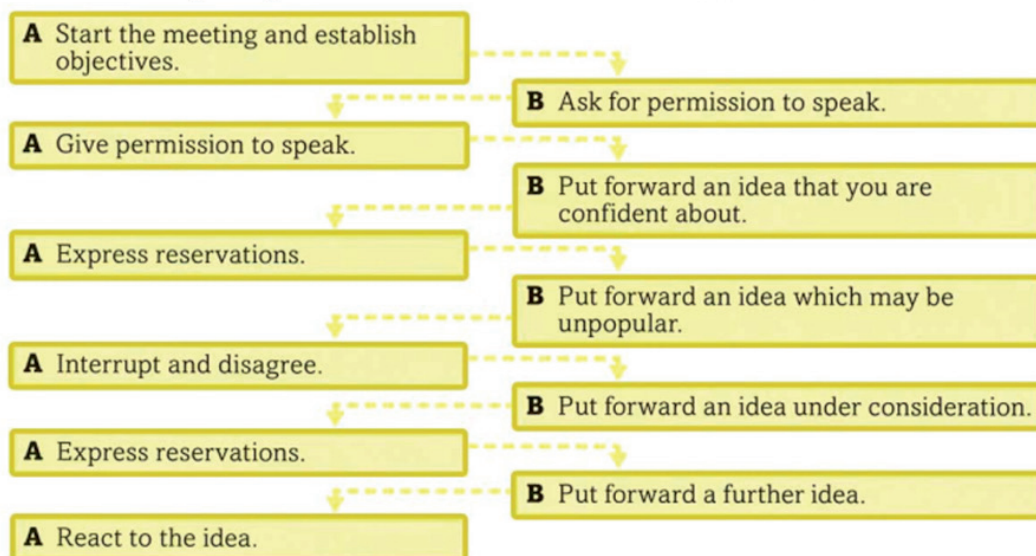

Рис. 3.

TASK LISTENING 1 You are going to listen to Adrian talking about important events and changes in Britain. Look at the photos. What do you think he will say?

Рис. 4.

роль учителя: из контролирующей и объясняющей инстанции он превращается в партнера и советчика [7, с. 34].

Задание (рис. 3): Проведите собрание, используя идеи из упражнения 7 и блок-схему (flow-chart) ниже. Задание содержит невербальный элемент представления информации – блок-схему (flow-chart), которая посредством дигитического канала вос-

приятия обучающегося помогает осознать причинно-следственные связи и упорядочить изучаемое в систему. Подобный алгоритм обсуждения и ведения беседы встречается почти в каждом уроке данного учебника. Приведены несколько блоков, описывающих отдельные шаги – коммуникативные намерения, которые связаны вместе в контексте заданного разговора. Данная диаграмма культурно маркирована, поскольку ее создание связано с определенными людьми и историческим временем. Первыми, кто описали принцип построения информации посредством блок-схемы (flow-chart), были Фрэнк и Лилиан Гилберт в 1921 г. [16].

Успехи лингвокультурологии в 90-е гг. XX в. привели авторов учебных пособий к необходимости создать в обучающем издании, насколько это возможно, объективную картину чужой действительности.

Задание (рис. 4) из урока под емким и лаконичным названием «World». Подраздел посвящен изменениям в употреблении пищи «Say how a town or country changed». Задание на аудирование: «Вы собираетесь послушать Эдриана, который говорит о важных событиях и изменениях в жизни Великобритании. Посмотрите на фотографии. Как вы думаете, что он собирается сказать?» Формулировка задания отсылает обучающегося к фотографиям, на которых изображены национально-специфические компоненты: кули-

5 Look at the photos. How many ways can you describe what has happened to the things and people, using **get** or **become**?

A

B

C

D

Рис. 5.

нарное блюдо (паста), флаг Европейского союза, популярный шеф-повар Великобритании Джейми Оливер, люди в уличном кафе, разнообразие сыров на прилавке. Подразумевается, что ученик должен связать все представленные невербальные компоненты с культурно-историческими изменениями Великобритании в XX–XXI вв., сделать вывод, что активное проникновение европейских кулинарных традиций в Великобританию и появление на телевизионных каналах кулинарных шоу – это следствия вступления Великобритании в Европейский Союз в 1973 г.

Данный пример иллюстрирует слова Е. В. Карпец о том, что «учебник представляет собой поле, где пересекаются культурное и образовательное пространства, при этом культурное пространство членится на разные подвиды пространства иной культуры: художественное, литературное и др. и предстает как социокультурное, т.к. учебник предоставляет знания из различных социальных сфер той или иной культуры, охватывая не только собственно культурные явления» [6, с. 63].

По мере развития коммуникативной направленности современных учебников английского языка авторы активнее стали включать в текст учебника элементы невербальной коммуникации (картинки, фотографии, карикатуры, пиктограммы), которые, синтезируясь с вербальным текстом, образуют креолизованный (поликодовый, семиотически сложный, мультимодальный) текст. Под креолизованным текстом традиционно понимается особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальные и невербальные компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата [1, с. 17]. Так, например, невербальные элементы усиливают информационный вес языкового сообщения и делают тексты культурно маркированными. Все это придает тексту целостность, в своей совокупности влияет на восприятие инокультурных явлений [6, с. 84].

В данном задании (рис. 5) предлагается посмотреть на фотографии и описать представленные на них изменения, используя слова *get*, *become*. По нашему мнению, формулировке этого задания должен предшествовать вопрос: «Что вы видите на фотографиях?». Студенты часто затрудняются с интерпретацией того, что они видят на фото-

Security

LISTENING

1 Look at the photos. What forms of security do they show? What is their purpose?

2 Listen to Jane, Uri, Patrick and Tina talking about security measures.

- 1 What security measure do they talk about?
- 2 Are they in favour of them, against them, or do they have mixed feelings?

Рис. 6.

графии / рисунке. Чтобы избежать непонимания, преподавателю необходимо задавать уточняющие, наводящие вопросы к самому заданию, поскольку креолизованный текст задания связывает два компонента: вербальный (формулировка задания) и невербальный (фотографии), которые, синтезируясь, призваны помогать обучающемуся в его речемыслительной деятельности. Известно, что визуальный элемент содержит не только эстетический, но информативный потенциал [6, с. 84]. В данном примере на двух фотографиях изображены технические устройства (проигрыватель пластинок и планшетный компьютер), характерные для материально-технического развития общества на разных его этапах.

Как было отмечено выше, тексты современных учебников английского языка имеют гетерогенную природу, представляя собой многомерные явления, состоящие из разных элементов (вербальных, визуальных, аудиальных). Именно во взаимодействии вербальных и иконических знаков успешно реализуется целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [11, с. 146]. Тексты, восприятие которых требует от реципиента задействовать как минимум вербальный и зрительный каналы, а также в котором оба компонента (вербальный и визуальный) содержат ключевые элементы информации для декодирования, исследователи называют мультимодальными [2, с. 83]. Так, задействуя несколько каналов передачи информации, мультимодальный учебный текст позволяет освоить большой объем материала за определенное время, а также стимулировать познавательную деятельность, мотивацию, пробуждать интерес к изучению не только языковых явлений, но и явлений культуры.

Задание (рис. 6) из раздела «Безопасность». 1. Посмотрите на фотографии. Какие формы безопасности на них изображены? Какое их назначение? 2. Послушайте Джейн, Юрия, Патрика и Тину, рассказывающих о мерах безопасности. Данный текст культурно маркирован не только посредством фотографий, но и аудиальным компонентом. Аудиозаписи дают возможность услышать различные акценты как носителей языка, так и людей, говорящих на английском как иностранном.

Мультимодальный текст, с одной стороны, облегчает восприятие информации, а с другой – накладывает определенную нагрузку на обучающегося и преподавателя в плане построения смысла [14]. Ранее упоминалось, что информация в учебнике, как в продукте человеческой деятельности, структурируясь и сохраняясь, направлена на формирование смыслов. Мультимодальная природа учебных текстов требует необходимых новых навыков и стратегий восприятия, понимания вербальных и невербальных знаков, как декодирования их связи, в которую они вступают, для построения интеграционного смысла целого – смыслообраза [11, с. 147].

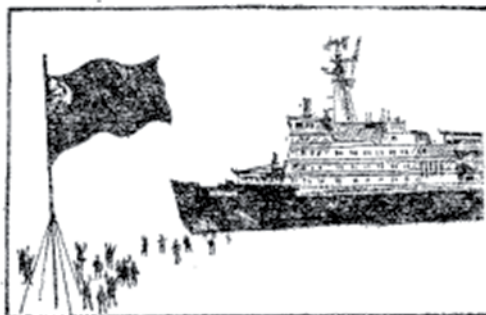
Учебник, таким образом, представляет собой коммуникативное поле культурного и образовательного пространств, на котором происходит взаимодействие участников коммуникации в условиях ситуации обучающего общения, где фиксируются социальные правила, нормы, закрепленные в культуре и имеющие свое языковое выражение посредством вербальных и невербальных знаков. Пространство учебника характеризуется единством, целостностью, взаимосвязанностью всех компонентов. Мы, вслед за Е. В. Карпец и Н. В. Семенюченко, считаем важным подход, при котором учебник рассматривается как компонент системы более высокого порядка – культуры, где вербальные и невербальные элементы содержательно и структурно взаимосвязаны и выполняют функции репрезентантов и ретрансляторов иноязычной культуры как содержания иноязычного образования [6; 10, с. 78].

Представляется очевидным, что лексико-грамматические особенности изложения информации не могут быть истолкованы вне культуры, истории, деятельности данного общества. Отечественные учебники английского языка образца 90-х гг. XX в. ориентированы на достижения собственной культуры.

60. On August 17, 1977 the Soviet ice-breaker "Arctica" reached the North Pole. Look at the pictures and speak about the voyage of the Soviet ice-breaker "Arctica" to the North Pole.

The voyage to the North Pole was long and hard.

Soviet people hoisted¹ the Soviet Red Flag at the North Pole.

Рис. 7.

Life-changing books

SPEAKING and READING

1 a What genre do you think each book cover belongs to?
best-seller fiction humour autobiography
self-help guide current affairs adventure

b What do you think the books are about? How do you know?

c Read each book description. Which do you think would be worth reading? Why / Why not?

Broken heart? Finding it hard to get through the daily routine? With this easy, accessible program, your heart will be whole again and healed. With a wide range of exercises and insights, this book shows how you can face

Celebrated Japanese author, and runner of more than 20 marathons, Haruki Murakami details his love and experience of long-distance running from the 1980s onwards. Charming and intimate, his passion comes

American soldier Billy Pilgrim is captured and sent to a German prisoner-of-war camp during World War II – a

Рис. 8.

Задание (рис. 7) из учебника английского языка для VI класса школы с углубленным изучением английского языка отечественных авторов содержит в себе ретроспективную (историческую) информацию: «17 августа 1977 г. советский ледокол “Арктика” достиг Северного полюса». Обучающимся предлагается, глядя на картинки и описание под ними (под первой картинкой: путешествие к Северному полюсу было слож-

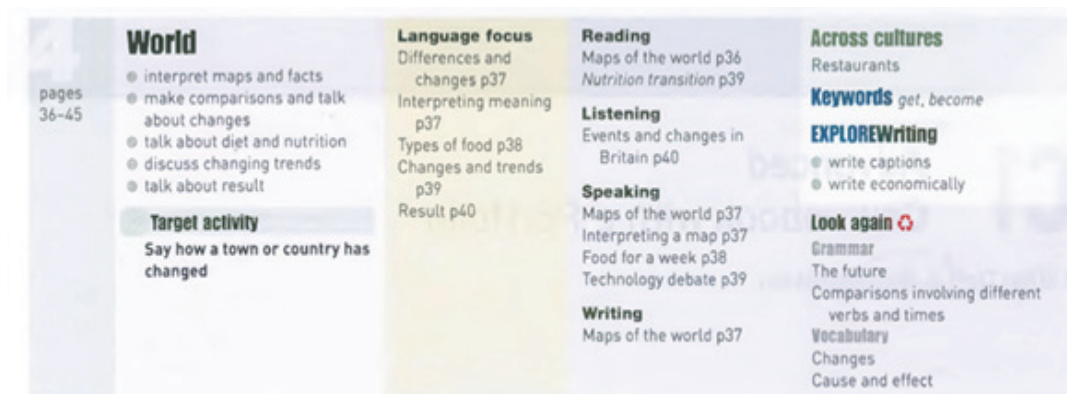

Рис. 9.

- 2 Read this advice from intercultural consultant, Kate Berardo of culturocity.com, and compare your answers in 1. Which piece of advice do you find most useful?

Рис. 10.

ным и длинным; под второй картинкой: советские люди подняли / водрузили советское знамя на Северном полюсе), рассказать об экспедиции советского ледокола «Арктика» на Северный полюс. Видим, что представленное задание содержит информацию о значимом общественно-политическом событии в истории СССР. Социокультурный компонент представлен в виде историко-географической информации: дата экспедиции, название ледокола. Заметим, что, несмотря на ценность информации для российских школьников, с методической точки зрения задание непродуктивно. Заданию *Speak about about the voyage of the Soviet ice-breaker “Arctica” to the North Pole* (Расскажите об экспедиции советского ледокола «Арктика» к Северному Полюсу) должно предшествовать *Read about the voyage of the Soviet ice-breaker “Arctica” to the North Pole* (Прочитайте информацию об экспедиции советского ледокола «Арктика» к Северному Полюсу).

Задание (рис. 8) содержит информацию о литературно-культурном наследии – книгах современных авторов, представителей разных культур (например, Харуки Мураками и Курта Воннегута). Предлагаются вопросы: 1. а) Как вы думаете, каких жанров представлены книги? б) Как вы думаете, о чем эти книги? Как вы это поняли? в) Прочитайте описание каждой книги. Какую, на ваш взгляд, стоит прочитать? Почему?

Формулировка и содержание задания подтверждают тот факт, что текст не является пассивным носителем смысла, он влияет на интерпретацию культурных явлений,

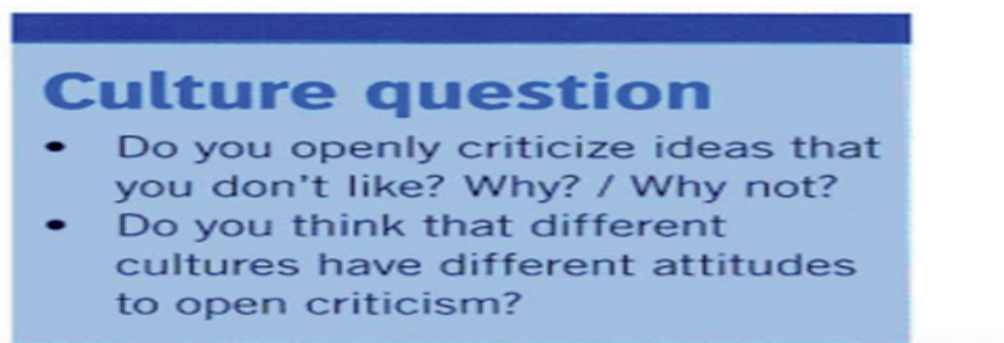

Рис. 11.

Рис. 12.

формирует определенное к ним отношение. Обучающиеся по-своему интерпретируют и оценивают явления различных культур.

Развитие коммуникационных технологий, скорость и объем передачи информации и как следствие возникшие трудности с ее представлением и усвоением заставили человека кардинальным образом изменить свое коммуникативное поведение. Если, согласно А. В. Оляничу, в эпоху, предшествующую гиперинформационному буму, достижение прагматических целей коммуникаций носило преимущественно вербальный характер, то наше время потребовало интенсивного внесения в коммуникацию визуальной составляющей. Смешанный (вербально-невербальный) характер коммуникации сегодняшнего дня непротиворечиво и неминуемо перевел общение в русло «демонстрации смыслов», усилив его интерактивный параметр [8, с. 8].

Повсеместная медиализация и интермедиаальный характер человеческой коммуникации создали условия для расширения спектра каналов восприятия и анализа вербального/невербального знака за счет большого потока информации и форм ее выражения в тексте учебника.

Учитывая тот факт, что одной из наиболее активно развивающихся функций учебника в наши дни стала функция ориентировки, навигации [13, с. 37], можно утверждать, что пристальное внимание в методическом дискурсе уделяется средствам, которые бы помогали обучающимся воспринимать и анализировать материал учебника. Оглавление учебника, например, являясь одним из таких средств навигации, представляет собой одну из форм проявления гипертекстуальности. Рассматривая соотношение текста

учебника с текстом оглавления, мы вслед за М. В. Покалюхиной можем отнести оглавление к паратекстовым элементам, содержащим свои ключевые слова, служащие для структурирования информационных блоков автором и для ориентации в тексте обучающегося [8, с. 105].

Пример оглавления (рис. 9) демонстрирует информационные блоки оглавления, представляющие собой гипотексты, которые отражают внутреннюю структуру построения учебника. Можем наблюдать в них креолизованные элементы: цветовое выделение текста, шрифтовое варьирование, графические символы. Данные элементы помогают быстрее и точнее ориентироваться в гипертекстовом пространстве учебника.

Задание (рис. 10): Прочитайте совет консультанта по межкультурной коммуникации Кейт Берардо компании *cultorosity.com* и сравните со своими ответами в задании 1. Какой совет вы считаете самым полезным?

Факт указания адреса интернет-страницы в формулировке задания свидетельствует о нелинейности текста задания, о наличии интертекстуальных связей между элементами текстового пространства. Выделение в некоторых учебниках специальных разделов, посвященных культуре (Culture Questions; Across Cultures), способствует развитию межкультурной компетенции.

Содержательный компонент интертекстуальных связей в тексте учебника представляет собой материал, построенный на многообразии культур разных стран. Так, на страницах учебника мы найдем фотографии, интервью, выдержки из статей, принадлежащих людям разных этнических расовых и религиозных принадлежностей. Изучающему английский язык предлагается посмотреть почти на каждую тему с позиций разных культур и тем самым сформировать глобальный взгляд на явления. Если рассматривать текст учебника как пространство межтекстовых взаимодействий, интертекстуальности, можно проследить различные типы включений, отражающих факт межкультурного взаимодействия.

Авторы учебника часто включают в контекст урока культурологические вопросы. Так, авторы учебника «Business Result» отдельно в рамке выносят вопросы (рис. 11), которые помогают обучающемуся понять, как национальная культура страны и корпоративная культура влияют на процессы делового взаимодействия. Обучающимся для анализа, размышления и говорения предлагаются вопросы о критике: «Как вы думаете, наблюдается ли в различных культурах различное отношение к открытой критике?», юморе: «Приемлемо ли в вашей культуре использовать юмор в презентации?», конфликтах: «Какое отношение в вашей культуре к конфликтам?», невербальных средствах коммуникации: «Насколько язык жестов, зрительный контакт и язык тела важны в вашей культуре?» и проч. Посредством таких вопросов происходит опосредованная межкультурная коммуникация, в процессе которой обучающийся включается в мир общечеловеческих нравственно-этических ценностей на основе собственных социокультурных представлений.

Учебник английского языка, являясь жанром методического дискурса, выступает источником не только дидактической, но и лингвострановедческой, исторической информации и фоновых знаний о системе ценностей и норм. При этом справедливо говорить об учебнике английского языка как об элементе культуры, репрезентирующемся в креолизованном (семиотически осложненном, сочетающем вербальные, визуальные и аудиальные элементы) тексте, носящем мультимодальный характер. В мультимодальном тексте учебника наиболее явно можно наблюдать коммуникативную природу текста, где информация структурируется и представляется посредством знаков различных семиотических систем. Вербальные и невербальные знаки, синтезируясь в пространстве учебника, способствуют построению смысла за счет воздействия на различные каналы восприятия.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
2. Блинова О. А. Мультиmodalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93.
3. Богородицкая В. Н., Шавернева Л. И., Хрусталева Л. В. Учебник английского языка: для VI кл. шк. с углубл. изуч. англ. яз. 2-е изд. М.: Просвещение, 1990.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
6. Карпец Е. В. Освоение мира иной культуры в культурно-образовательном пространстве учебника: дис. ... канд. культурологии. Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2013.
7. Кулинич М. А. Учебник английского языка и основные этапы его эволюции // Учитель, ученик, учебник: материалы V Юбилейной всероссийской научно-практической конференции: сб. ст. Т. 1 / Отв. ред. Л. А. Городецкая. М.: КДУ, 2009. С. 148–151.
8. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гносис, 2007.
9. Покалюхина М. В. О роли читателя при использовании паратекстовых элементов в качестве гипертекста // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III международной научно-практической конференции, Самара, 20 июня 2013 г. / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия / Отв. ред. С. А. Стройков. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2013. С. 104–110.
10. Семенюченко Н. В., Ермолова О. В. Учебник как текст: постановка проблемы // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 74–82.
11. Семерджиди В. Н. Дидактический текст по иностранному языку как креолизованный текст (на материале современных учебников английского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 146–149.
12. Семерджиди В. Н. Семиотические закономерности функционирования феноменов паралингвистики в дидактических текстах: на материале русского и английского языков: дис...канд. филол. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008.
13. Чертов В. Ф., Журавлев В. П. Расширение диапазона навигационных функций современного учебника литературы // Наука и школа, 2019. № 4. С. 36–42.
14. Шамшина А. И. Элементы визуализации в англоязычном методическом дискурсе: взгляд студентов (на материале учебника «Oxford English Grammar Course») // Поволжский педагогический вестник. 2022. Т. 10. № 4 (37). С. 99–103.
15. Baade K., Holloway C., Scrivener J., Turner R. Business Result, Advanced Student's Book. Oxford University Press, 2013.
16. Doff A., Goldstein B. English Unlimited, Advanced Coursebook. Cambridge University Press, 2012.
17. Gilbreth Frank B., Gilbreth L. M. Process charts, the American society of mechanical engineers. New York, 1921.
18. Latham-Koenig C., Oxeden C. English File, Intermediate Student's book. Oxford University Press, 2013.
19. Vince M., Macmillan English Grammar: In Context, Intermediate with key. Macmillan Education, 2008.

* * *

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovanny'x tekstov). M.: Akademiya, 2003.
2. Blinova O. A. Mul'timodal'nost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy' o nezavisimosti Shotlandii // Nauchny'j dialog. 2019. № 10. S. 79–93.
3. Bogorodiczskaya V. N., Shaverneva L. I., Xrustaleva L. V. Uchebnik anglijskogo yazy'ka: dlya VI kl. shk. s uglubl. izuch. angl. yaz. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 1990.
4. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Yazy'k i kul'tura. M.: Indrik, 2005.

5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981.
6. Karpecz E. V. Osvoenie mira inoj kul'tury` v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve uchebnika: dis. ... kand. kul'turologii. Saransk: Mord. gos. un-t im. N. P. Ogareva, 2013.
7. Kulinich M. A. Uchebnik anglijskogo yazy`ka i osnovny`e e'tapy` ego e`voljucii // Uchitel', uchenik, uchebnik: materialy` V Yubilejnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st. T. 1 / Otv. red. L. A. Gorodeczkaya. M.: KDU, 2009. S. 148–151.
8. Olyanich A. V. Prezentsionnaya teoriya diskursa: monografiya. M.: Gnosis, 2007.
9. Pokalyuxina M. V. O roli chitatelja pri ispol'zovanii paratekstovy`x e`lementov v kachestve giperteksta // Gipertekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya: Materialy` III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Samara, 20 iyunya 2013 g. / Povolzhskaya gosudarstvennaya social'no-gumanitarnaya akademiya / Otv. red. S. A. Strojkov. Samara: Samarskij gos. socz.-ped. un-t, 2013. S. 104–110.
10. Semenyuchenko N. V., Ermolova O. V. Uchebnik kak tekst: postanovka problemy` // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2021. № 2. S. 74–82.
11. Semerdzhidi V. N. Didakticheskij tekst po inostrannomu yazy`ku kak kreolizovannyj tekst (na materiale sovremenny`x uchebnikov anglijskogo i russkogo yazy`kov) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2014. № 1. S. 146–149.
12. Semerdzhidi V. N. Semioticheskie zakonomernosti funkcionirovaniya fenomenov paralingvistiki v didakticheskix tekstax: na materiale russkogo i anglijskogo yazy`kov: dis...kand. filol. nauk. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2008.
13. Chertov V. F., Zhuravlev V. P. Rasshirenie diapazona navigacionny`x funkcij sovremennogo uchebnika literatury` // Nauka i shkola, 2019. № 4. S. 36–42.
14. Shamshina A. I. E`lementy` vizualizacii v angloyazy`chnom metodicheskom diskurse: vzglyad studentov (na materiale uchebnika «Oxford English Grammar Course») // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2022. T. 10. № 4 (37). S. 99–103.

English textbook as multimodal text: linguocultural aspect

English textbook is considered as the multimodal text, consisting of verbal and nonverbal signs and serving as the element of culture, including the culturological, historical and linguistic and cultural information. There are analyzed the examples of the tasks from the English textbooks, where there is presented the cultural and historical information, directed to the formation of content by influencing on the different channels of perception (visual, auditory and digital).

Key words: *English textbook, multimodal text, element of culture, verbal sign, nonverbal sign.*

(Статья поступила в редакцию 20.04.2024).

**ДИСКУРСИВНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА
В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ**

Исследуются особенности дискурсивного позиционирования адресанта и адресата в рекламном тексте. Отношения адресанта (субъекта речи) и адресата в рекламном тексте рассматриваются как двусторонний и взаимообусловленный процесс взаимодействия. Анализируются дискурсивные позиции субъекта речи (адресанта) и адресата в рекламном тексте.

Ключевые слова: *рекламный текст, адресант, адресат, позиционирование, дискурсивное позиционирование, дискурсивные позиции адресанта и адресата, взаимодействие адресанта и адресата.*

Большая часть исследований последних лет, посвященных изучению особенностей рекламной коммуникации, традиционно связана с анализом способов, приемов и средств *воздействия* на адресата рекламного текста, но в настоящей статье предпринята попытка рассмотреть *взаимодействие* адресанта и адресата в рекламном тексте, понимаемое автором как процесс двусторонний и взаимонаправленный.

Выбирая данный ракурс анализа, мы опираемся на точку зрения М. М. Бахтина: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями. Речевое взаимодействие является, таким образом, основной реальностью языка» [2, с. 429].

Мысль ученого о речевом взаимодействии как основной реальности языка получила развитие во многих научных исследованиях.

Н. Д. Арутюнова в известной классической работе «Фактор адресата» указала на взаимообусловленность действий говорящего субъекта речи и ее получателя: «Всякий акт рассчитан на определенную модель адресата. При этом роль получателя такова, что заставляет говорящего заботиться об организации своей речи» [1, с. 356].

Е. С. Попова подробно описала манипулятивные маски (позиции) адресанта рекламного сообщения, которые он выбирает в соответствии с собственными целями и особенностями адресата для солидаризации с ним [12, с. 283].

Органическое единство адресанта и адресата в рекламном дискурсе отметила Т. Б. Колышкина: «Субъект и адресат как начальная и конечная точки коммуникативного акта, неизбежно входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы. Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляет неразрывную целостность и сущность самой коммуникации» [10, с. 139].

Термин «позиционирование» изначально появился в работах маркетологов Э. Райса и Дж. Траута, которые сформулировали знаменитый постулат теории позиционирования: «Поля маркетинговых сражений – сознание потребителя» [14, с. 7].

В последние годы термин «позиционирование» стал междисциплинарным и активно используется в философских, политологических, психологических, социологических и других исследованиях [4; 8].

В дискурсологии «позиционирование» рассматривается как двоякая процедура, которая, с одной стороны, предшествует формированию дискурса, с другой – проявляется в дискурсе, актуализируя позицию и точку зрения субъекта и адресата как процесс гармонизации отношений между субъектом и адресатом» [15, с. 61].

Анализ «процесса формирования и гармонизации отношений между субъектом и адресатом» как отражения взаимодействия адресанта и адресата в рекламном тексте представляется нам очень интересным.

Для полного и исчерпывающего описания взаимодействия адресанта и адресата рекламного текста в нашей статье используется терминологическое сочетание «дискурсивное позиционирование», не так давно получившее распространение в научной литературе [5; 6; 7; 11].

«Дискурсивное позиционирование в рекламе – это процесс формирования отношений между адресатом рекламы и возникающим в его сознании образом субъекта речи» [5, с. 222].

Рассмотрим дискурсивное позиционирование адресанта и адресата в рекламных текстах, используя в качестве материала исследования 95 рекламных объявлений, размещенных в сети Интернет и выявленных методом сплошной выборки.

1. Дискурсивная позиция адресанта в рекламном тексте

Субъект речи (адресант) присутствует в тексте рекламного объявления эксплицитно или имплицитно.

Эксплицитное присутствие образа адресанта в рекламном тексте репрезентируется формами местоимения 1-го лица множественного числа (*мы*), применяемыми для наименования только адресанта и адресанта в совокупности с адресатом.

1. **Мы** может обозначать только адресанта:

Мы не храним картофель в долгом ящике. Делает все, чтобы вы выбрали из лучшего [17];

Дикси: Такие низкие цены мы сами видим впервые!; Мы задали себе новую планку [3];

Мы увеличили содержание мяса в продуктах и заявили об этом на упаковке [3];

Нас вдохновляет наука о долголетии. Вдохновляет на новые разработки средств для ухода за кожей. Представляем новую восстанавливающую сыворотку для лица в коллекции ухода – Absoluе The Serum. Премиальное средство обновляет кожу, делая ее заметно более упругой и сияющей. Сохраните молодость кожи лица надолго (реклама косметики Lancome) [16].

Рекламный текст с таким **мы** – всегда некое «программное» заявление, самопрезентация фирмы, компании, магазина и т.п.

2. **Мы** может обозначать адресанта и адресата («мы-группу»):

Когда мы думаем об инжире, в нашем воображении всплывают теплые картинки соленого спокойного моря, яркие лучи солнца, витамины, летние вечера и сладкое душистое варенье. Эссенция Fig Boosting окунет вас в мир добрых воспоминаний из юности и покорит сердце своими уникальными способностями оживлять и украшать кожу уже после первого нанесения [9];

Приходите! С нами ваша кожа станет моложе и свежее! Преимущества корейской косметики Alluer: гипоаллергенность, доступные цены, высокое качество и натуральность (реклама косметики Alluer) [15];

Скажем «нет» осенней тоске и меланхолии! Добавить в жизнь красок способна парфюмерная вода La Vie Est Belle. Утонченные ноты ириса, ванили, флердоранжа и фруктово-пряной смородины напомнят, что счастье всегда рядом. Оно внутри нас!

Аромат в хрустальном флаконе символизирует уникальность этого чувства... Композиция La Vie Est Belle создана лучшими парфюмерами Lancôme – поэтому она вдохновляет идти своим путем (реклама духов) [16].

Такое объединение адресанта и адресата уменьшает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом.

Некоторые рекламные тексты не содержат указания на субъекта речи (адресанта), в таких случаях сложно понять, кто именно произносит текст, от чьего лица он написан:

Двойное дыхание! Свежий воздух вам к лицу! С новой кислородной косметикой двойное дыхание вы выглядите так, как будто все время проводите на природе! (реклама косметики Ollie) [16];

Эlegantный и обволакивающий аромат Rose Peonia – признание в любви женственности, наполненной естественным сиянием, которую традиционно воплощает марка Lancôme (реклама духов) [18];

Глянцевые, роскошные, эффектные – ваши губы экстраординарны! (реклама помады-лака Color Riche от L'Oreal Paris) [16];

Если он... покоритель стихий. Его жажду моря утолит аромат с освежающими нотами мяты и лаванды, звучащими в унисон с напористым аккордом дубового мха (реклама мужских духов) [16].

В подобных рекламных объявлениях обобщенный адресант присутствует имплицитно.

2. Дискурсивная позиция адресата в рекламном тексте

Дискурсивная позиция адресата в рекламном тексте – быть пассивным объектом воздействия со стороны адресанта.

3. Способы актуализации дискурсивной позиции адресанта

в рекламном тексте

Дискурсивная позиция адресанта в рекламном тексте актуализируется посредством использования определенных способов адресации, моделей отношений с адресатом и применения риторической аргументации.

Адресант выбирает способ адресации, модель отношений с адресатом и аргументы, обеспечивающие эффективное взаимодействие с ним.

3.1. Способ адресации

Традиционный способ адресации в рекламных объявлениях – формы местоимений 2-го лица единственного или множественного числа:

А вы не забыли про отпуск? Прекрасно выглядеть и комфортно себя чувствовать на отдыхе, вам помогут натуральные косметические средства BIOCOS (реклама косметики BIOCOS) [18];

В лучшем ресторане шеф-повар – ты. Ярмарка вдохновляет готовить (реклама круп) [16];

Ты сделаешь себя особенной и неповторимой. Найди свое отражение в любимом аромате – женственный мускус, сладкий персик, дурманящая роза. Ведь ты так многогранна! (реклама женских духов) [16].

Активно используются также формы притяжательных местоимений *ваши, твой, свой*:

*Подарите **вашей** коже нежность атласа (реклама крема для тела) [18];*

*Усовершенствуйте **Ваши** антивозрастной уход для достижения наилучшего результата (реклама крема ELEMIS) [16];*

*Битва тушей! Найди **свой** идеальный продукт (реклама туши для ресниц) [18];*

*Придайте **своим** ресницам драматичный объем с тушью Divine Lashes. Насыщенный черный пигмент и специальная формула позволяют наносить тушь до шести слоев без комочков и склеивания! Преобразите **свой** взгляд с Max Factor (реклама туши для ресниц Max Factor) [18].*

3.2. Модель отношений с адресатом

Выбор формы обращения адресанта к адресату определяет модель отношений между адресантом и адресатом. «Это еще не реальные отношения, это образ-модель, образ-подобие тех отношений, которые обобщенный адресант хотел бы установить с адресатом» [6, с. 198].

Адресант в рекламном тексте может транслировать адресату разнообразные чувства (уважение, заботу, любовь и т.п.); выступать в роли эксперта, наставника, помощника; проявлять предельную вежливость или фамильярность, официальность или доверительность; относиться к адресату как к равному, как к «своему», нуждающемуся в совете и подсказке и т.п. [12, с. 277–286].

Адресант может обратиться к адресату

– официально:

Представляем новую восстанавливающую сыворотку для лица в коллекции ухода – Absolve The Serum. Премимальное средство с запатентованной розой Perpetual Rose обновляет кожу, делая ее заметно более упругой и сияющей (реклама сыворотки для лица) [16];

– ласково, с любовью, нежностью и заботой:

Больше никакой усталости, ваши глазки очаруют даже самых строгих секьюрити. Патчи эффективно разглаживают мимические морщинки и осветляют кожу. Даурская лилия выравнивает тон кожи, смягчает и увлажняет. Ледяная смородина освежает, насыщая витаминами С и Е. 2% гиалуроновая кислота увлажняет и разглаживает, возвращая упругость и эластичность (реклама патчей для кожи вокруг глаз) [16].

Адресант может

– дать совет:

Устройте 15 минут релакса с действенным эффектом. Коллекция тканевых масок «Возраст Эксперт» создана с учетом потребностей кожи в зависимости от того, сколько вам лет. Всего за одно применение вы получаете видимый результат – мелкие морщинки сокращаются, а кожа выглядит и ощущается более увлажненной (реклама масок для лица) [9];

Консилер, который безупречно сливается с кожей. Это Infaillible от L'Oréal Paris! Он не скатывается и держится до 24 часов. Проработай все проблемные зоны с помощью большого удобного аппликатора и будь уверена, что твоя кожа выглядит идеально! (реклама консилера) [18];

– проконсультировать:

Рисовое блаженство, тонер I'm From Rice Toner, который увлажняет и питает с первой капли. Тонер увлажняет и напитывает вашу кожу, придает здоровое свечение, выравнивает тон и легко устраняет все шелушения. Молочковая текстура окутает вашу кожу такой нежностью и заботой, что вам и не снилось (реклама тонера для лица) [16];

– просто поднять настроение:

Лучшие цены – лучшим покупателям [18].

3.3. Риторическая аргументация

Дискурсивная позиция адресанта в рекламном тексте актуализируется и с помощью риторической аргументации: *этической и эмоционально-психологической* (см. о риторической аргументации: [13]).

Этическая аргументация связана с ценностными ориентациями адресата. Адресант учитывает, какими хотят себя видеть потенциальные потребители товара, и рекламируемый продукт преподносится как необходимая часть имиджа будущего покупателя, как некий символ этого идеального образа:

*Роскошный глянец чувственных губ. Это эффект нового тинта для губ Brilliant Signature от L'Oréal Paris! Новинка с глянцевым финишем и невесомой текстурой **позволит тебе ярко заявить о себе*** (реклама тинта для губ) [16];

*Maybelline. The colossal big shot. Заряди ресницы на колоссальный успех. **Стремиться к большему? Это мой секрет успеха*** (реклама туши) [18];

*Dior HOMME – воплощение элегантности и **исключительного стиля*** (реклама духов) [16];

*Что расскажут о тебе твои губы? Женственно-кремовые, обворожительно-сверкающие, спокойные матовые или броские неоновые – найди настроение на сегодня в палитре увлажняющих блесков Infaillible от L'Oréal Paris с гиалуроновой кислотой. **Выбери красоту и комфорт, ведь ты этого достойна!*** (реклама блеска для губ) [18].

Эмоционально-психологическая аргументация наиболее эффективно привлекает внимание к объекту рекламирования.

В качестве эмоционально-психологических аргументов адресант часто приводит в рекламном тексте мнения о рекламируемом товаре известных людей, пользующихся авторитетом у адресата (целевой аудитории):

*Серию макияжа представляет певица **Лена Темникова**. Макияж без макияжа. Прозрачный глянцевый блеск как финальный штрих твоего образа* [18];

*STELLARY набор теней для век 12 цветов – выбор **Веры Брежневой*** [18];

*Выбор **Моники Белуччи**. Активирует работу клеток (крем NIVEA)* [18].

Эффективны в качестве эмоционально-психологических аргументов и ссылки на общеизвестные мнения, на общественную практику:

*Удлиняет ресницы по желанию. Разделяет их. Фиксирует изгиб на долгое время. Ведь она – **легендарная тушь** для ресниц Hypnôse Тушь покорила уже миллионы женщин во всем мире. Она позволяет создать нужный объем взмахом кисти. Удлиняйте и утолщайте ресницы в два, три и даже в шесть раз просто добавлением нового слоя* [16];

*Сыворотка Advanced Génifique Sensitive. Одно из **культовых** уходовых средств от Lancôme для сияния и восстановления кожи лица* (реклама сыворотки) [16];

*Изысканный и яркий аромат «Как Явность» – **любимчик многих наших покупательниц!** Помимо элегантного аромата, у парфюма множество преимуществ: 100% растительный спирт Картон получен из древесины подведомственных лесов; Упаковка и флакон полностью подлежат переработке* [18].

Воздействуют на эмоции адресата и ссылки на мнение реально существующих специалистов в определенной области:

*Семь лет исследований потребовалось **экспертам Vichy** для создания запатентованной молекулы Проксилан, полученной с помощью инновационной технологии из коры букового дерева и играющей ключевую роль в биосинтезе молекул гликозаминогликанов (структурных компонентов дермы). Проксилан влияет на выработку собственного коллагена и эластина кожи, восстанавливая ее слой за слоем, повышая ее упругость, тонус, и делая морщины менее заметными. Цените здоровье. Начните с кожи. Vichy* (реклама крема) [9];

*Тушь FALSE LASCH EFFECT дает максимальный результат с первого нанесения, но с каждым слоем wow-эффект только усиливается! – **Владимир Калинин, официальный визажист Max Factor в России*** (реклама туши) [16];

*Встречайте следующее поколение средства – экстрачерную тушь Hypnôse L'Absolu de Noir! **Эксперты Lancôme** усовершенствовали интерпретацию оригинальной туши, чтобы получить еще более насыщенную формулу. Hypnôse L'Absolu de Noir позволяет получить глубокий цвет и в 8 раз больше объема ресниц* (реклама туши) [18].

Таким образом, наш анализ показал, что важнейшим фактором организации рекламного текста является дискурсивное позиционирование адресанта и адресата – дву-

сторонний и взаимообусловленный процесс взаимодействия адресанта и адресата. Дискурсивные позиции адресанта и адресата в рекламном тексте отражают отношения между субъектом речи и целевой аудиторией рекламного текста. Выбирая способ адресации, модель отношений с адресатом и аргументацию, адресант стремится к эффективному взаимодействию с адресатом.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
2. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 2000.
3. Беспощадная реклама из общепита // URL.: <https://vc.ru/food/877042-besposhadnaya-reklama-iz-obshepita> (дата обращения: 25.05.2024).
4. Головина Т. С. Сущность процесса позиционирования и его место в построении маркетинговой стратегии // Вестник науки и образования. 2020. № 10-3 (88). С. 33–36.
5. Горячев А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2010.
6. Горячев А. А. Экспликация интенций автора и адресата в рекламном тексте // Медiateкст как полиинтенциональная система: сб. статей / Отв. ред.: Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 196–202.
7. Ефанов А. А., Осокин А. А. Использование позиционирования как дискурсивной стратегии в зависимости от целевой установки актора // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике, Москва, 02–04 февраля 2022 г. / Сост.-ред.: В. И. Аннушкин, А. Г. Жукова, Л. В. Селезнева. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2022. С. 185–188.
8. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования: монография / Под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2022.
9. Когда мы думаем об инжире // URL.: <https://patchandgo.ru/product/im-from-fig-boosting-essence-150-ml/> (дата обращения: 25.05.2024).
10. Колышкина Т. Б. Модель анализа дискурса и рекламного дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 34–36.
11. Осокин А. А., Цзинь Х. Позиционирование как дискурсивная стратегия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 567–572.
12. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 276–288.
13. Пригарина Н. К. К вопросу об основаниях классификации риторических аргументов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-2 (1). С. 104–107.
14. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость / Пер. с англ. / Под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2001.
15. Селезнева Л. В., Жукова А. Г. Позиционирование в PR-дискурсе: позиция и точка зрения // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 61–70.
16. Слоганы для косметики. 85 примеров для продаж // URL.: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-magazina-kosmetiki/> (дата обращения: 25.05.2024).
17. Слоганы для продуктов. Сто примеров для продаж // URL.: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-produktov/> (дата обращения: 25.05.2024).
18. Textodrom.net. Рекламные тексты // URL.: <https://textodrom.net/goods/> (дата обращения: 25.05.2024).

* * *

1. Arutyunova N. D. Faktor adresata // Izv. AN SSSR. Ser. literatury` i yazy`ka. 1981. T. 40. № 4. S. 356–367.

2. Baxtin M. M. Frejdizm. Formal`ny`j metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazy`ka. Stat`i / Sost. I. V. Peshkov. M.: Labirint, 2000.

3. Besposhhadnaya reklama iz obshhepita // URL.: <https://vc.ru/food/877042-besposhhadnaya-reklama-iz-obshhepita> (data obrashheniya: 25.05.2024).
4. Golovina T. S. Sushhnost' processa pozicionirovaniya i ego mesto v postroenii marketingovoy strategii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2020. № 10-3 (88). S. 33–36.
5. Goryachev A. A. Modelirovanie rechevogo vozdejstviya v reklamnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: Sankt-Peterb. gos. un-t, 2010.
6. Goryachev A. A. E'ksplyatsatsiya intencij avtora i adresata v reklamnom tekste // Mediatekst kak poliintencional'naya sistema: sb. Statej / Otv. red.: L. R. Duskaeva, N. S. Czvetova. SPb.: Sankt-Peterb. gos. un-t, 2012. S. 196–202.
7. Efanov A. A., Osokin A. A. Ispol'zovanie pozicionirovaniya kak diskursivnoj strategii v zavisimosti ot celevoj ustanovki aktora // Ritorika i rechekomunikativny'e discipliny v nauke i praktike sovremenno go obshhestva: Sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po ritorike, Moskva, 02–04 fevralya 2022 g. / Sost.-red.: V. I. Annushkin, A. G. Zhukova, L. V. Selezneva. M.: Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 2022. S. 185–188.
8. Identichnosti: semiotika reprezentacii i pragmatika pozicionirovaniya: monografiya / Pod red. A. A. Tesli, S. T. Zolyana, G. L. Tul'chinskogo. Kaliningrad: Balt. feder. un-t im. I. Kanta, 2022.
9. Kogda my` dumaem ob inzhire // URL.: <https://patchandgo.ru/product/im-from-fig-boosting-essence-150-ml/> (data obrashheniya: 25.05.2024).
10. Koly'shkina T. B. Model' analiza diskursa i reklamnogo diskursa // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2010. № 1. S. 34–36.
11. Osokin A. A., Czzin' X. Pozicionirovanie kak diskursivnaya strategiya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2022. T. 27. № 3. S. 567–572.
12. Popova E. S. Struktura manipulativnogo vozdejstviya v reklamnom tekste // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 276–288.
13. Prigarina N. K. K voprosu ob osnovaniyax klassifikacii ritoricheskix argumentov // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2008. № 1-2 (1). S. 104–107.
14. Rajs E., Traut Dzh. Pozicionirovanie: bitva za uznavaemost' / Per. s angl. / Pod red. Yu. N. Kapturevskogo. SPb.: Piter, 2001.
15. Selezneva L. V., Zhukova A. G. Pozicionirovanie v PR-diskurse: poziciya i tochka zreniya // Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 61–70.
16. Slogany` dlya kosmetiki. 85 primerov dlya prodazh // URL.: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-magazina-kosmetiki/> (data obrashheniya: 25.05.2024).
17. Slogany` dlya produktov. Sto primerov dlya prodazh // URL.: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-produktov/> (data obrashheniya: 25.05.2024).
18. Textodrom.net. Reklamny'e teksty` // URL.: <https://textodrom.net/goods/> (data obrashheniya: 25.05.2024).

Discourse positioning of addressant and addressee in advertising text

The peculiarities of discourse positioning of addressant and addressee in advertising text are studied. The attitude of addressant (subject of speech) and addressee in advertising text is considered as a two-sided and mutually conditioned process of cooperation. The discourse positions of speech subject (addressant) and addressee in advertising text are analyzed.

Key words: *advertising text, addressant, addressee, positioning, discourse positioning, discourse positions of addressant and addressee, cooperation of addressant and addressee.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2024).

Н. Н. ОСТРИНСКАЯ
Волгоград

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассматриваются особенности организации художественного текста: неоднородность внутренней смысловой структуры, связность, морфологические и синтаксические черты, активная позиция читателя. Художественный текст характеризуется как динамический конструктор, функционирующий в условиях реальной коммуникации.

Ключевые слова: художественный текст, структура текста, экспрессивная напряженность/тензионность текста, связность текста, языковая игра.

Вопросы, связанные с проблематикой текста вообще и художественного текста в частности, постоянно привлекают внимание ученых, поскольку сам текст представляет собой явление многомерное, до конца не исследованное. Вызывают интерес различные аспекты изучения текста, – например, из каких конститутивных элементов состоит текст, каким образом эти элементы используются автором в его архитектонике.

Художественный текст – это цельное произведение, которое обладает авторской модальностью. В нем все подчинено определенной целеустановке. В зависимости от целеустановки, один и тот же автор может использовать различные средства для создания экспрессивной напряженности (тензионности) текста [5, с. 12–16].

При подборе фактического материала мы обратили внимание на то, что авторы в некоторых случаях намеренно предпочитают использовать определенные синтаксические конструкции, определенные стилистические средства, которые формируют ключевые элементы художественного текста. Эти ключевые элементы характерны для каждого текста и в каждом тексте имеется их определенный набор. Так, например, в произведении Амели Нотомб «Страх и трепет» почти не используются конструкции, относящиеся к экспрессивному синтаксису. Но тем не менее автор держит читателя в напряжении на протяжении всего произведения. Синтаксическим средствам создания экспрессивности и, соответственно, создания тензионности А. Нотомб предпочитает аргументативные средства.

Исследователи обращают внимание на неоднородность внутренней смысловой структуры текста. «Текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [7, с. 91]. В этой семиотической системе имеются различные коды. Некоторые из них понимаются однозначно, для других требуются определенные усилия читателя для восприятия текста. Кроме явных кодов, которые находятся на поверхности текста, в нем имеются скрытые коды, как «некоторая фоновая кодировка, имеющая бессознательный характер и, следовательно, обычно незаметная» [Там же]. Фоновая кодировка «вводится в сферу структурного сознания и приобретает осознанную значимость» [Там же].

Различные средства, обеспечивающие связность текста, включая синтактико-стилистические тропы и фигуры, взаимодействуют друг с другом. Исследователи по-разному подходят к выявлению закономерностей организации текста. В текстах, безусловно, имеется определенная композиционная схема, но для каждого произведения она своя. Иногда в процессе чтения мы говорим, что по закону жанра здесь должны произойти такие-то и такие-то события. И они действительно происходят. Так, например, в

детektивах преступником часто оказывается человек, на которого менее всего падает подозрение, что позволяет читателю его «вычислить» именно по этому признаку.

Представляет интерес точка зрения И. Р. Гальперина, предлагающего использовать понятие «правильность» текста. Правильными ученый считает тексты, соответствующие ряду требований: «... соответствие содержания текста его названию (заголовку), завершенность по отношению к названию (заголовку), литературная обработанность, характерная для данного функционального стиля, наличие сверхфразовых единств, объединенных разными, в основном логическими типами связи, наличие целенаправленности и прагматической установки» [3, с. 25]. Во многих текстах, как полагает автор, соблюдаются нормы для указанной группы текстов. Художественные тексты при этом обладают определенным своеобразием. Оно состоит в том, что они «сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания» [Там же].

Дж. Серль анализирует проблему художественного текста под другим углом зрения. В его статье «Логический статус художественного дискурса» представлено разграничение между художественным вымыслом и литературой, а также между художественной и фигуральной речью. Ученый полагает, что не все произведения, основанные на художественном вымысле, являются литературными, и наоборот, не все литературные произведения основаны на художественном вымысле [6].

Дж. Серль не дает четкого определения литературного произведения, объясняя это несколькими факторами:

- 1) отсутствием набора признаков, общих для всех литературных произведений;
- 2) отсутствием критериев отнесенности произведения к «литературе» («относится ли то или иное произведение к литературе, решают читатели, относится ли оно к художественному вымыслу, решает автор»);
- 3) отсутствием четких границ между литературой и нелитературой.

Например, рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, по мнению автора, являются художественными произведениями, но при этом возникает вопрос, следует ли их рассматривать как часть английской литературы?

В некоторых произведениях переплетается вымышленная и невымышленная история. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» имеется вымышленная история отношений Пьера, Наташи и других героев, а также невымышленная война России и Франции, в которой имеются невымышленные исторические персонажи [6].

В цитируемой нами статье Дж. Серля анализ художественного дискурса проводится в рамках теории речевых актов с позиций логики, т.е. в работе рассматриваются интересные автора явления с точки зрения истинности/неистинности. Для нас важным являются наблюдения автора по другому поводу. Дж. Серль дискутирует с исследователями, утверждающими, что «автор художественного произведения имеет свой собственный репертуар иллокутивных актов, отличных от стандартных иллокутивных актов задавания вопросов, высказывания просьб, давания обещаний, давания описаний и т.д., хотя и вполне равноправных с этими последними» [Там же]. То есть, если выразиться по-другому, язык авторов художественных произведений отличается от языка обычных пользователей. В таком случае «никто не мог бы понять художественное произведение, не выучив новый набор значений для всех слов и прочих языковых элементов, содержащихся в этом художественном произведении, а поскольку в художественном произведении может встретиться какое угодно предложение, носителю языка пришлось бы каждый раз заново овладевать языком, поскольку каждое предложение в языке имело бы как нехудожественное, так и художественное значение». А поскольку этого не происходит, для нас «не составляет никакой трудности распознавание и понимание художественных произведений». Дж. Серль объясняет все это тем, что автор про-

изведения и читатель играют в особую языковую игру, используя при этом «особый набор конвенций» [Там же].

На языковую игру как на феномен текста обращали внимание многие исследователи, например Р. Барт: «*Играет* сам текст (так говорят о свободном ходе двери механизма) и читатель тоже играет, причем двояко; он *играет в Текст* (как в игру), <...> он еще и *играет Текст*». Р. Барт проводит параллель с музыкой и исполнением музыкального произведения. Он иллюстрирует свой тезис примерами, связанными с современной, постсерийной музыкой. Особенности исполнения современной постсерийной музыки заключаются в том, что «роль «исполнителя» разрушена – его заставляют быть как бы соавтором партитуры, дополнять ее от себя, а не просто «воспроизводить». Текст как раз и подобен такой партитуре нового типа: он требует от читателя деятельного сотрудничества. <...> Человек скучает, когда он не может сам производить текст, играть его, разбирать его по частям, *запускать его в действие*» [1, с. 421–422]. Таким образом, Р. Барт пишет об активной позиции читателя, которая способствует тому, что он (читатель) является в определенном смысле соавтором произведения.

На активную позицию читателя обращают внимание и другие исследователи. Н. С. Валгина замечает по этому поводу: «В методике анализа соотношение «автор – текст – читатель» занимает далеко не последнее место. Двухнаправленность текста как результата деятельности (для автора) и как материала для деятельности (для читателя) таит в себе многие секреты конструирования текста и его функционирования, порождения текста и его восприятия» [2, с. 6].

Представляет интерес точка зрения Ю. М. Лотмана, который в своих трудах рассматривает динамику развития понятия «текст» в рамках семиотики. Традиционные определения текста подчеркивают его «единую сигнальную природу», «единство его функций в некоем культурном контексте», определяют, что «текст есть высказывание на каком-либо одном языке». Далее Ю. М. Лотман говорит о том, что с развитием семиотики культуры это понятие претерпело определенные изменения. По его мнению, для того чтобы какое-либо сообщение могло быть определено как текст, «оно должно быть, как минимум дважды закодировано». Здесь имеется в виду то, что любое «высказывание на естественном языке было первичным, затем следовало его превращение в ритуализованную формулу, закодированную каким-либо вторичным языком, т. е. в текст». Следующий этап – это соединение формул в текст второго порядка, например, соединение текстов на принципиально различных языках («словесная формула и ритуальный жест») [4, с. 129–130].

Следующий этап – это появление художественных текстов. К художественным текстам Ю. М. Лотман относит не только тексты художественных произведений (беллетристику), но и тексты других систем, например, балет, который «сопровождается переводом всех разноструктурных подтекстов на язык танца». Естественно, каждый вид текста имеет свои выразительные средства.

Что же касается жанровой специфики произведений художественной литературы, например, романа, то его оболочка, т. е. сообщение на естественном языке, «скрывает исключительно сложную и противоречивую контроверзу различных семиотических миров». Колебания происходят в поле «семиотическая однородность / семиотическая неоднородность». Эти колебания ведут к двум тенденциям – интеграции, с одной стороны, и дезинтеграции – с другой. Тенденция к интеграции способствует превращению контекста в текст («лирический цикл», «творчество всей жизни как одно произведение») и, соответственно, тенденция к дезинтеграции способствует превращению текста в контекст («роман распадается на новеллы, части становятся самостоятельными эстетическими единицами»).

Далее Ю. М. Лотман дает характеристику художественного текста, которая имеет значение не только для исследователей, рассматривающих текст с позиций семиотики,

но для тех, чьи интересы находятся в области дискурсивного анализа, в области лингвистики текста. Приведем цитату: «Создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении структуры текста. Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память. Одновременно он обнаруживает качество, которое Гераклит определил как «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [4, с. 129–132]. По Ю. М. Лотману, текст не является завершенной застывшей конструкцией. Он обладает когнитивными показателями и коммуникативной направленностью.

Представляется, что к указанным аспектам можно добавить формально-грамматические средства, функционирующие в тексте, т.е. морфологический и синтаксический аспекты, которые проявляются в морфологической и синтаксической зависимости от ядерного высказывания окружающих его высказываний. Были проведены исследования взаимозависимости и связности предложений в структуре текста. Эти исследования показали, что ядерная конструкция может ограничивать выбор форм наклонения, времени и некоторых других грамматических показателей текста. Такие категории являются связанными. Но это не является строгим правилом. Ядерная конструкция, безусловно, связана с окружающими ее предложениями, при этом она может не требовать от окружающих конструкций строгого подчинения своей формально-грамматической структуре. Это проявляется, например, в том, что ядерная конструкция позволяет использовать разные видовременные глагольные формы в связанных с ним предложениях.

Во французском языке нарушение такой связности ядерного предложения с окружающими конструкциями используется для создания определенного стилистического эффекта, что способствует созданию экспрессивного оттенка в тексте.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые особенности организации текста, на которые обращают внимание исследователи при анализе различных аспектов его функционирования. В качестве вывода отметим, что текст представляет собой динамический конструкт, который функционирует в условиях реальной коммуникации, обладает лингвистическими параметрами и экстралингвистической направленностью.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, Универс, 1994.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Либроком, 2008.
4. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.
5. Остринская Н. Н. Лексические средства создания эмоционально-экспрессивной тензиональности художественного текста (на материале французского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 12–16.
6. Серль Д. Р. Логический статус художественного дискурса // https://ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm (дата обращения: 12.01.2024).
7. Фельдман В. Е. Дискурс и дискурсивность // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 89–93.

* * *

1. Bart R. Izbranny'e raboty` : Semiotika. Poe`tika / Per. s fr. M.: Progress, Univers, 1994.
2. Valgina N. S. Teoriya teksta. M.: Logos, 2003.
3. Gal`perin I. R. Tekst kak ob``ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Librokom, 2008.

4. Lotman Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta. Izbranny'e stat'i: V 3-x t. T. 1. Tallinn, 1992. S. 129–132.
5. Ostrinskaya N. N. Leksicheskie sredstva sozdaniya e'mocional'no-e'kspressivnoj tensional'nosti xudozhestvennogo teksta (na materiale francuzskogo yazy'ka) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 10 (95). S. 12–16.
6. Serl' D. R. Logicheskij status xudozhestvennogo diskursa // https://ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm (data obrashheniya: 12.01.2024)
7. Fel'dman V. E. Diskurs i diskursivnost' // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 25. S. 89–93.

Specific features of organization of fictional text

The specific features of organization of fictional text (inhomogeneity of inner semantic structure, coherence, morphological and syntactical traits and active position of reader) are considered. The fictional text is characterized as a dynamic construct, functioning in the context of real communication.

Key words: *fictional text, structure of text, expressive tension of text, text coherence, language game.*

(Статья поступила в редакцию 17.06.2024).

НГУЕН ТХИ ЗАНГ
ЛЕ ТХИ ФЫОНГ ЛИНЬ
Хошимин, Вьетнам

ТЕКСТЫ КОММЕРЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Рассматриваются случаи коммуникативных барьеров, возникающих у вьетнамских студентов в процессе восприятия и составления текстов коммерческих контрактов на русском языке. Даются некоторые рекомендации по преодолению трудностей и развитию навыков работы с коммерческими контрактами на русском языке.

Ключевые слова: *деловой русский язык, международный коммерческий контракт (договор), коммуникативный барьер.*

В сфере международной торговли важна роль коммерческих контрактов. Слово *контракт* заимствовано из английского языка (*contract*) и определяется как «a formal written agreement between two or more people or groups which says what each must do for the other, or must not do» (*официальное письменное соглашение между двумя или более лица-*

ми или компаниями, которое определяет, что каждая сторона обязуется сделать для другой или обязуется не делать) [5] (здесь и далее перевод наш – Н. Т. З. и Л. Т. Ф. Л.).

Термин *коммерческий контракт* в международной торговле определяется как «соглашение между двумя или более сторонами, находящимися в разных странах (являющимися субъектами права разных государств), по купле-продаже или поставке товара, выполнению работ или оказанию услуг или иным видам хозяйственной деятельности в соответствии с согласованными сторонами условиями. Международный контракт лежит в основе внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов» [1, с. 106; 3, с. 41].

В текстах коммерческих контрактов на русском языке используются языковые приемы и обороты, незнакомые носителям вьетнамского языка, что часто вызывает у них сложности при восприятии и толковании содержания документов.

Назовем особенности текстов, которые обычно вызывают затруднения у вьетнамских студентов, изучающих деловой русский язык.

1. Частое употребление специальной лексики и терминов

В коммерческих контрактах широко используются термины, характеризующие различные аспекты сделок и правовые отношения между сторонами:

Поставщик обязуется обеспечить доставку товара до склада **Заказчика** в сроки, предусмотренные в графике **поставок**, утвержденном сторонами.

Заказчик обязуется открыть в течение 14 дней **безотзывный аккредитив**.

Каждая из сторон обязуется сохранять **конфиденциальность** информации, полученной от другой стороны в ходе исполнения настоящего контракта.

Настоящий контракт может быть **расторгнут досрочно** по соглашению сторон или в случае **нарушения** одной из сторон **условий**, предусмотренных в нем.

В случае несогласия с ответом Поставщика на **претензию**, Получатель вправе обратиться в **арбитражный суд** с требованием о защите своих прав в соответствии с действующим законодательством.

Сторона, столкнувшаяся с обстоятельствами **форс-мажора**, обязана незамедлительно уведомить другую сторону.

Выделенные термины хорошо знакомы тем, кто часто занимается коммерческой деятельностью, однако вызывают трудности у вьетнамских студентов, не имеющих опыта работы в сфере торговли.

2. Частое употребление иностранных (заимствованных) слов

В текстах коммерческих контрактов употребляется большое количество заимствованных слов, имеющих иностранное происхождение (в основном из английского языка) и не вошедших в состав лексики русского языка, но имеющих русский эквивалент:

Заимствованные из английского языка слова	Слова на английском языке	Русские эквиваленты
<i>аванс</i>	<i>advance (repayment)</i>	<i>предоплата</i>
<i>агент</i>	<i>agent</i>	<i>представитель</i>
<i>акцепт</i>	<i>acceptance</i>	<i>принятие</i>
<i>анонс</i>	<i>announcement</i>	<i>объявление</i>
<i>брокер</i>	<i>broker</i>	<i>посредник</i>
<i>дистрибьютор</i>	<i>distributor</i>	<i>распространитель</i>
<i>консигнатор</i>	<i>consignee</i>	<i>посредник</i>
<i>лицензия</i>	<i>license</i>	<i>разрешение на право</i>
<i>логистика</i>	<i>logistics</i>	<i>транспортировка</i>
<i>инвойс</i>	<i>invoice</i>	<i>коммерческий счет</i>
<i>инкотермс</i>	<i>incoterms</i>	<i>условия поставки</i>
<i>оферта</i>	<i>offer</i>	<i>предложение</i>
<i>пени</i>	<i>penalties</i>	<i>штрафы</i>
<i>продолговать</i>	<i>prolong</i>	<i>продлить</i>
<i>спонсор</i>	<i>sponsor</i>	<i>меценат</i>
<i>эксклюзивный</i>	<i>exclusive</i>	<i>исключительный</i>

Использование данных заимствований часто вызывает трудности у иностранных студентов, поскольку поиск их в словарях русского языка не дает результатов.

3. Наличие аббревиатур, сокращений и имен собственных

Поставка партии пиломатериалов из сосны сорта «Экстра», произведенных на Архангельском ЛДК №1. ООО «Торговый Дом «Петров» в дальнейшем именуемый «Покупатель». Договор аренды нежилого помещения между ООО «Арендатор» и ИП Иванов И.И. ДОУ (Договор на оказание услуг) по перевозке грузов между ООО Транспортная компания «Логистика» и ООО «Завод «Металлург»». ДКП (Договор купли-продажи) автомобиля между Петровым П.П. и Сидоровой С.С. Покупатель: ООО «Торговый Дом «Петров». Юридический адрес: 115093, г. Москва, ул. Большая Серпуховская, д. 45. ИНН: 7709876543. КПП: 770901001. Банк: АО «Альфа-Банк». БИК: 044525593.

Частое употребление аббревиатур в коммерческих контрактах вызывает у вьетнамских студентов сложности при восприятии и толковании содержания контрактов, поскольку не все аббревиатуры, сокращения и имена собственные им известны. Более того, в некоторых случаях аббревиатуры могут иметь несколько значений. Например, аббревиатура КПП может быть расшифрована двояко: как *контрольно-пропускной пункт* или как *код причины постановления*.

4. Употребление клише

Клише – речевой оборот, шаблонная фраза, речевой штамп, которые легко воспроизводятся в определенных условиях и контекстах, поскольку они являются готовыми речевыми формулами, способствующими облегчению процесса коммуникации, и соответствуют психологическим стереотипам [1]:

Стороны договорились о нижеследующем.

Обязанность / Ответственность сторон:

Стороны обязуются...

Стороны несут ответственность за ...

В соответствии с настоящим контрактом...

Убытки, причиненные неисполнением...

Стороны освобождаются от ответственности...

Предмет контракта:

Товар должен соответствовать...

Услуги должны быть оказаны с надлежащим...

Работы должны быть выполнены в соответствии с...

Цена и условия оплаты:

Цена товара является твердой и фиксированной...

Оплата производится в безналичной форме...

В случае просрочки оплаты...

Сроки поставки:

Настоящий контракт вступает в силу с момента его подписания...

В случае просрочки поставки...

Покупатель вправе отказаться от товара...

Продавец вправе потребовать...

Разрешение споров:

Все споры, возникающие в связи с...

Претензионный срок...

В случае недостижения согласия...

Все споры, возникающие в связи с исполнением настоящего договора, будут разрешаться в Арбитражном суде г. Москвы.

Такие клише часто основываются на национальных культурных отсылках или юридических концепциях, которые почти неизвестны иностранным студентам, что мо-

жет привести к недоразумениям и затруднить полное понимание студентами условий контракта.

5. Лексические барьеры

5.1. Употребление паронимов (близких по звучанию родственных, однокоренных слов, различающихся значением): *представить* и *предоставить*; *гарантийный* и *гарантированный*; *следствие* и *следование*; *поместить* и *разместить*; *проводить* и *производить*; *оплатить* и *заплатить* и др.

5.2. Употребление **омонимов и многозначных слов**: *партия*, *условие*, *обстоятельство*, *обстановка*, *положение*, *предложение*, *паспорт* и др. (например: *Каждая **партия** товара должна сопровождаться следующими документами...*; *Продавец вправе изменить цену товара, предложив Покупателю новое **предложение** не менее чем за 10 дней до его вступления в силу*).

5.3. Употребление архаизмов и историзмов (слов и выражений, вышедших из употребления, устаревших): *вышеозначенный* вместо *означенный*; *сего года* вместо *этого года* или *текущего года*, *оный* вместо *тот*; *якобы* вместо *будто* т.д.;

5.4. Употребление плеоназмов и тавтологии (смысловых повторов близких по смыслу слов, делающих речь избыточной): *Достижения, которых достигло предприятие...*; *следует учитывать следующие факты...*; *150 рублей денежных средств* и т.д.;

5.5. Применение стилистически маркированной лексики: например, *прогнозировать* вместо *предвидеть* и др.

Использование таких лексических единиц часто вызывает у носителей вьетнамского языка затруднения при толковании содержания контракта, следствием чего может быть неправильное понимание его сути и споры или разногласия между сторонами.

6. Грамматические барьеры

Система грамматики русского языка также вызывает немало трудностей в процессе составления коммерческих контрактов на русском языке. Рассмотрим грамматические барьеры.

6.1. Неправильное употребление падежных форм

Наиболее частотной ошибкой вьетнамских студентов в процессе составления текста коммерческих контрактов является неправильное употребление падежных форм имен существительных: они часто пишут *согласно (чего?)* вместо *(чему?)*. После слов: *благодаря*, *вопреки*, *соответствующему* употребляют формы родительного падежа вместо дательного.

Носителям вьетнамского языка сложно различать падеж существительного после следующих слов: *руководитель*, *начальник* + *(чего?)*: *руководитель отдела*, *начальник центра*; *руководить* + *(чем?)*: *руководить фирмой*, *предприятием*; *управляющий* + *(чем?)*: *управляющий фирмой*, *руководство* + *(чем?)*: *руководство корпорацией*, *группой*.

6.2. Неправильное употребление причастий и деепричастий

Главной причиной таких ошибок у вьетнамских студентов является неправильное образование причастия и деепричастия или неуместное их употребление в соответствующих **оборотах**:

Ошибочный вариант	Правильный вариант
<i>Покупатель, оплаченный товар, получает...</i>	<i>Покупатель, оплативший товар, получает...</i>
<i>Настоящий договор составлен в двух экземплярах, имеющий одинаковую юридическую силу, по одному экземпляру для каждой из Сторон.</i>	<i>Настоящий договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковую юридическую силу, по одному экземпляру для каждой из Сторон.</i>
<i>В случае, не выполнив условия договора...</i>	<i>В случае невыполнения условий договора...</i>

Кроме этого, неправильное или неуместное употребление причастия и деепричастия приводит к тому, что вьетнамские студенты нарушают структуру предложения, особенно при желании заменить такие обороты синонимичными придаточными предложениями:

Ошибочный вариант	Правильный вариант
<i>Товар, который указан в п. 1.1. настоящего контракта.</i>	<i>Товар, указанный в п. 1.1. настоящего контракта, ...</i>
<i>Аккредитив, который возобновляем на счете банка.</i>	<i>Аккредитив, возобновляемый на счете банка, ...</i>

6.3. Неправильное употребление полной и краткой форм имен прилагательных

Ошибочный вариант	Правильный вариант
<i>Изменение графика поставки товара нежелательное.</i>	<i>Изменение графика поставки товара нежелательно.</i>
<i>Договор, подписан сторонами, является...</i>	<i>Договор, подписанный сторонами, является...</i>
<i>Товар будет отгруженный немедленно, уведомив покупателя...</i>	<i>Товар будет отгружен немедленно с уведомлением покупателя...</i>

6.4. Неправильное употребление предлогов

У вьетнамских студентов также часто появляются ошибки, связанные с употреблением предлогов. Они не всегда знают, когда употребляются предлоги *в, на, с, по, в течение, до, для, за, из-за* и др.:

Ошибочный вариант	Правильный вариант
<i>Поставка будет осуществлена в 1 месяца.</i>	<i>Поставка будет осуществлена в течение 1 месяца.</i>
<i>Продавец обязан предоставить товар на срок, указанный в контракте.</i>	<i>Продавец обязан предоставить товар в срок, указанный в контракте.</i>
<i>Продавец обязан уведомить Покупателя о поставке товара не менее чем до 14 дней.</i>	<i>Продавец обязан уведомить Покупателя о поставке товара не менее чем за 14 дней.</i>
<i>Штраф начисляется с первого дня до истечения установленного срока</i>	<i>Штраф начисляется с первого дня по истечении установленного срока.</i>
<i>Покупатель обязуется возместить Поставщику полную стоимость вагона/контейнера, в случае его полной утраты по вине Покупателя.</i>	<i>Покупатель обязуется возместить Поставщику полную стоимость вагона/контейнера, в случае его полной утраты из-за вины Покупателя.</i>

Предлог *в*, который обязателен в тех случаях, когда в словосочетании речь идет об объеме, размерах, количестве: *под углом в 40 градусов; высотой в 80 метров; размером в 10–15 метров; бригада в 20 человек*, также часто пропускается вьетнамскими студентами.

6.5. Неправильное употребление числительных

При работе над текстами коммерческих контрактов важно правильно употреблять имена числительные. Сложностью для вьетнамских студентов в данной ситуации является то, что в деловых документах для цифр всегда требуется словесная расшифровка: *Цена товара составляет 1,25 (одну целую двадцать пять сотых) доллара за штуку*». Они не знают, как расшифровывать такие цифры.

Следует подчеркнуть, что большинство вышеуказанных трудностей у вьетнамских студентов вызвано различиями в особенностях русского и вьетнамского языков.

Вьетнамский – изолированный язык, в котором не существует словоизменения, грамматические отношения в нем выражаются употреблением дополнительных слов. Русский – синтетический язык, в котором грамматические отношения выражены изменением форм слов.

Анализ затруднений, возникающих у вьетнамских студентов при работе с текстами коммерческих контрактов, позволил нам сформулировать *рекомендации* по их преодолению, адресованные студентам и преподавателям.

Для преодоления *лексических барьеров* рекомендуем учащимся:

1. Составлять справочник терминов, часто используемых в текстах коммерческих контрактов, и их толкований.
2. Составлять список аббревиатур, часто используемых в коммерческих контрактах, и их расшифровок.
3. Составлять глоссарий заимствованных слов, используемых в коммерческих контрактах, и их эквиваленты в русском языке.
4. Практиковаться в использовании клише, обычно используемых в коммерческих контрактах.
5. Расширять свой словарный запас, чаще читая деловые новости или тексты, связанные с коммерческой деятельностью.

Для преодоления *грамматических барьеров* рекомендуем учащимся:

1. Глубоко изучать научный курс русского языка, обращая внимание на самые сложные темы и разделы: части речи и основные грамматические категории, системы словоизменения всех частей речи, образование причастий и деепричастий, имен числительных, особенности синтаксической структуры простых и сложных предложений в русском языке и др.
2. Уделять серьезное внимание учебным и самостоятельным практическим занятиям по русскому языку, упражнениям, связанным с письменной и устной деловой речью.
3. Обращать внимание на стилистические различия в использовании грамматических форм и синтаксических конструкций в русском языке, учиться выбирать уместные языковые средства для устной и письменной деловой речи [4].

Самым эффективным решением для формирования коммуникативной компетенции учащихся в сфере делового русского языка мы считаем погружение в языковую среду. Это можно осуществить, читая тексты, смотря фильмы и слушая музыку на русском языке, а также общаясь с носителями языка.

Предлагаем упражнения, направленные на освоение ключевых аспектов составления коммерческих контрактов.

Прочитайте следующий контракт и выполните задания.

КОНТРАКТ № 4218/05

Задание 1: Вставьте нужную информацию в таблицу.

1	Заказчик / Покупатель	
2	Поставщик / Продавец	
3	Предмет контракта (Название поставляемого товара / услуги)	
4	Количество поставляемого товара	
5	Срок поставки товара	
6	Цена за единицу товара	
7	Стоимость заказа	
8	Условия поставки	
9	Срок сдачи товара / Срок действия контракта	
10	Условия оплаты	
11	Разрешение споров;	
12	Юридические адреса и банковские реквизиты сторон;	

Задание 2: Выберите правильный вариант ответа.

1. Цена поставляемого товара _____ в российских рублях и понимается как ФОБ.

А. составляет Б. устанавливается В. сообщается

2. Продавец _____ отгрузить в 1 квартале 2002 года.

А. производит Б. обязуется В. осуществляет

3. _____ контракт, необходимо указать место и дату его подписания.

А. Составляя Б. Составив В. Составляем

Задание 3: Вставьте в места пропусков правильные слова из правого столбика.

10. Условия оплаты 10.1. Оплата стоимости поставляемого товара будет произведена сразу после (1) _____ в банк Продавцом следующих документов: – коммерческого (2) _____; – копии коносамента; – копии документа, (3) _____ качество поставляемого товара; – копии извещения об отправке товара и его (4) _____; – страхового (5) _____; – экспортной лицензии; – сертификат (6) _____. 10.2. В случае, если открытие аккредитива будет (7) _____ по вине Покупателя, Продавцу предоставляется право расторгнуть настоящий контракт. Если Продавец решит это сделать, он обязан в течение 10 дней со дня, предусмотренного контрактом для (8) _____ аккредитива, сообщить о своем решении Покупателю. 10.3. Если Продавец решит оставить контракт в силе, он получает право на (9) _____ всех дополнительных расходов, которые он будет нести в связи с (10) _____ открытия аккредитива, а также право на 10% годовых от общей стоимости поставляемого товара за задержку его оплаты.	полиса счета-инвойса открытия происхождения представления маркировке просрочено просрочкой возмещение удостоверяющего
---	--

Таким образом, анализ особенностей коммерческих контрактов позволил выявить языковые трудности, с которыми сталкиваются вьетнамские студенты при изучении и оформлении текстов коммерческих контрактов на русском языке.

Установлены лексические барьеры (частое использование в коммерческих контрактах на русском языке терминов, заимствованных слов, аббревиатур, сокращений, имен собственных, клише, паронимов, омонимов, архаизмов, историзмов, плеоназмов, тавтологии и стилистически окрашенной лексики) и грамматические барьеры (употребление падежных форм имен существительных, полной и краткой форм имен прилагательных, причастий и деепричастий, числительных, предлогов).

В исследовании предложены некоторые решения для преодоления препятствий в процессе изучения коммерческих контрактов, адресованные студентам и преподавателям.

Хотелось бы также подчеркнуть, что изучение делового русского языка, как и иностранных языков в целом, является длительным процессом, требующим регулярной практики и усидчивости. Для повышения уровня владения иностранным языком и развития навыков деловой коммуникации на изучаемом языке студентам необходимо много заниматься, закреплять полученные знания и применять их на практике. Особенно важно не бояться допускать ошибки, поскольку они являются естественной частью процесса обучения и способствуют улучшению навыков.

Список литературы

1. Гусева Е. И. Специфика понятия трансграничного (международного) коммерческого контракта // Вестник науки. 2020. № 12 (33). С. 104–108 // URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/3912> (дата обращения: 12.05.2024).
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985.
3. Стригунова Д. П. Понятие и признаки международного коммерческого договора // Вестник экономической безопасности. 2015. № 4. С. 40–42.
4. Юрасова О. А. Русский язык как язык деловой коммуникации // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14–16 мая 2020 г. Ярославль: Ярославский гос. тех. ун-т, 2020. С. 319–323.
5. The Longman Business English Dictionary. 2th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2007.

* * *

1. Guseva E. I. Specifica ponyatiya transgranichnogo (mezhdunarodnogo) kommercheskogo kontrakta // Vestnik nauki. 2020. № 12 (33). S. 104–108 // URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/3912> (data obrashheniya: 12.05.2024).
2. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskix terminov: Posobie dlya uchitelya. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Prosveshhenie, 1985.
3. Strigunova D. P. Ponyatie i priznaki mezhdunarodnogo kommercheskogo dogovora // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 4. S. 40–42.
4. Yurasova O. A. Russkij yazy'k kak yazy'k delovoj kommunikacii // Lingvodidaktika v neyazy'kovom vuze: tradicionny'e i innovacionny'e podxody: sbornik nauchny'x trudov po materialam II-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Yaroslavl', 14–16 maya 2020 g. Yaroslavl': Yaroslavskij gos. tex. un-t, 2020. S. 319–323.

Texts of commercial contracts: specific features of functioning and issues of perception in intercultural environment

The cases of communicative barriers, that the Vietnamese students face in the process of perception and composition of texts of commercial contracts in Russian, are considered. There are given the recommendations of overcoming the difficulties and the development of skills of work with commercial contracts in Russian.

Key words: *business Russian, international commercial contract (agreement), communicative barrier.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2024).

М. А. ГУЛЯЕВА
Волгоград

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются языковые и поведенческие особенности общения российской молодежи, выделяются наиболее яркие коммуникативные стратегии и поведенческие паттерны, характерные для межличностного и публичного общения. Перспективой исследования видится выявление возможных путей оптимизации общения между представителями молодежи и старшим поколением.

Ключевые слова: *возрастная коммуникация, коммуникативное поведение, сленг, коммуникативные стратегии.*

Данная работа посвящена описанию языковых и поведенческих особенностей общения в молодежной среде и является продолжением исследования коммуникативного поведения молодежи в России. Ранее нами уже была предпринята попытка проанализировать и выявить ключевые коммуникативные и поведенческие паттерны данной возрастной группы [4].

Цель настоящего исследования – дополнить не вошедшие в предыдущую статью положения, связанные с использованием языковых средств и стратегической стороной коммуникации, а также проанализировать и выявить основные изменения, происходящие в языке и поведении представителей исследуемой нами возрастной группы.

Изучение специфики молодежной коммуникации ведется в рамках более широкого исследования функционально-прагматических характеристик особенностей коммуникации людей разного возраста в современной России [10, с. 152–165; 11, с. 75–80].

Именно лексический пласт языка, используемый молодежью постоянно, наиболее подвержен изменениям и обладает высокой степенью динамичности, что и делает его приметой, маркером поколений. Обилие неологизмов, заимствований, сленговых выражений, использование привычной лексики в новых значениях часто становится преградой на пути к взаимопониманию между поколениями и затрудняет коммуникацию.

Актуальность исследуемой темы связана с повышенной потребностью оптимизации межпоколенческого общения, необходимостью более глубокого понимания молодежной культуры, ее ценностей и стремлений.

В качестве предмета изучения выступает коммуникативное поведение современной российской молодежи. Согласно последней возрастной классификации ВОЗ к молодежи относятся люди от 18 до 44 лет. Что касается возрастной классификации в России, то она постоянно меняется под воздействием социальных и экономических условий, а также культурно-исторических традиций разных регионов. На данный момент молодежью считаются люди в возрасте от 18 до 30 лет. Мы отдаем себе отчет в том, что существующие периодизации носят формальный характер и не учитывают ряд важных факторов, таких как социальные роли, условия жизни людей, профессия, менталитет, благосостояние, самовосприятие и др. Однако в нашем исследовании будут рассматриваться языковые и поведенческие особенности людей именно этого возраста (18–30 лет).

Для анализа коммуникативного поведения использована модель описания, предложенная Н. А. Лемяскиной и И. А. Стерниным [8, с. 9]. Попытка описать коммуникативное поведение молодежи осуществляется в рамках продуктивного аспекта, т.е. рассматриваются коммуникативные средства, продуцируемые говорящим. Исследуются

основные закономерности использования языка молодыми людьми в возрасте 18-30 лет на различных уровнях (фонетическом, лексическом и синтаксическом).

Материалом исследования послужили языковые единицы, собранные методом сплошной выборки из социальных сетей, каталога записей устной речи, полученных в результате наблюдения и анкетирования (136 респондентов).

Фонетический уровень

На наш взгляд, сложно говорить о какой-то определенной манере произнесения слов и постановке ударения как о специфической отличительной черте целой возрастной группы, т.к. в рамках одной культуры этот параметр относится скорее к личностным характеристикам или связан с географическим, региональным положением коммуниканта, нежели с общей особенностью возрастной группы. Однако изучение теоретического материала, а именно работ, посвященных просодическим особенностям, показало, что речь молодежи все же имеет свои интонационные паттерны и акцентуацию. Е. В. Жаровская отмечает, что «спонтанная молодежная речь обладает рядом особенностей, в том числе просодических, и занимает особый пласт речи» [5, с. 95]. К таким особенностям автор относит «усиление аффрикат, растягивание гласных, повышение или понижение интонации на определенных участках синтагмы» [Там же]. По мнению Н. Н. Вольской, «отступления от нормативных “эталонных” вариантов интонационных моделей становятся весьма распространенным явлением» [2, с. 85]. Автор уверен, что формируется особый молодежный стандарт речи, который с каждым годом меняется или дополняется. Речь молодых людей динамична и быстро подвергается изменениям.

Что касается темпа речи, то наблюдения показывают, что в общении между молодыми людьми он достаточно высокий. Возможно, это объясняется более быстрым ритмом жизни молодежи. Но если при общении между сверстниками обмен информацией происходит довольно быстро, то в разговоре со старшими скорость речи молодых заметно снижается. Происходит адаптация к собеседнику. Еще одной специфической чертой фонетической стороны речи молодежи можно назвать громкость. Молодые люди говорят громче старшего поколения, они стремятся быть услышанными и замеченными, привлечь к себе внимание.

Лексический уровень

Речь молодежи привлекает внимание по причине своего новаторского характера, что особенно ярко отражается на лексическом уровне и заметно отличается от речи старшего поколения. Большая часть ее состоит из элементов сленга, основными источниками пополнения которого являются Интернет (*мемы, постить, стримить, мыло, личка*), информационные технологии (*гаджет, лагать, виснуть, апгрейдить, геймер* и др.) и иноязычные заимствования [3, с. 130]. Используется лексика, в основном, английского происхождения, которая на письме передается русскими буквами и приобретает формы словоизменения, характерные для русского языка (*хайп, го, свайпать, бодийшейминг, бодипозитив, фуди, юзать, стримить, абьюзер, чилить, треш, краш, инспир, токсик, триггерить, кринж, изи, на рипите, хейтить, топчик, вайб, муд* и др.). Такая тенденция часто тревожит и раздражает старшее поколение и вызывает у него беспокойство о родном языке. Иностранные лексемы и выражения часто проникают в обиход молодежи из соцсетей и сначала используются для онлайн-общения в качестве оригинальных подписей к фотографиям, историям, постам, а потом «приживаются» и в устной речи.

Приведем несколько примеров, обнаруженных в социальных сетях, отражающих манеру общения молодежи с аудиторией посредством иноязычных лексем (подписи к фотографиям в социальных сетях):

Немного бизи дей. (От англ. *busy day* – трудный, наполненный делами день).

Мои крашки. (От англ. *crush* – предмет обожания, человек, который очень нравится).

Ребятки! Куличи! В этом году они особенно фэнси. (От англ. *fancy* – красивый, нарядный).

Оперирование такого рода лексикой служит индикатором «продвинутости» и престижа коммуниканта. Многочисленные каналы молодых блогеров, интервью, подкасты и телеграм-каналы – яркое тому подтверждение. Их речь изобилует иностранными заимствованиями, которые используются повсеместно и являются неотъемлемой частью вокабуляра молодых людей. Приведем всего лишь несколько примеров, иллюстрирующих речь современных молодых людей на разных медиаплощадках.

Из интервью с молодым карьеристом Романом Маресовым:

– Можешь ли ты посоветовать какую-то литературу или статьи, или какой-то еще вид контента для управленцев?

– Есть очень маленький набор книг, который не является корпоративным буллитом и который мне нравится... Где я пишу короткий бриф, почему мне нравится эта книга... Я скорее за дернинг бай доинг [13]. (Здесь и далее подчеркнуто нами – М. Г.).

Из видеоблога путешественницы Кати Романовой: *Я села на какой-то рандомный автобус... Это не какая-то там фейковая история. И мне прямо нравится этот вайб... Мне кажется, это классный ретрит* [9].

Из телеграм-канала «Юра, не волнуйся!»: *Самое главное, благодаря чему тут есть некая свобода – это отсутствие абыюзивных условий по созданию контента. Эта площадка не заточена под креаторов... Ловите инсайты от профессионалов.*

Отметим стремление представителей данной социальной группы к самовыражению, словотворчеству, пренебрежению к норме. Отметим искажение лексики (*видосик, мемасик, на расслабоне, на спортике, стилек, лучок, варик, жиза*), изобилие идиоматических выражений (*меня бомбит, вот это жесть, душный человек, не вывозить, полный зашквар, сделать по красоте, пилить контент, накрывают лютые осозналки, украли мое сердечко, взрыв мозга, отвал всего*). «Молодежное словотворчество отличается яркой образностью, передаваемой метафорой и другими стилистическими средствами, в основе которых лежит смех, комический эффект, забава» [1, с. 122].

Еще одной яркой особенностью видится намеренное искажение словарных единиц путем их сокращения. Разного рода аббревиатуры (часто пришедшие из онлайн-коммуникации) и стихийные сокращения становятся частью устной речи молодых людей (*ЛП – лучшая подруга, СПС – спасибо, ЛС – личные сообщения, ЧС – черный список, МЧ – молодой человек*). В разговоре с друзьями девушка просит компанию: *Я не хочу туда идти, ну пэжэ, ну пэжэ*.

Отдельного внимания требует лексема *бро* – сокращение от англ. *brother* (брат), широко используемая в качестве обращения в молодежной среде. Любопытно, что данная лексема «может применяться не только в общении между лицами мужского пола, но и по отношению к лицам женского пола, причем как в общении между юношей и девушкой, так и в общении между двумя девушками» [6, с. 411]. Такое обращение может быть как нейтральным, так и стилистически окрашенным и употребляться по отношению к лучшему другу/подруге.

Для молодежной речи также характерно наличие разного рода эмоциональных восклицаний: *Рил?! Вау! Пинец! Круть! Улет!* и др. Такая лексика практически полностью теряет свое первоначальное значение и превращается в междометия с расплывчатой семантикой. Неопределенность значения также характерна для некоторых сленговых выражений, где одна та же лексема может иметь диаметрально противоположные смыслы и вывести правильное значение возможно только из контекста. Например, лексема *стремно* может означать «стыдно» или «страшно».

Язык молодежи характеризуется не только нескончаемым потоком заимствований и искаженных языковых единиц. Часто привычная лексика после ее переосмысления приобретает новые значения, становясь преградой для понимания между представите-

лями разных возрастных групп. Например: *Смотри, какие у него лютые кроссовки!* На молодежном сленге лексема *лютый* значит «крутой, классный». Или: *Я ору*, что подразумевает «мне очень сильно смешно». Или: *Если вы хотите залететь на интенсив по самой низкой цене ...*, где популярное в социальных сетях слово *залететь* имеет значение «присоединиться, поучаствовать». Или: *День будет огонь!* Здесь лексема *огонь* означает «очень насыщенный и интересный».

Непрерывно образуются все новые и новые выражения, которые становятся чрезвычайно популярными благодаря социальным сетям, быстро распространяются и входят в активный словарный запас молодых людей. Например: *быть в моменте*, *быть в ресурсе*, *мне это откликается*, *послать запрос вселенной*, *ловить инсайт* и др. Однако после чрезмерного употребления такая лексика достаточно быстро сменяется новой и отходит на второй план.

Выбор языковых средств во многом обусловлен коммуникативной ситуацией и в первую очередь зависит от участников общения, их взаимоотношений и исполняемой ими роли. Коммуникация молодежи 18–30 лет внутри своей социальной группы характеризуется повышенным содержанием жаргонизмов, тогда как в их общении вне группы литературный язык доминирует. Л. В. Аминова в статье «Особенности устной и письменной речи французской молодежи» говорит о таком явлении, как «We code», подразумевая особый код, используемый внутри социальной группы, «складывающийся из особых шаблонов речи – новых языковых единиц, своеобразных форм начала и концовки речи, цитат и др.» [1, с. 122]. Отметим, что со временем некогда широко употребляемые сленговые лексические единицы рассеиваются, становятся неактуальными, устаревают или входят в обиход всех пользователей языка.

Высокая степень подвижности и динамичности вокабуляра, используемого молодыми людьми, является отличительной характеристикой языкового фактора общения молодежи. Каждое новое молодое поколение употребляет новые слова и выражения, использует новые шаблоны речи. Это объясняется изменением потребностей, взглядов, интересов, привычек и также значительным влиянием медиа. Как правило, именно молодежь первыми узнает обо всех новшествах в жизни людей, следит за развитием технологий, веяниями моды, средствами массовой информации, старается шагать в ногу со временем.

Проблемы в общении между представителями разных поколений часто наблюдаются именно из-за расхождения в закономерностях использования языка. Старшее поколение не всегда успевает отслеживать появление новых лексических единиц, сленговых выражений или ориентироваться в новых значениях привычной лексики, что и становится преградой на пути к успешной коммуникации. Участники с обеих сторон чувствуют напряжение, а порою и раздражение, что нередко приводит к коммуникативным неудачам. *Мы говорим на разных языках; Я перестаю их понимать; Понапридумают слов*, – сетуют старшие.

Синтаксический уровень

На синтаксическом уровне прослеживается тенденция упрощения пунктуационных норм. В письменном общении могут игнорироваться знаки препинания, и сообщение превращается в неконтролируемый «поток сознания».

Для молодежного языка типично выражение широкого спектра эмоций нераспространенными, часто восклицательными предложениями, в составе которых используется сленговая единица: *Жесть! Бомба! Кайф! Кринж!* и др. Как правило, такие предложения выполняют не только эмотивную, но и оценочную функцию. С помощью короткого, но емкого предложения дается оценка происходящему – одобрение, неодобрение, порицание, поощрение и т.д.

Односложное предложение *Обнимемся* используется в процессе разговора, либо в его завершении в качестве одобрения, поддержки или разделения какой-то точки зрения с собеседником.

Широко распространены устойчивые словосочетания и выражения часто с необъяснимой этимологией, довольно странным значением и по форме не соответствующие нормам русского языка. Одним из таких выражений стало *сделать покрасоте*, означающее сделать что-то правильно и как положено. Или, например, вводное словосочетание *в любой непонятной ситуации*, используемое для описания типичных для человека действий в затруднительных обстоятельствах.

Рассмотрим коммуникативные и поведенческие стратегии молодых людей, используемые ими в межличностном общении и соцсетях.

Коммуникативная стратегия понимается как «общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [16, с. 14].

Стратегия самопрезентации

Под данной стратегией подразумевается «дискурсивное моделирование образа в прагматической ситуации общения» [15, с. 123]. На наш взгляд, именно эта стратегия занимает значительное место в молодежном дискурсе и отражает поведенческие особенности исследуемой возрастной группы.

Поведение молодых людей в большей степени маркировано неконвенциональными и неформальными формами общения. Наличие различных субкультур и молодежных движений обуславливает создание своих собственных императивов в общении, символику и стиль поведения, которые помогают выражать свою индивидуальность и обозначают принадлежность к определенной группе.

Стратегия самопрезентации служит инструментом создания необходимого впечатления о самом себе, которое так важно для становления молодой личности, занятия желаемого места, приобретения определенного авторитета среди сверстников и статуса в обществе, что требует определенных усилий от молодых людей. Данная стратегия актуализируется в реальном общении и в виртуальном дискурсе и проявляется как в прямой, так и в косвенной формах.

Широкий простор для самопрезентации личности обеспечивают социальные сети. Отметим, что самопрезентация в социальных сетях может рассматриваться как показатель личностной идентичности. Пользователи социальных сетей вербально (с помощью комментариев, кратких описаний фотографий) и невербально (с помощью фото- и видеоконтента) оставляют информацию о себе, создавая желаемый образ. Известный факт, что транслируемый в социальных сетях имидж не всегда соответствует реальной личности. Это и является значимой особенностью самопрезентации в молодежной среде. На наш взгляд, старшее поколение относится к такому способу самопрезентации намного спокойнее в виду отсутствия высокой степени одержимости социальными сетями и погони за успехом и признанием.

В реальной и виртуальной коммуникации самопрезентация реализуется с помощью прямого и косвенного самовосхваления, подразумевающего позитивные высказывания о себе, своих чувствах и поступках, а также демонстрации своей привлекательности. Молодые люди активно пользуются этой стратегией, желая завоевать авторитет в глазах сверстников и старшего поколения. Они следят за трендами, носят модную одежду, используют в речи определенные лексемы, транслируя обществу свою «продвинутость». Молодые люди сегодня не считают зазорным и нескромным открыто заявлять о себе, говорить о своих сильных сторонах, преувеличивать свои достижения и даже придумывать удивительные факты своей биографии, чтобы произвести нужное впечатление. С помощью самовосхваления можно создать желаемый образ, который будет работать на успех и благосостояние. Ярким примером реализации данной стратегии могут быть популярные у молодежи блогеры-инфлюэнсеры, зарабатывающие на своем образе. Молодой предприниматель Арут Назарян транслирует образ успешного, богатого

бизнесмена-интеллектуала, рассказывая в своих интервью, как много читал и занимался самообразованием:

– Я получал всю информацию через книги. Я съел всю библиотеку школьную, потом съел всю районную библиотеку, а потом всю городскую [12].

Молодой карьерист Роман Маресов рассказывает в подкасте Глеба Соломина о своем рабочем графике, позиционируя себя как чрезвычайно трудолюбивого и работоспособного сотрудника:

– У меня были периоды, когда я мог каждый день стабильно уходить в два, три, четыре ночи и каждый день в 9 утра быть уже на клиенте. И это такой режим, то есть ты сам на это согласен.

– Тебе 4 часа сна хватало?

– Да, и до сих пор в целом хватает [13].

Стратегия самораскрытия

Это стратегия, которая заключается в ориентации на предоставление «наиболее полной информации о себе, раскрытии своего внутреннего мира, интересов, переживаний, убеждений в процессе виртуального взаимодействия» [7, с. 48]. По нашему мнению, молодежь как возрастная группа характеризуется достаточно высокой степенью самораскрытия. Многолетний опыт работы в студенческой среде показывает, что в своем большинстве молодые люди достаточно открыты. Они охотно говорят о себе, своих ценностях, делятся эмоциями, полученным опытом и переживаниями в процессе общения со сверстниками. Особенно эта тенденция прослеживается в социальных сетях, где молодежь чувствует себя увереннее и свободнее, чем в ситуации реального общения. Они открыто транслируют свою жизнь на публику, выкладывая фото и видео с информацией о себе, своем окружении, образе жизни, достижениях и проблемах. Чем искреннее человек общается с аудиторией, тем популярнее он в сети. Многие не стесняются плакать на камеру, делиться личными переживаниями, событиями из жизни, тем самым привлекая к себе внимание и сокращая дистанцию между подписчиками и собой.

Стратегия подражания

Молодые люди склонны выбирать себе определенные модели для подражания в лице авторитетных для их восприятия личностей – так называемых инфлюэнсеров. Следование манере поведения, стилю в одежде, образу жизни инфлюэнсеров нередко становится неотъемлемой частью коммуникативного поведения молодых людей. Быть похожим на объект своего восхищения и подражания – значит прикоснуться к его успеху и престижу, ощутить себя таким же благополучным и желанным. Другим примером стратегии подражания могут служить так называемые тренды в социальных сетях, следовать которым не просто увлекательно, но и модно и престижно. К одному из последних популярных трендов можно отнести так называемый *барбикор* от англ. *Barbiecore* (где *core* – суть, сердцевина). С выходом фильма «Барби» в сети началось повальное подражание стилю одноименной американской куклы. Вначале этот тренд подхватили знаменитости, а затем и обычные молодые девушки (реже молодые люди) стали носить ярко-розовую одежду и размещать соответствующие фото.

Стратегия дистанцирования

Эта стратегия подразумевает регулирование степени близости/удаленности по отношению к собеседнику. Для молодых людей в целом не характерна установка жестких границ между собеседниками в отличие от людей старшего поколения. В то же время, если проводить сравнение с детьми, которые часто не видят границ между собой и собеседником, то можно заметить, что молодежь выступает как возрастная группа с более высокой степенью дистанцирования. Как нами было установлено ранее, «молодые люди часто стремятся дистанцироваться от других возрастных групп. В общении со старшими молодежь выступает в положении подчиненного и зависимого. Кроме того, молодых людей беспокоит и привлекает то, что утратило свою новизну и значение у

старших» [4, с. 31–39]. Л. А. Саенко и С. В. Теницкий отмечают, что «значимость общения со сверстниками повышается, т.к. оно проявляется как общение-сотрудничество и играет важную роль в формировании личности» [14, с. 333].

Стратегия установления контакта

Данная стратегия реализуется в ситуациях знакомства и сближения коммуникантов. Молодежь обычно более открыта новым знакомствам и исследованию новых форм общения. Она часто экспериментирует с различными стилями общения и ищет свое собственное выражение. Коммуникация протекает в неформальном регистре, происходит скорый переход на «ты» и превалирует обращение по имени, его производным или принятому в данной группе прозвищу.

Что касается поведенческих особенностей общения молодежи, то самой важной из них, на наш взгляд, является сама форма коммуникации – опосредованное общение с использованием технологий. Молодежь активно использует социальные сети, мобильные приложения, мессенджеры и другие технологические средства общения. Она предпочитает текстовые сообщения и виртуальное общение через Интернет вместо телефонных звонков или личных встреч.

Одним из отличительных признаков общения в молодежной среде является интенсивное использование мультимедиа (фотографий, видео, мемов) для выражения мыслей и эмоций. Просто разговаривать по телефону больше не принято. Общение трансформировалось в обмен текстовыми или голосовыми сообщениями, причем к последним сложилось достаточно спорное отношение. Отказ от общения по телефону объясняется желанием сэкономить время, избежать нудного собеседника, низкой степенью конфиденциальности разговора, боязнью и неумением грамотно формулировать свои мысли в режиме реального времени и т.д.

Подведем итоги. Речь молодежи привлекает внимание потому, что заметно отличается от речи старшего поколения, носит новаторский характер, что особенно ощущается на лексическом уровне. Основными элементами речи молодежи выступают сленговые единицы, иностранные заимствования, идиоматические выражения, искаженная лексика, сокращения, языковые единицы с непривычным переосмысленным значением, отличающиеся высокой степенью динамичности. Со временем популярные лексические единицы рассеиваются, выходят из моды, устаревают и забываются, сменяясь новыми образованиями, либо, наоборот, постепенно приживаются и используются представителями всех возрастных групп.

Наиболее яркими коммуникативными и поведенческими стратегиями, типичными для молодых людей, являются стратегия самопрезентации и ее разновидности: стратегии самораскрытия, самовосхваления и подражания, а также стратегия дистанцирования и установления контакта.

Список литературы

1. Аминова Л. В. Особенности устной и письменной речи французской молодежи // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 122–125.
2. Вольская Н. Б. Интонация и языковой контакт: прагматический аспект внутри- и межъязыковой интерференции // XLII Международная филологическая конференция: избранные труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 85–92.
3. Гареева Л. М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9 (111). Ч. 3. С. 129–131.
4. Гуляева М. А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 31–39.
5. Жаровская Е. В. Просодические особенности речи молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 8 (1). С. 95–99.

6. Калинина Л. В. Семантика и функционирование лексемы «Бро» в интернет-коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 411–414.
7. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Бутырская Н. С., Фленина Т. А. Стратегии виртуальной самопрезентации молодежи в различных социальных сетях // Информатика и образование. 2016. № 9. С. 47–50.
8. Лемяскина Н. А., Стернин И. А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.
9. Катя Романова. Влог о путешествиях // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZBQCHRrivYY> (дата обращения: 19.04.2024).
10. Леонтович О. А. Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПРЛ). 2023. № 3 (43). С. 152–165.
11. Никитина А. В. Пойми меня: детская речь в современном российском контексте // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 4 С. 75–80.
12. Осторожно: Собчак! «Изобретая Арута» или как построить образ на фейках и Моргенштерне // URL: https://www.youtube.com/watch?v=IN_LDOAr7Mg (дата обращения: 22.04.2024).
13. Подкаст Глеба Соломина. Как не пахать, а зарабатывать? // URL: https://www.youtube.com/watch?v=UL6l_VDJz_c (дата обращения: 22.04.2024).
14. Саенко Л. А., Теницкий С. В. Особенности формирования коммуникативного опыта у студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 333–334.
15. Сальникова Н. И. Типы самопрезентации в интернет-дискурсе, обусловленные фактором канала коммуникации (на материале франкоязычных сайтов) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 123–131.
16. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.

* * *

1. Aminova L. V. Osobennosti ustnoj i pis'mennoj rechi francuzskoj molodezhi // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16. № 1. S. 122–125.
2. Vol'skaya N. B. Intonaciya i yazy'kovoj kontakt: pragmaticeskij aspekt vntri- i mezh'yazy'kovoj interferencii // XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya: izbranny'e trudy. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2014. С. 85–92.
3. Gareeva L. M. Sovremennyj molodezhnyj sleng: ego istochniki i raznovidnosti // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 9 (111). Ch. 3. S. 129–131.
4. Gulyaeva M. A. O nekotoryx osobennostyax kommunikativnogo povedeniya rossijskoj molodezhi // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 31–39.
5. Zharovskaya E. V. Prosodicheskie osobennosti rechi molodezhi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2018. № 8 (1). S. 95–99.
6. Kalinina L. V. Semantika i funkcionirovanie leksemy «Bro» v internet-kommunikacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2015. № 2 (2). S. 411–414.
7. Koroleva N. N., Bogdanovskaya I. M., Butyrskaya N. S., Flenina T. A. Strategii virtual'noj samoprezentacii molodezhi v razlichnyx social'nyx setyax // Informatika i obrazovanie. 2016. № 9. S. 47–50.
8. Lemyaskina N. A., Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie mladshogo shkol'nika. Voronezh, 2000.
9. Katya Romanova. Videoblog o puteshestviyax // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZBQCHRrivYY> (дата обращения: 19.04.2024).
10. Leontovich O. A. Vozrastnaya markirovannost' kommunikacii lyudej starshego pokoleniya // Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki (NOPRIL). 2023. № 3 (43). С. 152–165.
11. Nikitina A. V. Pojmi menya: detskaya rech' v sovremennom rossijskom kontekste // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 4 С. 75–80.

12. Ostorozhno: Sobchak! «Izobretaya Aruta» ili kak postroit' obraz na fejkax i Morgenshterne // URL: https://www.youtube.com/watch?v=IN_LDOAr7Mg (data obrashheniya: 22.04.2024).
13. Podkast Gleba Solomina. Kak ne paxat', a zarabatyvat'? // URL: https://www.youtube.com/watch?v=UL6l_VDJz_c (data obrashheniya: 22.04.2024).
14. Saenko L. A., Teniczkiy S. V. Osobennosti formirovaniya kommunikativnogo opy'ty u studencheskoj molodezhi // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 2 (81). S. 333–334.
15. Sal'nikova N. I. Tipy samoprezentacii v internet-diskurse, obuslovlennyye faktorom kanala kommunikacii (na materiale frankoyazy'chny'x sajtov) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 4. S. 123–131.
16. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie. Voronezh: Izd- vo VGU, 2001.

*The specific features of linguistic and behavioral peculiarities
of communication of the Russian youth*

The linguistic and behavioral peculiarities of communication of the Russian youth are considered. The most outstanding communicative strategies and behavior patterns, that are typical for interpersonal and public communication, are revealed. The prospect of study is the revealing of possible ways of optimization of communication between the representatives of the youth and the older generation.

Key words: age specific communication, communicative behavior, slang, communicative strategies.

(Статья поступила в редакцию 05.05.2024).

А. В. НИКИТИНА
Волгоград

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Описываются особенности коммуникативного поведения детей в современном российском обществе. Прослеживается влияние социокультурных изменений на межпоколенческое взаимодействие.

Ключевые слова: возрастная коммуникация, коммуникативное поведение, маркированность коммуникации, коммуникативное табу, адаптация.

Статья подготовлена в рамках поддержанного Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом научного проекта «Функционально-прагматические характеристики коммуникации людей разного возраста в современной России» (междисциплинарные исследования в области гуманитарных, общественных

и естественных наук, № Б6) и является частью более крупного исследования, цель которого – системный анализ коммуникации людей различных возрастов. В рамках данного проекта подготовлены публикации, в которых выявлены особенности коммуникативного поведения молодежи [1], маркированность коммуникации людей старшего поколения [3].

Данная статья посвящена описанию некоторых особенностей коммуникативного поведения детей. Ее цель заключается в анализе и систематизации закономерностей (маркеров), присущих данной возрастной категории в контексте современного российского общества.

Многие исследователи детского коммуникативного поведения сходятся во мнении, что «ребенок – это особенный тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире» [9, с. 5]. Это объясняется его своеобразным мироощущением, мышлением и мировосприятием и находит воплощение в закономерностях использования языка и определенном коммуникативном поведении. Так, например, обращаясь к взрослому человеку с фразой «ведешь себя как ребенок», мы вкладываем в нее следующий смысл: взрослый человек либо наивен и неопытен, как ребенок, либо проявляет излишнюю эмоциональность, активность и другие качества, которые привычно видеть в поведении детей, но не взрослого человека.

Предметом исследования является коммуникативное поведение детей в современном российском обществе.

Отметим, что отношение к детям в наши дни претерпело изменения. Сегодня к появлению детей принято готовиться заранее, родители читают специальную литературу, посещают курсы, проводят гендер-вечеринки, на которых узнают пол ребенка. С появлением ребенка начинается гонка среди родителей. Набирают популярность системы раннего развития детей, посещение многочисленных кружков. Поведение родителей носит характер демонстративного и получило название «гламуризация детства». В коммуникации данное явление проявляется посредством определенной манеры общения, хвастовства, похвалы: *А мы уже пошли в 6 месяцев. А мы читаем с года. Мы уже на 3 языках умеем разговаривать.* Использование местоимения «мы» свидетельствует об отождествлении себя с ребенком, все достижения которого являются как бы атрибутом личного успеха родителя. Таким образом, нам представляется, что социокультурные изменения в обществе в отношении детей не могут не находить своего отражения в определенном коммуникативном поведении этой возрастной группы, что и обуславливает актуальность темы.

Материалом исследования послужили результаты включенного наблюдения, примеры из русскоязычной сети Интернет (посты и комментарии в телеграм-каналах, социальных сетях), художественные и мультипликационные фильмы, а также данные анкетирования, проведенного в рамках изучения данной темы.

Анализ коммуникативного поведения современных детей проводится с опорой на методику и терминологию, разработанные И. А. Стерниным в рамках модели описания коммуникативного поведения [8]. Взяв за основу аспектную модель описания коммуникативного поведения, а именно ее продуктивный аспект, мы в своем исследовании опираемся на четыре параметра анализа, а именно: языковой параметр, содержательно-тематический параметр, параметр выбора стратегии коммуникации, параметр адаптации к собеседнику. Языковой параметр был описан нами подробно в ранее опубликованной статье «Пойми меня: детская речь в современном российском контексте» [4], а в представленной работе мы концентрируемся на оставшихся трех параметрах.

1. Содержательно-тематический параметр отражает предпочитаемые и табуированные темы в общении детей, которые в свою очередь зависят от возраста, интересов, опыта и социального окружения ребенка.

Принимая во внимание исследования Н. А. Лемяскиной, И. А. Стернина, Е. Б. Чернышевой [2; 9], а также проанализированный нами практический материал, выделим наиболее частотные темы в разговорах детей младшего возраста.

1. Игры. Одной из ведущих видов деятельности в младшем возрасте является игровая, что и определяет тематику диалога детей этого возраста с окружающими. В эту же группу отнесем и компьютерные игры, разговоры о которых явно преобладают в речи детей.

2. Школа и учеба. Дети могут обсуждать свои успехи и трудности в учебе, рассказывают об учителях и друзьях. Отдельно отметим, что часто в разговорах про школу дети выражают нежелание учиться и в их речи присутствует негативная оценка этого процесса:

– *Ты хоть по школе-то за лето соскучился?*

– *Ой, мам, даже не начинай мне про школу! Думать даже про нее не хочу.*

3. Хобби и интересы. В зависимости от своих увлечений в свободное время в речи детей присутствуют разговоры про спорт, мультфильмы, музыку.

4. Друзья и взаимоотношения. Обсуждение дружбы, конфликтов и ссор:

– *Васенька, ну хочешь, мы завтра вместе в школу пойдем? Поговорим с ребятами.*

– *Я больше в школу вообще никогда, никогда, не пойду. Они мне не поверили, и даже Димка! А Настя от меня пересела (к/ф Дневник мамы первоклассника).*

5. Интерес к окружающему миру. Дети проявляют познавательную активность и желание разобраться в непонятных для них явлениях, что провоцирует их на постоянные вопросы об окружающей действительности.

По мере взросления некоторые темы в общении детей выходят на первый план, а другие трансформируются или принимают более глубокий смысл. Так, например, в общении подростков центральное место занимают темы, связанные с современными технологиями и социальными сетями, чувствами и эмоциями, взаимоотношением между сверстниками. У детей расширяется кругозор, они начинают интересоваться миром за пределами своего окружения, изучают различные культуры, страны, исторические факты. Одной из важных тем для обсуждения в подростковой среде является планы на будущее, их мечты и жизненные цели. Подросткам свойственно идеализировать свое будущее, многие видят себя успешными, богатыми и знаменитыми.

В общении с детьми есть ряд тем, которые считаются табуированными или нежелательными для обсуждения. Под коммуникативным табу И. А. Стернин понимает «действующий в общении запрет на употребление тех или иных слов, затрагивание определенных тем в разговоре» [8, с. 58]. К жестким табуированным темам относится употребление нецензурной лексики. Мягкие табу включают темы, которые могут быть сложными, неприемлемыми или неуместными для детского возраста и варьироваться в зависимости от уровня зрелости ребенка. К ним относятся 1) обсуждение сексуальности, половых отношений, интимных деталей; 2) политика и религия; 3) смерть, травмирующие события; 4) финансы; 5) личные и семейные проблемы.

Ученые отмечают, что в общении со сверстниками у детей наблюдается низкая степень табуированности. Они разговаривают друг с другом на любые темы, используя при этом любые выражения. При этом в подростковом возрасте можно наблюдать осознанное нарушение табу в общении с взрослыми с целью спровоцировать их на определенную реакцию, прощупать границы дозволенного. Другая причина нарушения коммуникативных табу заключается в желании подростков почувствовать себя взрослыми и способными общаться на «взрослые» темы. Часто это желание встречает непонимание со стороны взрослых, которые не считают нужным обсуждать некоторые вопросы с детьми. В коммуникации это реализуется посредством определенной манеры общения, целью которой является принижение роли собеседника и дискриминации его по возрастному признаку: *О политике он тут рассуждает! А уроки сделал? Ты сперва сам зара-*

батывать начини, а потом говори мне, что я живу неправильно. Вот я в твои годы..., а ты сам по себе ничего не стоишь!

2. *Коммуникативно-стратегический параметр* предполагает изучение коммуникативных и поведенческих стратегий, предпочитаемых детьми в межличностном общении.

Первостепенной важностью в формировании коммуникативного поведения ребенка играет семья и внутрисемейные нормы. Позже, по мере взросления, на ребенка начинает оказывать влияние социум, его окружение, друзья и школа.

В психологии довольно прочно закрепились некоторые термины, которые характеризуют коммуникативные модели поведения детей. Наиболее частотные – это «удобный ребенок», «избалованный ребенок» и «ненужный ребенок». В зависимости от воспитания и темперамента ребенка его можно условно отнести к одной из перечисленных коммуникативных моделей, что будет в свою очередь сказываться на предпочитаемом коммуникативном поведении, а также на выборе определенных стратегий и тактик.

Рассмотрим коммуникативное поведение на примере модели «Избалованный ребенок». Избалованный ребенок обычно максимально сконцентрирован на себе и своих потребностях и не проявляет интерес к нуждам окружающих. Такие дети часто проявляют капризность и негативную реакцию на отказ исполнять их желание [5, с. 260–267].

Коммуникативное поведение «избалованного ребенка» имеет определенные схожие черты. Речь ребенка эгоцентрична, мир воспринимается им только с позиции своих интересов: *Мне здесь уже надоело, здесь не интересно!* В общении с взрослыми дети используют императивные конструкции: *Дай! Купи! Пошли!*

Предпочитаемой коммуникативной стратегией в данной модели поведения будет стратегия подчинения, цель которой заставить партнера по коммуникации действовать в соответствии с требованиями говорящего. Стратегия подчинения в коммуникативном поведении избалованного ребенка может реализовываться через определенные тактики: уговоры, капризы, убеждения.

Проиллюстрируем функционирование тактики «уговоры» в диалоге «родитель-ребенок»:

- *Пап, можешь мне подарить новый телефон.*
- *У тебя еще этот телефон хороший.*
- *Да, а вот, у моего друга новый айфон, ему родители купили, а я что, хуже его, что ли? Купи!*
- *Сейчас мы не можем купить новый телефон.*
- *Я так и знал, что вы меня не любите.*

В представленном примере последовательно прослеживается тактика уговаривания: ребенок приводит несколько аргументов, доводы не имеют рационального контекста и финальным, наиболее сильным аргументом используется коммуникативный ход «упрек».

Среди наиболее ярких приемов уговаривания, которые характерны для детской речи данной коммуникативной модели, можно выделить «канюченье». Этот прием характеризуется многократными и эмоциональными повторами одного и того же побуждения. Для его реализации необходима особенная настойчивость и полное отсутствие аргументации.

3. *Параметр адаптации* определяет выбор способа коммуникативной адаптации как внутри одной возрастной группы, так и между разными поколениями.

Под адаптацией к собеседнику в межличностном взаимодействии понимается «процесс коммуникативного приспособления, актуализируемый на основании контекстуальных условий общения, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных позиций его участников и проявляющийся в вариативности поведения личности с целью достижения коммуникативной цели» [6, с. 8]. Возраст (наряду с гендером, социальной ро-

лью и национальной принадлежностью) является одним из параметров, который оказывает влияние на выбор языковых средств, тональности общения, поведения субъекта интеракции. Эффективность и успешность коммуникации во многом зависит от стремления участников обоюднo подстроиться друг под друга. Таким образом, принадлежность коммуникантов к одной или к разным возрастным группам будет обуславливать выбор формы общения.

В паре «ребенок-ребенок», т.е. в общении между сверстниками, межличностное общение допускает непринужденность коммуникации, использование неформального стиля общения, стилистически сниженной лексики, выбор языка «своей» возрастной группы, включая предпочитаемую тематику общения, сленг, жаргонизмы [6, с. 78].

В межпоколенческом взаимодействии эффективность коммуникации будет зависеть от степени коммуникативного приспособления. Рассмотрим некоторые формы коммуникативной адаптации ребенка к взрослому.

1. Выбор этикетной формы общения в зависимости от степени наличия/отсутствия родственных связей и степени возрастной отдаленности адресата. Так, в общении с близкими родственниками (мамой, папой, бабушкой, дедушкой) дети чаще используют «детские» этикетные формулы (*Мама, привет! Че ты мне купила? Ты у меня самая лучшая бабушка*), ласковые обращения (*мамочка, бабуля, дедань*), тогда как в общении с незнакомыми взрослыми ребенок скорее выберет «взрослые» формулы (*Добрый день! Здравствуйте! Как у Вас дела?*), обращение по имени-отчеству и на *Вы*;

2. Использование протознаковых средств общения для выражения своих потребностей, чувств и эмоций [6, с. 83]. В общении с близкими взрослыми ребенку свойственно выражать свои эмоции объятьями и поцелуями, если просьба ребенка не исполняется взрослыми, ребенок может начать плакать или топтать ногами.

3. Копирование коммуникативного поведения значимого взрослого. Это может быть, как и родитель, так и совершенно незнакомый человек, кумир ребенка, тот, кого ребенок считает быть достойным примером для подражания. Увлеченность детьми интернет-контентом проявляется в копировании коммуникативного поведения ютуб-блогеров. Дети перенимают их выбор тематики общения, лексики, жестов, мимики.

4. Выбор определенной манеры поведения для достижения своих целей. Так, например, в общении с бабушками и дедушками дети часто прибегают к тактикам уговора, просьбы, мольбы, ориентируясь на то, что бабушки в воспитании детей проявляют больше лояльности по сравнению с родителями.

5. Выбор общеупотребительной лексики в общении со старшим поколением, избегание сленга и жаргонизмов. Приведем пример из передачи с детского канала «Teens for teachers». Это викторина, в которой дети задают вопросы учителям. Один из выпусков был посвящен подростковому сленгу, и последний вопрос викторины, который вызвал трудности в понимании у взрослого участника, звучал следующим образом: *Обрести популярность в TikTok проще всего, если ты: а) попал в рек, б) ракуешь, в) зафлеймил, г) тильтанул*. Ребенок-ведущий, подбирая слова, старался объяснить участнику-взрослому значение всех этих молодежных слов: *TikTok – это приложение, в котором можно снимать короткие видео под музыку*.

6. Различного рода проявления уважения к старшим [6, с. 85]. Детей с раннего возраста учат уважительно относиться к возрасту, уступать место в общественном транспорте, помочь перейти через дорогу, донести тяжелые сумки.

Таким образом, в статье представлены и описаны параметры коммуникативного поведения детей, среди которых содержательно-тематический параметр, коммуникативно-стратегический параметр и параметр адаптации к собеседнику. Представляется, что данное исследование внесет вклад в общее понимание возрастного коммуникативного поведения.

Список литературы

1. Гуляева М. А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 31–39.
2. Лемяскина Н. А., Стернин И. А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000.
3. Леонтович О. А. Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). 2023. № 3 (43). С. 152–165.
4. Никитина А. В. Пойми меня: детская речь в современном российском контексте // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 4 (04). С. 75–80.
5. Никитина А. В. Такие разные дети. Проблема стереотипизации детей в современном межличностном общении // Материалы III Междисциплинарной научной конференции. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 260–267.
6. Соколова М. С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, 2012.
7. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: Воронеж. обл. ин-т повыш. квалиф. и переподгот. работников образования, 1996.
8. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000.
9. Тухарели Н. Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 17. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–10.
10. Чернышова К. Б. Коммуникативное поведение дошкольника: психолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд филол. наук. Воронеж: Воронеж. гос ун-т, 2001.

* * *

1. Gulyaeva M. A. O nekotoryx osobennostyax kommunikativnogo povedeniya rossijskoj molodezhi // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 31–39.
2. Lemyaskina N. A., Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie mladshego shkol'nika. Voronezh: Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 2000.
3. Leontovich O. A. Vozrastnaya markirovannost' kommunikacii lyudej starshego pokoleniya // Ucheny'e zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki (NOPriL). 2023. № 3 (43). S. 152–165.
4. Nikitina A. V. Pojmi menya: detskaya rech' v sovremennom rossijskom kontekste // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 4 (04). S. 75–80.
5. Nikitina A. V. Takie razny'e deti. Problema stereotipizacii detej v sovremennom mezhlichnostnom obshhenii // Materialy' III Mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii. M.: KDU, Dobrosvet, 2023. S. 260–267.
6. Sokolova M. S. Adaptaciya k sobesedniku v processe mezhlichnostnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogr. socz.-ped. un-t, 2012.
7. Sternin I. A. Russkij rechevoj e'tiket. Voronezh: Voronezh. obl. in-t povы'sh. Kvalif. i perepodgot. rabotnikov obrazovaniya, 1996.
8. Sternin I. A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2000.
9. Tuxareli N. L. Detskaya yazy'kovaya kartina mira kak predmet lingvisticheskogo izucheniya // Yazy'k, soznanie, kommunikaciya: Sb. st. / Otv. red. V. V. Krasny'x, A. I. Izotov. Vy'p. 17. M.: MAK S Press, 2001. S. 5–10.
10. Cherny'shova K. B. Kommunikativnoe povedenie doshkol'nika: psixolingvisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand filol. nauk. Voronezh: Voronezh. gos un-t, 2001.

*Specific features of communicative behavior of children in the modern
Russian society*

The specific features of communicative behavior of children in the modern Russian society are described. The influence of sociocultural changes on intergenerational cooperation is observed.

Key words: *age related communication, communicative behavior, markedness of communication, communicative taboo, adaptation.*

(Статья поступила в редакцию 27.05.2024).

Ю. М. ИВАНОВА
Н. В. БОЙЧЕНКО
О. Р. ЗАЙЦЕВА
Волгоград

**ИГРОВЫЕ И НЕИГРОВЫЕ ДИАЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ НА ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ
СТИМУЛ (на материале опроса респондентов)**

Анализируются результаты опроса 104 респондентов, в котором проверялись их реакции на прецедентные стимулы как на реплики в реальном диалоге. Предлагается классификация игровых и неигровых стратегий реагирования в диалоге, выделяются маркеры игровой и неигровой диалогической реакции. Игровая тональность маркируется следующими признаками: имплицитное выражение эмоций, не прямое маркирование прецедентности, наличие тропов и употребление коннотированной лексики.

Ключевые слова: *игровой диалог, игровая диалогическая реакция, неигровая диалогическая реакция, маркер игровой интенции.*

Теория игры давно и успешно развивается в различных областях знания. На сегодняшний день можно сформулировать несколько тезисов, принятых в рамках этой теории.

1. Игра понимается как телеологически замкнутая деятельность, игровой хронотоп характеризуется прерывистостью и обратимостью; антиподом игры является обыденность; игра игнорирует социальный статус игроков, уравнивая их в правах внутри игрового хронотопа [5].

2. Игра характеризуется наличием внутреннего локуса мотивации [6]. Игра может быть отнесена к одному из четырех типов (либо содержать элементы нескольких из них): агон (состязание), мимесис (подражание), аллейя (игры шанса) и иллинкс (игры-«головокружения») [7].

3. Игра осмысливается социумом в рамках семи риторических традиций (play rhetorics): игра как судьба, игра как прогресс, игра как власть, игра как самость, игра как идентичность, игра как фривольное, игра как воображаемое [8].

Сегодня теория языковой игры (далее – ЯИ) разрабатывается в различных направлениях. Структурно-семантическая теория ЯИ рассматривает изучаемое явление на всех уровнях языка [3], текстологическое направление изучает функционирование ЯИ в различных типах текста, акцентируя внимание на ее текстообразующей функции [2], психолингвистическое – исследует процессы порождения и интерпретации ЯИ [1], семантико-синтаксическое – фокусирует свое внимание на игровой рекомбинации синтаксических структур [4].

Наша статья выполнена в русле прагмалингвистического подхода, в рамках которого речевая игра рассматривается как процесс реализации механизмов языковой игры в живой речи.

Исследовательский вопрос данной статьи: каковы наиболее частотные стратегии маркирования игровой и неигровой интенции в исследованном материале?

В ходе анализа проведен опрос 104 респондентов. В качестве стимулов были использованы 6 прецедентных высказываний: 1) Любовь – не картошка... (начало русской пословицы); 2) Какая гадость эта ваша заливная рыба! (цитата из кинофильма «Ирония судьбы»); 3) Вся наша жизнь – театр, а люди в ней актеры (В. Шекспир); 4) Един есть раб во всяком дому – сам господин («Менандр»); 5) Миром правят молодые. Когда состарятся (Б. Шоу); 6) Мода проходит, стиль остается (К. Шанель); 7) Контрольное высказывание: Назовите хоть одну достойную цель.

Контрольный стимул «Назовите хоть одну достойную цель» был искусственно сгенерирован авторами для того, чтобы поставить «нижний» лимит игровых реакций, иными словами, обнаружить в нашей выборке количество говорящих, которые будут реагировать в игровой тональности, независимо от игрового потенциала стимула.

Респондентам были даны следующие инструкции: «Пожалуйста, отреагируйте на следующие высказывания так, как если бы Вы услышали их в диалоге. Долго думать не нужно, это задание должно занять у Вас не больше 10 минут».

В результате опроса получены 728 реакций, которые были разделены на игровые (226 реакций из 728, или 31%) и неигровые (502 реакции из 728, или 69%) и исследованы на предмет стратегий выбора языковых средств.

Затем был произведен подсчет реакций разного типа, они классифицировались по следующему признаку: если в реакции присутствовали эксплицитные маркеры игровой реакции, эта реакция относилась к игровым, в противном случае, даже если игровое прочтение было потенциально возможно, реакция относилась к неигровым. Это было связано с тем, что наши цели состояли не в подсчете игровых и неигровых реакций на тот или иной стимул, а в том, чтобы проанализировать пути вербальной экспликации игровой интенции.

Результаты опроса таковы.

1. Стимул «Любовь – не картошка» получил наибольшее количество *игровых* реакций (72 из 104, или 69%) и, соответственно, наименьшее количество неигровых (31%). Оказалось, что наши юные респонденты не знали пословицу «Любовь – не картошка, не выбишь в окошко» и восприняли этот стимул не как пословицу, а как абсурдное сравнение. Из очевидной абсурдности получившегося стимула и последовало такое множество игровых реакций, которые можно поделить на следующие группы: имитация се-

рьезного диалога, метаязыковая рефлексия и небольшая группа разнообразных статистически незначимых реакций.

Первая группа (игровая имитация серьезного диалога) содержит реакции, которые либо имплицитно соглашаются с основной посылкой стимула (*Конечно, картошка намного лучше; Да. Картошка дает энергию, а любовь забирает; Остынет – не страшно; Любовь – это морковь; А овощной салат и т.п.*), либо отрицают ее (*Любовь – картошка (особенно если она жареная и с лучком); Любовь – картошка, подписываюсь под каждым словом; Почему нет? Я люблю картошку и т.п.*).

Приведенные примеры свидетельствуют, что при обсуждении явно абсурдной посылки «Любовь – не картошка» наши респонденты приводят квазилогичные аргументы, как если бы шло серьезное обсуждение этой темы. Игровая метаязыковая рефлексия на данный стимул ограничилась девятью реакциями (11,5%), половина из которых содержала критику основной посылки высказывания (*Все, что угодно, не картошка, кроме картошки; Ничто не картошка, кроме картошки и т.п.*), а вторая половина – сообщения о том, что это высказывание смешно.

Большинство *неигровых* реакций на этот стимул можно разделить на такие группы: выражение недоумения (11 реакций из 104, или 10,5%): *Что ты имеешь в виду?; Странная связь между двумя понятиями* и согласие с основной посылкой (10 реакций из 104, или 9,6%): *Факт!; Не поспоришь; Солидарна и т.п.*

2. Стимул «Какая гадость эта ваша заливная рыба!» вызвал чуть меньше *игровых* реакций, чем предыдущий. Игровые реакции здесь разделились на две основные группы: имитация серьезного диалога (21 реакция из 104, или 20%) и метаязыковые реакции (15 реакций из 104, или 14,4%). В первой группе (имитация серьезного диалога) реплики имитировали различные варианты течения диалога, в котором могла бы появиться такая фраза: *Тогда почему вы продолжаете ее есть?; Ешь и не жалуйся; Бабуль, попробуй что-нибудь другое тогда; Значит, не ешь; Сам ты гадость и т.п.* Во второй группе предлагались ироничные метаязыковые реакции на стимул: маркирование прецедентности (*Выхых смотрели; Ипполит красавчик; О, тепленькая пошла! и т.п.*) и обыгрывалась тема заливки (*Избавьтесь от заливки; Да ладно, селедка со сгущенкой очень даже вкусно и т.п.*).

Неигровые реакции на данный стимул образовали четыре группы: маркирование и обсуждение характера прецедентности стимула (25 из 104 реакций, или 24%), выражение согласия (11 из 104 реакций, или 10,5 %), выражение отвращения к заливной рыбе (6 из 104 реакций, или 5,7%) и разное (11 из 104 реакций, или 10,5 %).

3. Стимул «Вся наша жизнь – театр, а люди в ней актеры» основывается на метафоре, и играющие респонденты, в основном, продолжали эту метафору (*И все мы еще клоуны в цирке на арене; А ты единственный клоун; В таком случае кто-то из нас фальшивит; Ну такое, театр на 2/5. Актерам вообще бан; Сейчас антракт – пошли поесть и т.п.*) – 27 реакций из 104 (или 26%). Оставшиеся 10 *игровых* реплик раздробились на мелкие группы по 3–4 реплики: абсурд (3 реплики), метаязыковое комментирование (2 реплики) и т.п.

Неигровые реакции на данный стимул содержали выражение согласия (21 реакция из 104, или 20%), объяснения и интерпретации семантики стимула (14 реакций из 104, или 13,4 %), маркирование прецедентности стимула (13 реакций из 104, или 12,5 %), выражение несогласия (5 из 104 реакций, или 4,8 %) и разное (8 реакций из 104, или 7,6 %).

4. Четвертый стимул по количеству *игровых* реакций – это афоризм из сборника «Менандр», который звучит так: «Един есть раб в своем доме – сам господин». Как *игровые*, так и *неигровые* реакции на этот стимул содержали высокий процент индикаций непонимания (10,5% и 13,4% соответственно). Кроме того, *игровые* реакции на стимул также содержали игривое согласие и несогласие со стимулом (по 4,8% соответственно), а *неигровые* (которых было большинство) разделились на следующие группы:

согласие со стимулом (18 из 104, или 17,3%), интерпретация семантики стимула (17 из 104, или 16,3%), непонимание (14 из 104, или 13,4%) и разное (12 из 104, или 11,5%).

5. Пятый стимул «Миром правят молодые. Когда состарятся» вызвал 18 *игровых* реакций, из которых 6 реакций (5,7%) обыгрывают парадокс, лежащий в основе высказывания, остальные не образуют статистически значимых групп.

Неигровые реакции на этот стимул разделились на следующие группы: согласие с высказыванием (23 реакции из 104, или 22%), интерпретация высказывания (24 реакции из 104, или 23%), непонимание (10,5%), несогласие (10,5%), негативные эмоции: грусть, обида и т.п. (4,8%).

6. Шестой стимул «Мода проходит, стиль остается», афоризм, приписываемый Коко Шанель, набрал всего 15 *игровых* реакций (14,4 %), среди которых нет никаких статистически значимых закономерностей.

Неигровые реакции на этот стимул разделились на следующие группы: согласие с содержанием высказывания (48 реакций из 104, или 46%), различные виды интерпретации содержания высказывания: объяснение, возражение, доказательство истинности или ложности и т.п. (19 реакций из 104, или 18%), выражение неуверенности и/или равнодушия (8 реакций из 104, или 7,6%).

Немаловажно, что данный стимул вызвал примерно такое же количество *игровых* реакций, что и контрольный. Это позволяет нам предположить, что прецедентность какой-либо фразы не повышает ее *игровой* потенциал в статистически значимой мере.

Подведем итоги. Наш анализ показал:

1. Ощутимо повышают *игровой* потенциал высказывания два фактора – это наличие в стимуле признаков *игровой* речевой агрессии и абсурда. В остальном *игровой* потенциал определялся комбинацией различных параметров.

2. С точки зрения прагматики, есть немало сходств между *игровыми* и *неигровыми* реакциями на стимулы опроса. Так, согласие с основной пропозицией высказывания, с одной стороны, и непонимание этой пропозиции, с другой, выражалось как в *игровой*, так и в *неигровой* форме. То же можно сказать и о маркировании прецедентности наших стимулов: она принимает как *игровую*, так и *неигровую* формы.

3. *Игровые* реакции выделяются на фоне *неигровых* по следующим признакам:

1) Низкая степень предсказуемости: в то время как *неигровые* реакции отличаются высокой степенью уместности и конвенциональности, *игровые* реакции демонстрируют большее разнообразие в выборе тем и речевых актов, а также минимальную предсказуемость.

2) Высокая степень внимания к форме высказывания: *неигровые* реакции максимально лаконичны и недвусмысленны, в то время как *игровые* демонстрируют высокую важность языковой формы высказывания (это проявляется в обилии тропов, коннотированной лексики, переносных наименований и т.п.).

3) В *игровых* высказываниях эмоции выражаются имплицитно, в *неигровых* – эксплицитно.

4) В *игровых* реакциях маркирование прецедентности миметично, в *неигровых* – носит метаязыковой характер. Иными словами, серьезный говорящий, маркирующий узнавание прецедентности, эксплицитно (хотя и не всегда верно) объясняет, из какого источника взято стимульное высказывание, в то время как играющий респондент, желающий показать, что угадал источник прецедентности, предложит цитату из того же источника, выразит свои эмоции по поводу героя, картины, автора, жанра и т.п.

5) В *игровых* реакциях высока роль мимесиса: играющий говорящий, столкнувшийся с прецедентным высказыванием, часто прилагает максимум усилий к тому, чтобы сделать вид, будто авторство стимула принадлежит его собеседнику (и произнесено всерьез), а не взято им в готовом виде из общедоступного источника. Продолжая разговор как ни в чем ни бывало, респондент действует в пространстве «как если бы»; се-

рьезный говорящий, напротив, не притворяется, будто не понял, что высказывание прецедентно.

Таким образом, игровые реакции отличались от неигровых по следующим признакам: повышенное внимание к форме высказывания, имплицитность, миметичность, наличие тропов, переносных наименований, коннотированных лексем. Важно отметить, что игровые маркеры являются лишь индикаторами игровой интенции говорящего и сами по себе не делают высказывание ни игровым, ни серьезным. Говорить о полноценном игровом обмене можно лишь в том случае, если на сообщение, содержащее подобные маркеры, был получен ответ, в составе которого также наблюдались маркеры игровой интенции. В этом случае изучению должны подвергаться не сами маркеры, а структурные связи между ними, которые и составляют план выражения речевой игры.

Список литературы

1. Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 11–24.
2. Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 3. С. 507–523.
3. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
4. Шацкая М. Ф. Функционирование актантов субъектного типа в условиях языковой игры // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 151–162.
5. Huizinga J. Homo ludens. A study of the play element in culture. Routledge & Kegan Paul. London, Boston and Henly, 1949.
6. Levy J. Play behavior. Krieger Publishing Company. Malabar, Florida, 1983.
7. Caillois R. Man, Play and Games. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2001.
8. Sutton-Smith B. The ambiguity of play. Harvard University Press, 1997.

* * *

1. Gridina T. A. Psixologicheskaya real'nost' znacheniya i associativnaya strategiya yazy'kovoj igry' // Psixolingvisticheskie aspekty' izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2006. № 4. S. 11–24.
2. Ignatenko A. V. Osobennosti yazy'kovoj igry' v proze Lyu Chzhe'n'yunya na primere romana «Ya ne Pan' Czzin'lyan'» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2022. T. 14. № 3. S. 507–523.
3. Sannikov V. Z. Russkij yazy'k v zerkale yazy'kovoj igry'. M.: Yaz. rus. kul'tury', 1999.
4. Shaczakaya M. F. Funkcionirovanie aktantov sub'ektnogo tipa v usloviyax yazy'kovoj igry' // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 23. S. 151–162.

Playful and non-playful dialogical response to precedent stimuli (at the material of survey of respondents)

The article analyzes the results of a survey of 104 respondents in which they were given the task to react to precedent stimuli as if in real-life dialogue. The authors classify playful and non-playful strategies of responding in dialogue, distinguish the markers of playful and non-playful dialogical response. Playful tone is marked by the following features: implicit expression of emotions, indirect marking of precedence, presence of tropes and use of connotative vocabulary.

Key words: *playful dialogue, playful dialogical response, non-playful dialogical response, playful intention marker.*

(Статья поступила в редакцию 18.04.2024).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДИСКРИМИНАЦИОННО МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Лингвопрагматическая нейтрализация является значимым социокультурным и лингвистическим феноменом XXI в. Рассмотрен хронологический аспект реализации функций лингвопрагматической нейтрализации в категориях расизма, этноцентризма и аблеизма. Описаны этапы лингвопрагматической нейтрализации лексических единиц.

Ключевые слова: лингвопрагматическая нейтрализация, дискриминация, коннотативный компонент, принцип политкорректности.

Использование нейтрализованных языковых средств является необходимым компонентом практически всех сфер жизни современного общества, и в особенности касается таких дискриминационно маркированных сфер медиадискурса, как расовая и гендерная принадлежность, религия и др. Несмотря на широкое распространение явления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств, можем отметить недостаточную изученность данного феномена, являющегося достаточно сложным для изучения, поскольку в современном языкознании практически отсутствуют инструменты для идентификации нейтрализованных языковых средств. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств представляет собой замену, редукцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным значением (инвективной лексики) [5, с. 80].

Необходимо отметить, что огромное влияние на возникновение и распространение явления лингвопрагматической нейтрализации оказал политкорректный дискурс, направленный главным образом на устранение вербальной дискриминации и негативных стереотипов по отношению к членам общества [1, с. 247]. Но влияние явления политкорректного дискурса на социальную жизнь не только имело различия в коннотациях его употребления, но и было закреплено законодательно. Одним из результатов борьбы за гражданские права в США в 60–70-х гг. XX в. стало введение запрета на официальное употребление ряда понятий, таких как *Negro, colored* [8, с. 12]. Также были введены ограничения на употребление некоторых слов, напрямую связанных с понятиями этноса, гендера, сексуальных предпочтений, расы, религиозных верований, физического состояния, материальное благополучие, профессиональная принадлежность и призванных исключить оскорбление по данным признакам [4, с. 201–203].

С точки зрения некоторых лингвистов, целью политкорректного дискурса является исключение определенных социальных категорий из дискурса, появление норм поведения и использования языковых выражений, направленных на избежание оскорбления или дискриминации по какому-либо признаку представителей различных социальных групп [19].

Современными исследователями данные признаки классифицируются как: *гетеросексизм* (англ.: *heterosexism*) – дискриминация людей нетрадиционной сексуальной ориентации; *лукизм* (англ.: *lookism*) – создание стандартов красоты, привлекательности и ущемление прав тех, кто им не соответствует; *эйджизм* (англ.: *ageism*) – дискриминация лиц преклонного возраста; *сексизм* (англ.: *sexism*) – утверждение отсутствия превосходства людей одного пола над людьми другого пола, *этноцентризм* (англ.: *ethnocentrism*)

– дискриминация культур, отличных от доминирующей, *аблеизм* (англ.: *ableism*) – притеснение лиц с физическими недостатками, *расизм* (англ.: *racism*) – дискриминация по расовому признаку [6, с. 260].

В данном исследовании нами рассмотрен хронологический аспект нейтрализации лингвопрагматики дискриминационно маркированных лексических единиц категорий расизма, этноцентризма и аблеизма.

Отметим, что данные изменения происходят в несколько хронологических этапов и по общим для всех единиц механизмам:

- 1 этап. Возникновение лексической единицы в речи и в медиадискурсе;
- 2 этап. Изменение коннотативного компонента лексической единицы под влиянием социокультурных и социоэкономических факторов;
- 3 этап. Возникновение лингвопрагматической оппозиции;
- 4 этап. Устойчивое функционирование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных лексических единиц в повседневной речи и медиадискурсе;
- 5 этап. Динамическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств [7, с. 71].

Первый этап характеризуется возникновением в языке нового явления, и, как следствие, новой лексической единицы, как правило, с нейтральной коннотацией: *Negro* в значении просто «чернокожий человек», *Mexicanos* – «жители Мексики», *retardation* – «умственная отсталость» и т.д.

На втором этапе лексическую единицу начинают употреблять как в нейтральной, так и в отрицательной коннотации. Например, ввиду того, что в американском обществе чернокожие люди занимали низкое социальное положение даже после отмены рабства, социум довольно часто рассматривал их в качестве виновников роста уровня преступности. Поэтому лексему начинают использовать как в положительной (*Negro*), так и в отрицательной коннотациях (*Negro*, *nigger*, *nigga*). Достигается такой эффект, преимущественно, переходом лексической единицы из бытового употребления в разряд инвектив под влиянием политкорректного дискурса [23, с. 176]. Инвектива является коммуникативным феноменом, позволяющим употребление табуированных лексических единиц в агрессивном значении по отношению к участникам коммуникации. Являясь родовым понятием к мату, жаргону, брани, инвектива в отличие от них универсальна, поскольку позволяет участнику коммуникации употреблять ее в любых сферах общения [2]. Инвективная лексика, как правило, социально-ориентирована, рассчитана на то, чтобы, так или иначе, оскорбить человека, и позволяет выделить особый вид дискурса – непolitкорректный дискурс. С другой стороны, политкорректные дискурсивные выражения призваны исключить из употребления проявления инвективных дискурсивных выражений. Под влиянием политкорректного дискурса лексема *Negro* становится оскорбительной для определенной части чернокожего населения, напоминая о долгих годах угнетения и рабства, и заменяется общеупотребительным нейтральным словом *Black* в том же значении (чернокожий человек).

Таким образом, данный этап характеризуется проявлением признаков явления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных лексических единиц.

Для третьего этапа характерно развитие явления, и, соответственно, дальнейшее изменение и отказ от лексических единиц, которые до определенного времени не считались неприемлемыми, но впоследствии обрели нежелательные ассоциативные значения. Например, с течением времени *Black* становится неприемлемым для употребления и заменяется нейтральными *Black African*, *Afro-American*, *African-American* [7, с. 71]. Однако вместе с употреблением нейтрализованных выражений сохраняется тенденция использования инвективных *nigger*, *wetbacks*, *retarded* и пр. [21]. Таким образом, на

данном этапе можно наблюдать развитие тенденций нейтрализации в обществе, вызывающих дальнейшее изменение языка.

Четвертый этап характеризуется динамическими изменениями лексических единиц. В качестве основного может быть выделена эвфемизация понятий. С точки зрения лингвопрагматической нейтрализации – это исключение значимых семантических компонентов, либо выражение их в наиболее смягченной форме. Например, *retarded* (умственно-отсталые) трансформировалось в *the mentally handicapped, learning disabled* (с ограниченными умственными способностями), затем в *people with learning difficulties* (испытывающие затруднения в обучении, испытывающие трудности в усвоении материала), и в итоге – в *mentally challenged, special* (отличающиеся умственно от других, особенные (о детях); *the disabled* (инвалиды) трансформируются в *physically different, physically challenged* (обладающие иными физическими возможностями), а затем в *differently abled* (с иными возможностями). Очевидно, что употребление эвфемистических конструкций приводит к нарушению логических связей между лексемами [15, с. 278]. Именно это стало препятствием для развития явления лингвопрагматической нейтрализации в области лексикографии, поскольку не существует единого стандарта использования таких выражений. Например, рассматривая лингвопрагматические оппозиции *prostitute – sex worker, immigrant – newcomer, illegal immigrant – undocumented worker* невозможно определить, какое из вышеперечисленных словосочетаний следует употребить в речи, какой перевод будет наиболее подходящим и пр. И, хотя задачей современной лексикографии является не только углубление лингвистической и культурологической составляющих в анализе языкового наследия, но также и определение наиболее уместных с политически корректной точки зрения языковых единиц и исключение даже непреднамеренной дискриминации, именно эта задача практически невыполнима [3, с. 114].

На 5 этапе можно наблюдать радикальные проявления лингвопрагматической нейтрализации. Более того, для данного этапа характерен не только активный процесс нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств, но также и его крайние проявления – законодательное исключение дискриминационно маркированных языковых средств из употребления, как в случае с *N-word, W-Word, R-word* и др. Данное обстоятельство позволяет допустить возможность исключения и ряда других дискриминационно маркированных языковых средств из речевого употребления с течением времени. Можем предположить, что данный этап нейтрализации является многоступенчатым по своей структуре и требует дальнейшего наблюдения и изучения [7, с. 72].

Рассмотрим хронологический аспект нейтрализации лингвопрагматики дискриминационно маркированных лексических единиц категорий расизма, этноцентризма и аблеизма. Например, лексема *Negro* (негр) появилась в испанском и португальском языках приблизительно в 1400–1500 гг. после экспедиции Васко да Гама и означала просто чернокожего человека [22, с. 256]. Вплоть до середины XX в. *Negro* (негр) использовалась в нейтральной коннотации в значении ‘чернокожий’. Примерами употребления данного понятия в нейтральной коннотации являются: основания высшего учебного заведения в 1897 г. *American Negro Academy*; периодического издания *Negro world* в 1918 г. и пр. [13, с. 178].

В середине 1960 гг. XX в. некоторые чернокожие американские лидеры начали предпочитать лексему *black*, поскольку *Negro* (негр) ассоциировалась у них с долгими годами рабства и унижения чернокожего населения в США, а также с тем фактом, что чернокожих жителей США белые часто считали виновниками роста преступности. Именно тогда появились отрицательно-коннотативные лексемы *nigga, nigger* [20, с. 505]. Таким образом, можно сделать вывод с том, что нейтральная коннотация понятия сменилась отрицательной и возникли предпосылки для проявления феномена лингвопрагматической нейтрализации.

С конца 60-х гг. до 90-х гг. XX в. в употреблении сохранялись дискриминационно маркированные *nigga*, *nigger* и появились нейтральные *Black African*, *Afro-American*, *African American* [11, с. 52]. Тем не менее, до сих пор сохраняется тенденция к употреблению *nigga*, *nigger* именно представителями чернокожего населения западных стран, но исключительно в коммуникации чернокожего с чернокожим. Данные слова употребляются в значениях ‘приятель’, ‘брат’ и не являются оскорбительным. Скорее, употребление чернокожими в диалоге слова *nigger* призвано подчеркнуть отличие чернокожих от белых [7, с. 64]. Белым американцам употреблять данное слово в отношении чернокожих запрещено на законодательном уровне [14]. Слово *nigger* считается настолько неприемлемым, что не рекомендуется его использовать даже в качестве каких-либо языковых примеров, *N-word* – нейтральное слово, которое используется как замена неприличных в том или ином контексте слов или выражений было впервые употреблено в публикации New York Thymes в 1995 г. [18].

В 2010 г. Бюро переписи населения Федеральной статистической системы США (The US Census Bureau) официально исключило лексему *Negro* (негр) из употребления; тем же документом исключены из употребления *Black* и *African-American* [25]. В 2013 г. The US Census Bureau удаляет эти слова из форм своих опросников [10].

Похожие процессы можно отметить для лексемы *W-word* (*wetbacks*), впервые употребленной в 1920 г. [24]. Первоначально лексема *Mexicanos* использовалась американцами в нейтральной коннотации для обозначения жителей Мексики. Во время Второй мировой войны Правительства США и Мексики пришли к соглашению о том, что граждане Мексики могут работать на территории США по кратковременным контрактам. После окончания войны американские фермеры продолжили нанимать мексиканцев для выполнения сельскохозяйственных работ. Потребность в дешевой рабочей силе вызвала бурный рост нелегальной иммиграции из Мексики в США [17, с. 115]. Соответственно, возросшее количество выходцев из Мексики привлекло внимание американских обывателей, именно их стали подозревать в совершении преступлений и нарушении правил общественного порядка. Данное обстоятельство привело к лингвопрагматике отрицательно коннотативных *colored* (мексикашки, цветные). Долгое время в обществе сосуществовали две лексемы: нейтральная *Latino* и отрицательно-коннотативная *Wetback* (букв. мокрые спины) [otherissues]. Именно такую лексему начали использовать американцы при упоминании нелегальных иммигрантов из Мексики в 50-60 гг. XX в. [9]. Кроме того, *Wetbacks* употребляли и на официальном уровне. Например, Operation Wetback – закон, инициированный директором службы иммиграции США Д. Свингом (Joseph Swing) в 1954 г. Далее данные лексемы трансформировались в *Mexican Americans* (американцы мексиканского происхождения) и *W-word* [16, с. 302].

Лексема *the retarded* (умственно-отсталые) в 1961 г. была введена Американской психиатрической ассоциацией (АПА) в работе *Diagnostic and Statistical Manual for Mental Disorders (DSM)* и использовалась в нейтральной коннотации. Впоследствии лексема подверглась изменениям: в отрицательной коннотации она использовалась для того, чтобы оскорбить (*retarded* ‘больной, дебилный’), а для передачи положительной семантики стали использовать *the mentally handicapped*, *learning disabled* (‘с ограниченными умственными способностями, испытывающие трудности в обучении’). Далее лексема *the retarded* заменилась словосочетаниями *mentally challenged*, *an individual with an intellectual disability*, *special* ‘отличающиеся умственно от других, особенные’ (о детях). Оскорбительное значение с 2010 г. запрещено законодательно. Президент США Б. Обама подписал Rosa’s Law, который был так назван в честь 9-ти летней девочки с синдромом Дауна Розы Марселино (Rosa Marcellino) [12]. Законом Розы на законодательном уровне запрещено употреблять *mental retardation* и предписывается употребление *mental disability* или *intellectual disability*, а лексема *retarded* была трансформирована в *R-word*.

Согласно результатам исследования, не все дискриминационно маркированные лексические единицы проходят все 4 этапа изменения в полном объеме. Однако данные лексические единицы, употребляющиеся для устранения оскорбления и/или дискриминации людей с физическими недостатками, по расовому и этноцентрическому признакам проходят как минимум 3 этапа лингвопрагматической нейтрализации. Интересен тот факт, что, если дискриминационно маркированная лексическая единица прошла второй этап, связанный с изменением ее коннотативного компонента на нейтральный, то такая лексическая единица либо исключается из языкового использования, либо претерпевает такие лингвопрагматические изменения, что становится практически невозможно понять его истинную семантику и правильно определить область применения данной лексической единицы.

Реципиент, воспринимая нейтрализованные языковые средства в качестве языковой нормы, начинает использовать их в повседневной речи. Поскольку нейтрализованные языковые средства являются динамическими по своей природе, не являются узальными языковыми средствами, продолжается процесс их дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации. Согласно данным настоящего исследования, для некоторых нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств данный процесс уже завершен (*R-word*, *N-word*, *F-word*, etc.), а другие все еще находятся в процессе дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации [7, с. 165].

Таким образом, с течением времени и под влиянием социополитических и социокультурных факторов дискриминационно маркированные лексические единицы подвергаются лингвопрагматической нейтрализации. Данные изменения вызывают трансформации не только на уровне лексического строя языка, но и на законодательном уровне. Исходя из этого, может быть отмечено, что лингвопрагматическая нейтрализация является значимым, но недостаточно изученным явлением современного языкознания.

Список литературы

1. Бабаян В. Н. Основные способы реализации вторичной номинализации в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 246–249.
2. Засыпкин С. В. Инвектива // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2 // Cyberleninka.ru/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva> (дата обращения: 27.04.2024).
3. Карпова О. М., Денисов К. М. Отечественная лексикография в процессе поступательного развития (Рец. на кн.: Современные проблемы авторской лексикографии: сб. науч. ст. / Под ред. Л. Л. Шестаковой. М: Аквилон. 2018) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 108–114.
4. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220.
5. Мельникова К. А. Определение наиболее продуктивных способов нейтрализации дискриминационно маркированных лексических единиц в соответствии с принципом политкорректности в медиадискурсе // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2022. № 4. С. 74–84.
6. Мельникова К. А. Сущность лингвопрагматической оппозиции в рамках феномена лингвопрагматической нейтрализации в медиадискурсе // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы X Международной научно-практической конференции. Витебск, 16 декабря 2022 г. / Витебский филиал Международного университета «МИТСО». Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. С. 259–261.
7. Мельникова К. А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2024.
8. Швейцер А. Д. Некоторые проблемы языковой политики в США // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. № 2. С. 11–16.

9. Blakemore E. The Largest Mass Deportation in American History // History. com. URL: <https://www.history.com/news/operation-wetback-eisenhower-1954-deportation> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Brown T. No More 'Negro' For Census Bureau Forms And Surveys // The two-way. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2013/02/25/172885551/no-more-negro-for-census-bureau-forms-and-surveys> (дата обращения: 22.02.2024).
11. Christopher H. The African-American predicament. Brookings Institution Press, 1999.
12. Diament M. Obama Signs Bill Replacing 'Mental Retardation' With 'Intellectual Disability' // disabilitycoop.com. URL: <https://www.disabilitycoop.com/2010/10/05/obama-signs-rosas-law/10547/> (дата обращения: 21.02.2024).
13. Finkelman P. Negro World. Encyclopedia of African American History. Oxford University Press, 2009.
14. Gardian // Theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/world/2007/mar/01/usa.edpilkington> (дата обращения: 21.02.2024).
15. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture. Wiley-Blackwell. 2009.
16. McDonald J. Racial Dynamics in Early Twentieth-Century Austin. Texas. Lexington Books. 2012.
17. Ngae M. Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America. Updated Edition (Politics and Society in Modern America). 2014.
18. Noble K. Issue of Racism Erupts in Simpson Trial // nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/1995/01/14/us/issue-of-racism-erupts-in-simpson-trial.html> (дата обращения: 21.02.2024).
19. Roper C. Political correctness // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (дата обращения: 21.02.2024).
20. Smith T. Changing racial labels: from 'Colored' to 'Negro' to 'Black' to 'African American' // The Public Opinion Quarterly. 1992. № 56. P. 496–514.
21. Syrett K. The language of racism: Why it's time to get rid of master bedroom, cake walk, grandfather clause // wbur.org. URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/07/23/language-racism-enslavement> (дата обращения: 21.02.2024).
22. Thatcher O. Vasco da Gama: Round Africa to India, 1497–1498 CE // Modern History Sourcebook. Milwaukee: University Research Extension Co. 2022.
23. Titscher S. Methods of Text and Discourse Analysis. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications. 2003.
24. Welcomed Mexican Invasion – Thousands of Families Crossing the Border to Till the Soil and Otherwise Build Up the Southwest // The New York Times. Section 8, page 6. URL: <https://www.nytimes.com/1920/06/20/archives/welcomed-mexican-invasion-thousands-of-families-crossing-the-border.html> (дата обращения: 21.02.2024).
25. U.S. Census Bureau interactive form // Census.gov. URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/> (дата обращения: 21.02.2024).

* * *

1. Babayan V. N. Osnovny'e sposoby` realizacii vtorichnoj nominalizacii v mediadiskurse // Kognitivny'e issledovaniya yazy`ka. 2024. № 1-2 (57). S. 246–249.
2. Zasy`pkin S. V. Invektiva // Diskurs-Pi. 2010. № 1-2 // Cyberleninka.ru/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva> (data obrashheniya: 27.04.2024).
3. Karpova O. M., Denisov K. M. Otechestvennaya leksikografiya v processe postupatel'nogo razvitiya (Recz. na kn.: Sovremenny'e problemy` avtorskoj leksikografii: sb. nauch. st. / Pod red. L. L. Shestakovoj. M: Akvilon. 2018) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2019. № 3. S. 108–114.
4. Leontovich O. A. Politicheskaya korrektnost', inkluzivny`j yazy`k i svoboda slova: dinamika ponyatij // Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 1. C. 194–220.
5. Mel'nikova K. A. Opredelenie naibolee produktivny`x sposobov nejtralizacii diskriminacii markirovanny`x leksicheskix edinic v sootvetstvii s principom politkorrektnosti v mediadiskurse // Sovremenny'e lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 74–84.
6. Mel'nikova K. A. Sushhnost` lingvopragmaticheskoy oppozicii v ramkax fenomena lingvopragmaticheskoy nejtralizacii v mediadiskurse // Aktual'ny'e problemy` professional'nogo

obrazovaniya v Respublike Belarus' i za rubezhom: materialy' X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vitebsk, 16 dekabrya 2022 g. / Vitebskij filial Mezhdunarodnogo universiteta «MITSO». Vitebsk: Vitebskij gos. un-t im. P. M. Masherova, 2022. S. 259–261.

7. Mel'nikova K. A. Lingvopragmaticheskaya nejtralizaciya diskriminacionno markirovanny'x yazy'kovy'x sredstv v mediadiskurse (na materiale anglo- i russkoyazy'chny'x mediaistochnikov): dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl': Yaroslavskij gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2024.

8. Shvejcer A. D. Nekotory'e problemy' yazy'kovej politiki v SShA // Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury' i yazy'ka. 1996. № 2. S. 11–16.

The chronological aspect of linguopragmatic neutralization of discriminatory marked linguistic means

The linguopragmatic neutralization is a significantly sociocultural and linguistic phenomenon of the XIXth century. The chronological aspect of implementation of functions of linguopragmatic neutralization in the categories of racism, ethnocentricity and ableism is considered. There are described the stages of linguopragmatic neutralization of lexical units.

Key words: *linguopragmatic neutralization, discrimination, connotative component, principle of political correctness.*

(Статья поступила в редакцию 29.04.2024).

В. В. БОГОМАЗОВА
Волгоград

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Анализируются особенности влияния английского языка на русский молодежный сленг. Рассматриваются социально-психологические причины актуализации англицизмов в российской молодежной среде. Определены тематические сферы молодежного сленга, в которых наиболее часто употребляются англицизмы.

Ключевые слова: *молодежный сленг, заимствования, англицизмы, транслитерация, транскрипция, языковая игра.*

Русский язык, так же как и другие языки, находится в состоянии постоянного развития, что обусловлено разными факторами (преимущественно экстралингвистического порядка). Среди важных источников пополнения словарного фонда русского языка следует отметить освоение иностранных слов, прежде всего – слов из английского языка. Заимствование иностранных слов – это естественный процесс. Такие факторы, как налаживание экономических, социальных и политических связей в рамках международ-

ного сотрудничества, расширение глобальной сети Интернет, взаимодействие языков, культур способствуют проникновению лексики других языков в наш родной язык. Кроме того, процесс заимствований активизируется в связи с развитием новых технологий, которое неизбежно влечет за собой появление новых наименований, поэтому возникает вопрос меры и актуальности тех изменений, которые данные заимствования несут.

Актуальность проводимого исследования помимо общесоциальной обеспокоенности чистотой русского языка вписана в широкий контекст лингвистических проблем, одной из которых выступает экологичность национального языка. Современное общество весьма обеспокоено процессом активных заимствований в русский язык. Специалисты обсуждают вопрос о падении языковой культуры и рассматривают данную проблему на уровне нации.

Русский язык, как известно, подвержен в настоящее время засилью иностранных слов, в особенности англицизмов и американизмов, что далеко не всегда оправданно. Язык – это социальное явление, чутко реагирующее на все изменения в обществе, а молодежь раньше, чем другие социальные и возрастные группы, реагирует на модные и современные тенденции, что находит отражение в ее речи, т.к. именно поколение молодых более других подвержено влиянию моды и новых тенденций, в том числе языковых. Молодежь в погоне за модой начинает использовать заимствования повсеместно, ежедневно и не всегда уместно.

История показывает, что подобное явление типично и зачастую саморегулируемо (часть слов останется в языке, а часть под действием естественных процессов сохранится лишь в редких цитатах в кино и на телевидении). Однако в условиях современного технического прогресса, возникновения принципиально новых каналов коммуникации, появления письменной формы устной речи и т.п. молодежный сленг выходит за рамки узковозрастного дискурса.

Современная реальность такова, что сегодня молодежный сленг выходит в широкий медийный контекст – этот вариант речи мы слышим и с экранов телевизоров, и в сети Интернет, и в других СМИ, поэтому его изучению придают в современной лингвистике большое значение.

Обращаясь к истории возникновения сленга, можно отметить, что в настоящее время существуют два принципиально разных подхода к этому языковому феномену. Кратко остановимся на них.

I-й подход интерпретирует молодежный сленг как токсичное явление в языке, определенно наносящее вред национальному языку ввиду активного внедрения в вокабуляр иноязычных заимствований, слов из сферы арго, сниженной лексики и осознанного несоблюдения литературных норм (И. О. Федорова, Л. П. Крысин, С. И. Левикова и др.).

II-й подход ориентирован на оценку сленга с точки зрения его пользы из-за универсальности (обслуживает любые области жизни), многообразия форм и сложности в структурном отношении (М. А. Грачев, Л. В. Владимирова, В. И. Шляхов и др.). Сторонники этого подхода, как справедливо отмечает Е. А. Рубцова, видят в сленге источник обогащения нашего языка, обращают внимание на его «образность и эмотивность, достигающиеся во многом вариациями словообразовательных лексем» [2].

В. А. Хомяков определяет сленг как «устоявшийся в определенном периоде, часто употребляемый лексический пласт с компонентами экспрессивного просторечия» [3, с. 43–44]. Автором высказывается суждение, согласно которому сленг следует относить к такому страту лексики, как экспрессивное просторечие.

По мнению А. В. Гусяковой, «целью употребления сленга является упрощение общения в определенной устойчивой группе людей» [1, с. 136].

Интересен вопрос происхождения самого термина *сленг*. Согласно первому варианту объяснения, рассматриваемый термин образовался из английского глагола *slang*

(бросать). Вторая версия гласит: слово *slang* обязано своим происхождением *thieves language* 'язык воров, воровской язык' (см. подробнее: [4]).

Таким образом, все лингвисты сходятся во мнении, что сленг является средством общения ограниченной группы коммуникантов. Однако в понимании природы сленга у ученых есть и расхождения. Некоторые лингвисты считают сленг особым пластом лексики, другие – подсистемой жаргона. Ключевым различительным признаком между сленгом и жаргоном выступает степень его использования.

Сленг, как показывает обзор публикаций, становится значимой исследовательской темой в лингвистике. Незнание молодежного сленга препятствует пониманию и способствует увеличению дистанции между представителями молодого и старшего поколения. Однако, возвращаясь к вопросу об экологии языка, стоит отметить, что до тех пор, пока сленг используют как упрощенную форму для непринужденного общения внутри группы «своих», он не несет деструктивного загрязнения. Например, если в каком-либо произведении художественной литературы сленгизмы в языке героев эстетически обусловлены сюжетом, то они не вызывают никакого опасения с точки зрения засорения или уничтожения общепринятой языковой нормы. Хотя, с другой стороны, как уже было нами отмечено ранее, активное употребление сленга и его выход в более широкое медийное пространство, потеря темпоральности и узкой сферы употребления делает невозможным запрет или полное избавление от данного явления. В связи с этим перед лингвистами стоят задачи по поиску механизмов / инструментов регулирования необратимых процессов проникновения иноязычных заимствований.

В нашей статье мы намерены проанализировать основные причины растущей популярности англицизмов в молодежном сленге, обратить внимание на типологизацию заимствований, определить сферы наиболее продуктивных англицизмов, обладающих наибольшей *реципиентной активностью* (термин наш – В. Б.) среди говорящих, оценить деривационный потенциал англицизмов.

Будучи весьма подвижным и выразительным, сленг непрерывно развивается и пополняется, в том числе за счет иностранных слов, преимущественно англицизмов.

Англицизмы представляют собой слова / фразы из исходного языка – английского с различной степенью интеграции в принимающем языке. Данные слова / фразы отражают орфографическую, грамматическую, семантическую или прагматическую нормы исходного языка. Активное использование англицизмов в речи стало модным направлением, которое обусловлено социально-психологическими особенностями и стереотипными убеждениями, сформированными у молодежи. В качестве примера приведем некоторые англицизмы, активно употребляемые российской молодежью в бытовом дискурсе: *ok, VIP, пати, риал, рили, бейби, бой-френд, БЕФЕФЕ (best friend forever, лучший друг навсегда), го, изи*.

Поскольку в наших школах и вузах в качестве иностранного языка изучается преимущественно английский язык, в России увеличивается количество молодых людей, им владеющих. Сленг – это своего рода пароль для всех членов референтной группы, один из способов приобщения к группе «избранных/своих».

Далее отметим, что интенсивное включение заимствований в русский язык происходит в рамках интердискурсивного общения. Активное увлечение молодежи компьютерными технологиями и системами, не имеющими языковых аналогов в родном языке, способствует их активному внедрению в речь молодежи (*юзер, логин, пассворд, принт, файл*). Ввиду технологического развития и увеличения объема информации, получаемой из сети Интернет, пользователи стали употреблять все больше англицизмов в своей речи (*чат, коннект, контент, паблик*).

Современная киноиндустрия и музыкальная, или как ее называют в современном обществе, «клубная» культура, также имеют большой потенциал с точки зрения влияния на языковую личность молодого человека. В речь молодежи прочно вошли та-

кие англицизмы, как *поп-музыка, плэйлист, релиз, чарт, топ-чарт, римейк, шоу-бизнес, экип, фэшн*. Помимо прочего, несмотря на снижающуюся популярность телевидения среди молодежи, все же не стоит недооценивать его роль для этого страта социума (ср.: *ток-шоу, имиджмейкер, локдаун, челлендж, хайп*). Более того, суггестивной силой обладает избыливающая англицизмами речь медийных личностей, которую так активно и охотно копирует молодежь.

Пропагандируемая в мире культура «красивого» тела, популяризация спорта среди молодежи и развитие бьюти-индустрии (сферы красоты) также обуславливает активное использование таких слов в сленге молодежи, как *фитнес, бодибилдинг, серфинг, стретчинг, шейпинг, картинг, лайнер, хайлайтер, глиттер, хан* и пр.

В рамках нашего исследования был проведен эксперимент. Мы проанализировали передачи нескольких федеральных каналов в разное эфирное время. Хотя в данный эксперимент не были включены новостные и аналитические программы крупных федеральных каналов, тем не менее все просмотренные передачи представляли развлекательный или информационный контент, не имели возрастного ограничения, были адресованы широкому кругу зрителей – освещали темы, интересные разным возрастным и социальным группам. В результате было выявлено, что за 7-10 минутное выступление на экране ведущие в среднем произносили 15-20 англицизмов молодежного сленга (например, *краш, коллаборация, партисипант, инспирирован, пропушировать* и т.д.). Это в очередной раз подтверждает факт выхода молодежного сленга в сферу общеязыковой коммуникации и оказывает влияние на язык в целом и, возможно, этот процесс, как указывают ученые, вызывает тревогу и нуждается в механизмах регулирования.

В ходе исследования мы выявили, что англицизмы, широко употребляемые в молодежном сленге, выходят в сферу медийного дискурса и, хотя просмотренные передачи не имели возрастной направленности и шли в рейтинговое время, избыток англицизмов может вызывать непонимание.

На втором этапе эксперимента были выбраны наиболее часто встречающиеся англицизмы и проведен опрос среди студентов Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Результатом проведенного опроса стали следующие данные: студенты отметили, что могут определить значение 40–70% предложенных слов, средний показатель составил 57,3% слов, однако практически все студенты пояснили, что значение части слов они могут определить только благодаря тому, что говорят на одном или нескольких иностранных языках. Таким образом, можно предположить, что широкое включение большого количества иноязычных заимствований в молодежный сленг, а через него и в язык в целом, неэкологично, мешает пониманию.

Следуя идее лингвосомиотического подхода (В. Вильс, У. Эко, М. Ю. Лотман), рассмотрим структуру данного явления. Пополнение сленга за счет англоязычных заимствований в большей степени происходит путем прямого заимствования (транслитерации) лексики из английского языка. В случае такого способа заимствования слова переходят в язык-реципиент практически без модификаций (на фонетическом, словообразовательном или семантическом уровнях). Чаще всего мы здесь наблюдаем явление транслитерации, т.е. простой побуквенной передачи слова из языка оригинала в язык реципиента, однако в некоторых случаях в принимающем языке чаще сохраняются собственные морфологические форманты вместо несвойственных ему формантов языка оригинала. Например, множественное число передается привычным для русского языка способом (*лайк – лайки, стрим – стримы*), без сохранения буквы *s*- при транслитерации с английского (*like – likes, stream – streams*). Таким образом, попадая в принимающий язык, слово обретает грамматические категории, свойственные этому языку, например, в русском языке существительные приобретают категорию рода, не свойственную английскому языку.

Представим основные группы заимствований в виде таблиц.

Прямое заимствование путем побуквенного написания.	ОПЕК (англ. OPEC), лазер (англ. laser), форкаст – прогноз (англ. forecast), пиар (англ. PR), лид – курс, направление (англ. lead), сайт (англ. site), никнейм – прозвище (англ. nickname), пранк – шалость, проделка (англ. prank), аджанда – повестка дня (англ. agenda), челендж – испытание (англ. challenge), кешбэк – возврат наличных денег (англ. cashback), бан – запрет (англ. ban), томбой – пацанка (англ. Tomboy), рандом – случайность (англ. random), трэш – мусор или что-то неприятное, отталкивающее (англ. trash), стэн – фанат, помешавшийся на свой своем кумире (англ. stan), скилл – навык (англ. skill), вайб – настроение, особенная атмосфера (англ. vibe), контент – содержание (англ. content), стрим – потоковое вещание (англ. stream), линк – ссылка (англ. link), сиквел – продолжение книги/фильма/игры (англ. sequel), дедлайн – конечный/предельный срок (англ. deadline), мерч – официальная продукция с символикой (англ. merch).
Аутентичные названия компьютерных программ, мобильных приложений, не имеющих аналогового названия в языке-реципиенте.	VPN, Play market, Apple Store, Whats App, Google, Windows, Discord, Instagram, браузер (англ. browser).
Названия в сфере красоты и здоровья.	Консилер – корректор (англ. concealer), праймер – основа под макияж (англ. primer), глиттер – мелкие блески (англ. glitter), скраб (англ. scrub), бафф – пилочка для ногтей в виде бруска (англ. buff), пилинг – отшелушивание верхнего ороговевшего слоя кожи . (англ. peeling), бьюти-блендер – специальный спонж для равномерного нанесения тональных средств (англ. beauty-blender), хайлайтер – подсвечивать/выделять (англ. highlighter), патч (для глаз) – небольшая маска в виде полоски для кожи под глазами (англ. patch), тинт – тон/оттенок (англ. tint), плампер – приспособление для визуального увеличения губ (англ. plump), кушон – компактные двухуровневые упаковки, вроде пудреницы с подушечкой (англ. cushion), роллер – ролик с валиком для омоложения и подтяжки кожи (англ. roller).
Англицизмы-существительные на -ер, -ор.	Шопер (англ. shopper), абыюзер (англ. abuser), лузер – неудачник (англ. loser), влогер – чел., который профессионально снимает, редактирует и размещает оригинальные видеоматериалы в Интернете (англ. vlogger), бэнгер – текст или мелодия песни, заедающая в голове (англ. bang), хейтер – ненавистник (англ. hater), инфлюенсер – значимая для общества фигура (англ. influence), импостер – самозванец (англ. impostor).
Наличие -тап (-мен) в составе сложных слов.	Фрешмен – новичок (англ. freshman), шоумен (англ. showman), производные с -мен, например, мениш – девушка с преимущественно мужскими чертами лица или фигуры.
Англицизмы с герундиальной формой на -инг. (Заметим: носители русского языка отчетливо производят <u>инг</u> , что соответствует правилам языка).	Бинжвотчинг – просмотр сериала или фильма без остановки в течение продолжительного времени (англ. binge watching), краудфандинг – проект, финансируемый добровольцами (англ. crowdfunding), рекрутинг – поиск и найм сотрудников (англ. recruiting), анбоксинг – распаковка (англ. unboxing), менспрейдинг – привычка широко раскидывать ноги (особенно в публичных местах) (англ. manspreading), колливинг – формат совместного проживания для людей с общими намерениями (англ. co-living), клининг – услуги по уборке (англ. cleaning), шиллинг – инструмент продвижения в мессенджерах (англ. shill), тайминг (англ. timing), планнинг (англ. planning), буллинг – травля (англ. bullying), бодишейминг – критика внешности (англ. body shaming).

Англицизмы существительные на -мент.	<i>Истеблишмент</i> – политическая элита (англ. establishment), <i>инфотейнмент</i> – способ подачи теле- или радиовещательного материала, который нацелен как на развлечение, так и на информирование аудитории (англ. information, entertainment), <i>инфосмент</i> – принуждение (англ. enforcement), <i>эндаумент</i> – целевой благотворительный фонд (англ. endowment), <i>херассмент</i> – нежелательное или неприемлемое сексуальное внимание, вызывающее страдание у жертвы (англ. harassment).
Сложные слова.	<i>Факап</i> – провал (англ. fuck up), <i>солд-аут</i> – анилаг (англ. sold out), <i>джанк фуд</i> – высококалорийная еда, <i>прайс лист</i> – ценник (англ. price-list), <i>дед инсайд</i> – депрессивный человек (англ. dead inside), <i>румтур</i> – видео, в котором человек показывает свое жилище (англ. room tour), <i>ту мач</i> – слишком много (англ. too much), <i>пикапнуть</i> – знакомиться для продолжения отношений (англ. pick up).

Помимо процесса транслитерации, заимствования осуществляются в виде воплощения звукового образа слова на письме с помощью кириллического письма, в результате чего происходит фиксация фонетической формы иноязычного слова.

Таблица 2

Транскрибирование англицизмов	<i>Фейспалм</i> – лицо, прикрытое рукой, в качестве реакции на глупость (англ. facerpm), <i>рили</i> (англ. really), <i>hoodie</i> – худи, <i>фича</i> – особенность (англ. feature), <i>punch</i> – удачное высказывание.
Заимствованные слова, образованные по существующим в языке образцам и моделям	<i>Байтить</i> – провоцировать (от англ. bite), <i>банить</i> – запрещать (от англ. ban), <i>донатить</i> – направлять деньги в поддержку к-либo (от англ. donate), <i>ивейтить</i> – уклоняться (от англ. evade), <i>пропушировать</i> – продвинуть/ протолкнуть (англ. push), <i>ливнуть</i> – уйти (от англ. leave), <i>по фасту</i> – быстро (англ. fast), <i>тишка</i> – футболка англ. T-shirt), <i>тильта-нуть</i> – выйти из себя (англ. tilt).
Каламбур. (Англицизмы нередко обыгрываются на основе фонетического сходства слов в английском и русском языках. В результате в высказываниях появляется ироничный оттенок, но с сохранением основного значения).	<i>Изи катка</i> – что-то легкое/ нетрудное (англ. easy, катка – на языке геймеров катать – играть, легкая игра), <i>репост-нуться</i> (англ. repost), <i>завируситься</i> (англ. virus), <i>чатиться</i> (англ. chat), <i>хайпить</i> (англ. hype), <i>сорян</i> (англ. sorry), <i>овердофига</i> – очень много (англ. over – сверх).

Попадая в русский язык, заимствованные слова адаптируются в нем, обретают грамматические характеристики, свойственные русскому языку, и модифицируются в нем. Мы солидарны с суждением Е. А. Рубцовой, полагающей, что «заимствованные англицизмы входят в систему рода, числа и склонения, хотя этот процесс не всегда является правильно оформленным с помощью разных графических средств, принятых в русском языке (дефиса, апострофа, прописных и строчных букв) или их комбинаций» [2].

Помимо данных фактов, мы можем говорить о деривационном потенциале заимствований. Так, например, получившее популярность использование герундиальной формы (не имеющей аналога в русском языке) для обозначения некого процесса (*шо-*

тинг, бейкинг, банкинг, эквайринг и др.) свидетельствует о появлении укрепившейся в языке новой деривационной модели.

В то же время процесс освоения иноязычных заимствований в любом дискурсе соответствует общим закономерностям. Причем следует отметить, что сленгизмы приспосабливаются к грамматической, словообразовательной и синтаксической системе проще и быстрее, нежели слова общелитературного языка. Дискурсивный характер сленга, его мобильность определяет тот факт, что слова ограничиваются начальными и промежуточными этапами языковой адаптации, сменяясь новыми единицами.

Таким образом, в нашей статье дан обзор современных научных представлений о молодежном сленге и проанализирована его специфика. Нами проведена типологизация заимствований, определены основные дискурсы, обладающие наибольшей реципиентной способностью и степенью влияния на молодежную культуру, что позволяет лучше понять и оценить роль и значение молодежного сленга в современном обществе.

Вне всяких сомнений молодежный сленг подвержен большому влиянию английского языка, что и объясняет постоянное проникновение англицизмов в речь молодежи. Использование заимствований по сравнению с соответствующими единицами родного языка объясняется социально-психологическими причинами (престижность иностранного языка, мода и др.). Доминирование антропоцентрической тематики среди англоязычных заимствований логично в связи с общекультурной антропоцентрической направленностью культуры постмодернизма.

Не подлежит сомнению тот факт, что лексика является самым подвижным пластом. Наблюдения за языком убедительно доказывают, что процессы устаревания слов, возникновение неологизмов, появление отдельных вокабуляров, свойственных социальным / возрастным группам (сленг, арг, регионализмы), являются постоянными процессами и запретить их невозможно.

Список литературы

1. Гусякова А. В. Особенности современного американского сленга: дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2008.
2. Рубцова Е. А. Молодежный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-protivorechivoe-yavlenie-v-sovremennoy-lingvistike/viewer> (дата обращения: 5.04.24).
3. Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1971.
4. Spears R. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang a. metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, a. related matters. Middle Village, N.Y.: Jonathan David Publishers, 1981.

* * *

1. Guslyakova A. V. Osobennosti sovremennogo amerikanskogo slenga: dis. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. ped. gos. un-t, 2008.
2. Rubczova E. A. Molodezhny`j sleng kak protivorechivoe yavlenie v sovremennoj lingvistike // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-protivorechivoe-yavlenie-v-sovremennoy-lingvistike/viewer> (data obrashheniya: 5.04.24).
3. Xomyakov V. A. Vvedenie v izuchenie sle`nga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechiya. Vologda: Vologodskij gos. ped. in-t, 1971.

***The foreign borrowings in the Russian youth slang and their role
in the formation of new linguistic reality***

The peculiarities of the influence of the English language on the Russian youth slang are analyzed. There are considered the social and psychological principles of actualization of the English loan words in the Russian youth slang. There are defined thematic spheres of youth slang, where the English loan words are frequently used.

Key words: *youth slang, borrowings, English loan words, transliteration, transcription, language game.*

(Статья поступила в редакцию 28.04.2024).

В. П. МОСКВИН
Волгоград

ВОПРОС О ТИПАХ И ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕЧЕВОГО РИТМА
(фрагмент исторической поэтики)

Представлены описание и классификация основных типов ритма, дан критический анализ существующих теорий происхождения речевого ритма.

Ключевые слова: поэтика, риторика, ритм, период, колон, стих, стопа.

Признаком *ритмизованной*, т.е. *мерной* речи любого типа является членение речевого потока на соизмеримые отрезки, меры [греч. *μέτρον* ‘мера, ритм’]. С этой точки зрения ритм любого типа может быть определен, вслед за немецким филологом Р. Вестфалем (1826–1892), как упорядоченное членение определенной осязаемой длительности на краткие отрезки: «Ist eine unserem Sinne wahrnehmbare Bewegung eine derartige, dass die Zeit, welche von derselben ausgefüllt wird, nach irgend einer bestimmten erkennbaren Ordnung sich in einzelne kleinere Abschnette zerlegt, so nennen wir das Rhythmus» [30, с. 3].

В различных языках применяется три типа ритмовки: колометрическая, стопная и силлабическая. Рассмотрим их в указанной нами последовательности.

Колометрический ритм возникает в результате членения речи на соразмерные, т.е. более или менее симметричные или близкие по слоговому объему отрезки; чем более симметричны или равны такие отрезки по слоговому объему, тем отчетливее становится ритм. Фраза или ее часть в ряду соизмеримых единиц как источник колометрического ритма именуется *колоном* [греч. *κῶλον* ‘половина двойного забега на стадиуме’]; фраза, подразделенная на соизмеримые части (колоны), – *периодом* [греч. *περίοδος* ‘двойной забег, т.е. забег по кругу на стадиуме’]. Р. Ланхэм сравнивает период с «правильно устроенным парком при дворце в стиле барокко, где все части симметричны, а дорожки параллельны друг другу» [23, с. 49]. Известны, однако, и так называемые *свободные колоны* (ελευθέρα κῶλα), т.е. неравные по длине, диспропорциональные по числу слогов, «асимметричные» [18, с. 340], создающие рваный ритм, что соответствует речи искренней, взволнованной. Вкрапление краткого отрезка после ряда длинных ведет к сбою ритма, акцентируя смысл данного отрезка или маркируя концовку текста:

Любовь в златых мечтах мне счастье сулила:

Но что ж досталось мне в сих радостных местах? –

Могила!

(К. Батюшков. Надпись на гробе пастушки)

Структурный минимум периода образуют два колона. Поскольку в античной риторике колон рассматривался как прозаический аналог стиха, а период – как аналог четверостишия, теоретики полагали, что структурный максимум периода должны составлять четыре колона. Приведем мнение автора анонимного трактата «Стихи о фигурах красноречия»: «*Περίοδος. Circuitus, peri quam dicunt odos, orta duobus Membris, ut praedicta, venit tetracolon adusque: Nam si plura itidem iungas, oratio fiet*» [16, с. 63–64]. (*Том*

оборот, что *пери* греки *одом* назвали, чаще два Колона, кои описаны выше, и даже четыре включает; Меры сией превышение редко, однако, встречаем). Выражение «*peri quam dicunt odos*» означает ‘период’ (*periodos*). Здесь использована *диакона*, в данном случае как прием: а) подчеркивания внутренней формы термина *περίοδος* (греч. *περί* ‘вокруг’, *ὁδός* ‘путь’); б) метрической вольности.

Цицерон, рассматривая период, пишет: «Полный период, как известно, состоит приблизительно из четырех частей» [10, с. 379]. Речь, организованная в колоны и периоды, именуют *периодической*. По длине колоны подразделяются на три разряда: а) краткий (1–6 слогов), так называемый *комма*: *Мир!* | *Труд!* | *Май!* (Лозунг); б) средний (7–11 слогов) – *семиколон*: *Наш лозунг краткий: | ни одного голодного, | ни одного бездомного, | ни одного безработного!* (В. Жириновский. Выступление на митинге, 23.02.2012); в) длинный (*colon oblongum*): 12–17 слогов и даже более – для тех, кто способен произвести длинный колон без физиологических пауз, паразитарных по отношению к авторскому замыслу.

Краткие колоны ускоряют темп речи, длинные же не только замедляют темп, но и усложняют восприятие речи.

Противопоставлены колоны и стилистически. Правило античной риторики гласит: «Речь о предметах величественных требует удлинения колонов»: так, «гекзаметр по своей длине приличествует героической песне и <повествованию> о героях». И наоборот: «Краткие колоны к предметам мелким применимы» [17, с. 7].

Если *мерность* речи представляет собой результат ее членения, то логично полагать, что такое членение не может быть меньшим, чем на две части, две *меры*. Следовательно, *количественный минимум* ритмизации любого типа образуют две единицы (две меры), например, две стопы или же, если говорить о ритме колометрическом, два колона.

Между тем Аристотель подразделяет периоды на неодночленные и одночленные – *моноколоны* (греч. *μονόκωλος* ‘одночленный’): «*περίοδος δὲ, ἢ μὲν ἐν κώλοις: ἢ δ’ ἀφελής. <...> ἀφελὴ δὲ λέγω τὴν μονόκωλον*» [14, с. 180–181]. (*Период же бывает либо из колонов <состоящий>, либо простой. <...> Простым я называю моноколон*). Однако понятие моноколona как источника ритма традиционно вызывает скептическое отношение. Такова, в частности, оценка, принадлежащая Аквиле Романусу (III в. н. э.): «*Constat autem ambitus ex duobus membris, ex tribus membris, ex quattuor, interdum et sex, etsi nonnulli ex uno membro ambitum putant posse compleri, quam μονόκωλον περίοδον appellant. Ego autem non video, quem ad modum periodos cognominetur et non potius colon, si unum sit*» [13, с. 28]. (*Состоит же период из двух колонов, из трех колонов, из четырех, иногда из шести; между тем многие полагают, что период может состоять и из одного колона; такой период именуют моноколоном. Но я эту единицу не могу назвать периодом, ибо колон, если он один, не в силах период составить*). Дионисий Галикарнасский также полагал, что моноколон (или, в его терминологии, «*περίοδος ἀκώλυστος*» ‘нечленимый период’) неэффективен: «*οὐκ ἂν ὑπομείνειεν ἐργάσασθαι*», букв. ‘не выдерживает работы’ [18, с. 340]. Приведем мнение современной исследовательницы: «*The single-colon period is a historical curiosity preserved only by its recognition in Aristotle*» [21, с. 38]. (*Одночленный период является историческим экспонатом, сохраняемым только благодаря признанию его Аристотелем*). Один моноколон действительно не может создать период как ритмическую единицу; вместе с тем ряд взаимодействующих моноколонов, на наш взгляд, вполне способен стать полноценным источником колометрического ритма.

Ср.: *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!* (В. М. Молотов. Выступление по радио, 22 июня 1941 г.).

Эти слова, ставшие крылатыми, составили ритмически организованную концовку данной речи. Еще Квинтилиан указывал на позиционные интенции периода: «*Periodos*

apta proomiis < ... >. Multum et in epilogis pollet» [26, с. 145]. (Период подходит вступление < ... >. И эпилог очень укрепляет).

Возможность следующих графических трансформов подтверждает тот факт, что ряд моноколонов не только изоморфен периоду, но и воспринимается на слух как период: **«Наше дело правое – враг будет разбит, победа будет за нами»**. Очевидно же! (В. Ф. Тендряков. Донна Анна); **Передайте слова из Москвы: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»** (П. И. Федоров. В августовских лесах). С этой точки зрения моноколон целесообразно рассматривать как функциональный коррелят колона, а не периода.

Назовем ряд взаимодействующих соизмеримых по слоговому объему колонов и/или моноколонов *ритмической парадигмой*.

Термин *парадигма* мы используем в риторическом (греч. *παράδειγμα* ‘пример, образец’), а не общенаучном (например: *парадигма склонения*) смысле. Соединение колонов (в частности, стихов) в речевой цепи принадлежит синтагматике, а не парадигматике.

В обозначенной нами таксономической перспективе *период*, т.е. фразу, подразделенную на силлабически соизмеримые части, следует считать видом *ритмической парадигмы*. Границы между колонами, составляющими ритмическую парадигму, возникают в результате применения особых сигналов; такие пограничные сигналы именуют *разделительными*. В их роли выступают средства двух разрядов:

1) *Фонетические*: а) терминальная пауза (англ. *terminal pause*). Этот термин, используемый в англо-американской стиховедческой литературе, мы применяем в значении ‘пауза, маркирующая концовку колона’; б) претерминальное удлинение: *Жили-были дедушка да б[а:]бушка. | Была у них внучка М[а:]шенька. | Собрались раз подружки в лес по грибы да по [ја:]годы. | Пришли звать с собой и М[а:]шеньку* (Сказка «Маша и медведь» в исполнении Т. И. Пельтцер); в) рифма: *Не тычь носа в чужое просо* (Пословица);

2) *Графические*: а) пунктуационные: *Я никогда не видел моря, | но это не значит, | что его нет; | я никогда не видел Питера, | но это не значит, | что его нет; | я никогда не видел Бога, | но это не значит, | что Его нет; | я никогда не видел цурипопиков, | но это не значит, | что их нет; | я никогда не видел того, | чего нет, | но это не значит, | что его нет...* (А. Лопухин. Я никогда не видел моря...); б) запись текста по отдельным колонам-строчкам (στίχοι). Принцип такой записи был открыт, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, александрийским филологом Аристофаном Византийским (257–180 г. до н. э.): «Κῶλα δὲ με δέξαι νυνὶ λέγειν, οὐχ οἷς Ἀριστοφάνης ἢ τῶν ἄλλων τις μετρικῶν διεκόμισε τὰς ῥοὰς» [18, с. 312]. (*Аристофан же сделал ясными стихотворные колоны, метрически отделив их друг от друга, что используется и доныне*).

Запись текста по отдельным колонам-строчкам назовем *колометрической*. Изобретение колометрической записи (т.е. записи в столбик) оценивается как значимое событие; причина видится в том, что в отличие от грамматической паузы, вводимой знаками пунктуации, терминальную паузу, вводимую посредством колометрической записи, физически невозможно игнорировать в силу того, что такая запись: 1) разделяет колоны дистанцией перемещения взгляда от правого края записанной в столбик ритмической парадигмы к левому, т.е. дистанцией, равной длине колона; 2) придает каждому колону статус автономии в графическом пространстве текста. В результате терминальная пауза становится *облигаторной*. Облигаторную терминальную паузу, а значит, и позиционно соответствующую ей в письменной форме речи колометрическую запись текста следует рассматривать как *конструктивный минимум, достаточный для производства стихотворной речи*.

Проанализируем в этой связи понятие стиха. Если, в соответствии с давней традицией (Деметрий Фалерский, Иоанн Сикелиот и др.), полагать, что стих является видом колона, а стиховое членение речи – видом колометрического членения, то условие

обозримости колона должно относиться и к стиху. Отсюда: а) типовая характеристика стиха как относительно краткой единицы; б) заметная ширина маргинальных пробелов (лат. *margo*, род. ед. *marginis* 'поле страницы'), обособляющих стих в письменной речи.

Определим *стих* как колон, в устной форме речи отделенный в составе ритмической парадигмы от соседних колонов облигаторной терминальной паузой, которая в письменной речи зафиксирована посредством колометрической записи.

Графическая сегментированность (как результат колометрической записи) считается важнейшей приметой стихотворной речи.

Вместе с тем роль колометрической записи по отношению к ритму не следует преувеличивать: если ритм первичен, то колометрическая запись, его фиксирующая, вторична. С одной стороны, графическая сегментация и отцентровка действительно способны задать визуальное восприятие текста как стихотворения и тем самым включить механизмы его стихотворного исполнения. С другой стороны, необходимо учесть, что: а) стихотворная речь возникла задолго до появления письменной; б) она существует в двух формах: письменной и устной, причем вторая для нее не менее значима; в) графическая сегментация является, подобно нотной записи музыки, не более чем приемом фиксации колонритма в письменной форме речи. В связи с этим следует полагать, что ритм существует независимо от графической фиксации, графическое же обособление стихов позиционно подчинено расстановке облигаторных терминальных пауз в устной речи, т.е. вторично по отношению к ним.

К разряду графических средств оформления стиха принадлежит и прописная буква (маюскул, *littera notabilior*), маркирующая начало стиха. В античных текстах этот прием стихомаркировки отсутствует, капитализация инициальных графем возникает в них лишь в переводах Нового времени. В поэзии эпохи Средневековья и Возрождения инициальная графема стиха иногда была: а) увеличена (как нечто среднее между маюскулом и минускулом), в частности капитализирована; б) подкрашена красным или синим цветом; в) отделена пробелом (этот прием применялся вплоть до XV в.).

Ср.: *Stant pauidae in muris matres oculisque sequuntur*
Pulueream nubem et fulgentis aere cateruas [19, с. 68].

В русском переводе С. А. Ошерова данный фрагмент поэмы Вергилия «Энеида» выглядит следующим образом:

Матери, встав на стенах, провожают взором тревожным
Облако пыли и в нем горящие медью отряды.

Маюскульный стиль в оформлении стиховых инициалей восходит к VIII в.; этот стиль, введенный британским просветителем эпохи Каролингского возрождения Алкуином (ок. 735–804), первоначально применялся к библейским псалмам, и уже как прием возвышения стиля был заимствован поэзией: в IX в. так были оформлены, например, тексты Вергилия. Впрочем, данный прием стихомаркировки применялся в это время спорадически и канонизирован был гораздо позже. Многие поэты XX–XXI вв. (В. Маяковский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, В. Тушнова, М. Агашина, Ю. Левитанский, М. Луконин, Т. Собакин, Л. Филатов и др.), добиваясь более естественного зрительного восприятия фразы, капитализацию как прием стихомаркировки не применяют.

Стопный ритм основан на более или менее симметричном чередовании ударных и безударных слогов. При симметричном их чередовании (т.е. при *изотонии*) расстановка ударений происходит через равные слоговые интервалы: а) через 1 начиная с 1-го (хорей) или 2-го (ямб); б) через каждые 2 начиная с 1-го (дактиль), 2-го (амфибрахий) или 3-го (анapest). По *длине* метры подразделяются на два типа: а) краткие (ямб и хорей), придающие речи ускоренный темп; б) длинные (дактиль, амфибрахий и анапест), замедляющие темп. Первые снижают стиль, вторые возвышают: так, ямб характерен для басни, дактиль же составляет основу гекзаметра, или героического стиха.

Стопная ритмовка характерна для языков с подвижным ударением, в которых возможны все пять метрических типов (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий и анапест). В языках же с фиксированным ударением допустимы лишь два из этих пяти типов: так, во французском языке, где ударение приходится на последний слог, невозможны хорей, дактиль и амфибрахий; в венгерском, где ударным может быть лишь первый слог, нет ни ямба, ни анапеста, ни амфибрахия; в польском, в словах которого всегда ударен предпоследний слог, исключены ямб, дактиль и анапест. Обобщим наши наблюдения в таблице

Языки		Краткие метры		Долгие метры		
		Хорей	Ямб	Дак- тиль	Амфибра- хий	Анапест
С подвижным ударением	Русский	+	+	+	+	+
	Английский	+	+	+	+	+
	Немецкий	+	+	+	+	+
С фиксированным ударением	Французский	–	+	–	–	+
	Венгерский	+	–	+	–	–
	Польский	+	–	–	+	–

Силлабический ритм, возникающий в результате подравнивания колонов по количеству слогов, используется в языках с дефектной стопной парадигмой. Приведем мнение А. Х. Востокова: «Силлабическое стихосложение есть изобретение поздних времен и выдуманно по нужде для тех языков, коих прозодия ограничена неизменяемостью ударений на одном котором-нибудь слоге; так, например, в польском всегда на предпоследнем, а во французском на последнем слоге ударение. Сия ограниченность не позволяет им размерять стихи свои по стопам» [3, с. 65–67].

Происхождение ритма

Любой тип ритма может быть: а) случайным; б) эстетически мотивированным. Существует ряд теорий, поясняющих происхождение последнего.

1. *Социологические* теории. Так, в соответствии с концепцией немецкого экономиста К. Бюхера (1847–1930), генезис речевого ритма связан с имитацией «звукового ритма работ». По мнению ученого, ямб и хорей представляют собой «размеры топтания: ударов ног, из которых одна надавливает сильнее, другая слабее; спондей – ритм удара, его можно легко услышать там, где два работника ударяют попеременно; дактиль и анапест – метры удара молотом; это можно наблюдать и теперь во всякой кузнице, когда кузнец ударяет по раскаленному железу, а потом или перед этим ударяет два раза по наковальне. Кузнец называет это “заставить петь молот”. Наконец, три пеонические стопы можно услышать на всяком току или улице, где три работника трамбовками в такт ударяют по мостовой. В зависимости от сил каждого работника и от вышины поднятия железной трамбовки звучит то кретик, то бакхий, то антибакхий». Ученый полагает, что «на низших ступенях своего развития работа, музыка и поэзия представляли нечто единое, но основным элементом этого триединства была работа» [2, с. 264, 267]. Комментируя и развивая данную концепцию, Г. В. Плеханов отмечает: «Способность человека замечать ритм и наслаждаться им ведет к тому, что первобытный производитель охотно подчиняется в процессе своего труда известному такту и сопровождает свои произво-

дательные телодвижения размеренными звуками голоса или кадансированным звоном различных привесок. Но от чего же зависит такт, которому подчиняется первобытный производитель? Почему в его производительных телодвижениях соблюдается именно эта, а не другая мера? Это зависит от технологического характера данного производственного процесса, от техники данного производства. У первобытных племен каждый род труда имеет свою песню, напев которой всегда очень точно приспособлен к ритму свойственных этому роду труда производительных движений» [5, с. 26–27].

2. *Натуралистические теории.* Такова, в частности, концепция американского поэта, критика и стиховеда Л. Унтермейера (1885–1977): «Even when we do not recognize them, we are surrounded by rhythms; we cannot escape them; it may be said that the entire universe is founded on rhythm. Every planet has its own regular rhythm <...>, the seasons proceed in firm precision <...>. Night and day, light and darkness, sun and moon, succeed each other at regular intervals. All is recurrence and return; we are swung to the beat of an infinite pendulum» [27, с. 69]. *(Даже если мы и не осознаем этого, мы окружены ритмами; мы нигде не можем скрыться от них; можно сказать, что все мироздание основано на ритмах. Каждая планета имеет свой регулярный ритм, времена года ритмически сменяют друг друга. День и ночь, свет и тьма, солнце и луна приходят на смену друг другу с регулярными интервалами. Все возвращается и повторяется, и мы привязаны к размеренному ходу этого бесконечного маятника).* Сходное наблюдение находим у писателя и стиховеда В. Ф. Огнева: «Восприятие ритма основано на ощущении повторности и непрерывности. Ритм – это контраст. Идут часы: звук – пауза. Шумит море: прилив – отлив. Вращается планета: день сменяет ночь» [4, с. 164, 168; 11, с. 58]. Приведем одну из аналогий А. Белого на эту же тему: «В каждой науке, имеющей тенденцию к точности, посвоему отражается ширящаяся диалектическая спираль, размыкающая всюду (от неба до электрона) неподвижные круги форм, в спиральном расширении метаморфозы; в таблицу Менделеева, в расположение листьев растения, в небесную механику ввинчена та же диалектическая спираль <...>. Принцип метаморфозы называю я принципом ритма» [1, с. 15–16, 19].

3. *Физиологические теории.* Так, существует предположение, согласно которому прототипом «фразировки» (т.е. периодической ритмовки, колонритма) мог стать ритм дыхания («респираторный ритм»), прототипом изотонического – биение пульса («пульсационный ритм»): «Две основные физиологические периодичности – дыхание и пульс – являются прообразами двух типов ритмических структур. Дыхание ближе к эмоциональным истокам ритма и дальше от механической повторяемости, чем пульс, его периоды, разделенные на ясно воспринимаемые фазы вдоха и выдоха и четко отграниченные друг от друга, в норме соответствуют четырем ударам пульса и равны приблизительно 3–4 сек. Для речи дыхание является основой фразировки, создавая паузы и естественную форму мелодической каденции (понижения перед точкой), обусловленную падением тона к концу выдоха. Длительность дыхания определяет среднюю величину основной ритмической единицы речи – колона (его называли также “дыхательной группой”)» [9, с. 19].

Данная гипотеза не нова. Еще в 1875 г. американский ученый О. Холмс опубликовал в медицинском журнале «Boston medical and surgical journal» небольшую статью, в которой выдвинул предположение о том, что наиболее значимыми ритмическими движениями тела являются дыхание и биение сердца. Отсюда два следствия: а) при исполнении стихов их следует подразделять на «дыхательные группы (breath-groups)», каждая из которых соответствует стихотворной строке; б) удары пульса должны соответствовать ударениям в стихе [20, с. 315–321]. В 1907 г. И. Андерсон предположил даже, что поскольку ритм ямба соответствует кардиальному ритму, то именно он первичен, а все остальные метры (хорей, дактиль и др.) производны от него [12, с. 484–485]. В 1941 г. американский фонолог Г. Веллер предпринял попытку экспериментально обо-

сновать предположение о том, что речевой ритм связан с ритмом дыхания и ритмами сердца, и в результате своих изысканий пришел к выводу, что «средняя фраза представляет собой ритмическую единицу в пределах дыхательного ритма» [29, с. 161–171].

Если *пульсационная* гипотеза сомнительна, поскольку между биением пульса и словесным ударением причинно-следственные связи отсутствуют, то респираторная имеет под собой некоторую логическую основу, т.к. дыхание связано с физиологическим ритмом. В соответствии с *экспираторной* гипотезой высказывается предположение, что стих возник в устном исполнении как единица, силлабический объем которой «порция в 7–8 слогов» [7 с. 28, 3, с. 100], приблизительно соответствует времени выдоха. Трактовки эстетического ритма через категорию естественного, в частности физиологического ритма, не учитывают ряд фактов: а) ритм может быть представлен 1-сложными, 2-сложными, 3-сложными коммами, которые никак не соответствуют длительности выдоха; б) ритм, основанный на симметричном чередовании колонов разной длины, представляет собой сложный узор, который едва ли совместим с равномерностью дыхания. Между тем физиологические трактовки постулируют строгую равномерность ритма: «*Ритм* – закономерное повторение соизмеримых и чувственно осязаемых единиц. Например, стук маятника или удары пульса ритмичны: в них мы имеем, во-первых, единицы, т.е. определенные (ограниченные друг от друга какими-либо интервалами, законченные) явления (стук, удар), во-вторых – соизмеримость, однородность этих единиц (удар однокачественен с ударом), в-третьих – повторяемость единиц (ряд их), в-четвертых – упорядоченность, закономерность повторения и наконец, в-пятых – чувственную осязаемость, возможность непосредственного восприятия этих единиц и интервалов между ними. Ритм в широком смысле присущ непосредственно и целому ряду природных явлений (морские волны и т.п.), и человеческому организму (ритмично дыхание, работа сердца, кровообращение и т.д.). В основе ритмической организации человеческой речи лежит тот естественный, первичный ритм, который характеризует деятельность человеческого организма и в частности человеческое дыхание. Поскольку процесс дыхания относительно ритмичен, постольку ритмична в известной мере и человеческая речь: необходимость периодических вдохов и выдохов вызывает соответствующие остановки голоса – паузы, которые разбивают речь на единицы, называемые речевыми тактами» [6, с. 700]. Этот же подход находим и в современной специальной литературе: «Ритмично вращаются планеты вокруг Солнца. Ритмично – как в четверостишии – сменяют друг друга времена года и суток (нельзя, однако, не отметить, что ритм, основанный на периодичности, непосредственно не воспринимаемой органами чувств, – понятие метафорическое и с речевым ритмом, стихотворным или прозаическим, прямо несопоставимое). Ритмично бьется наше сердце, ритмично мы танцуем, бегаем, ходим, работаем, наконец, дышим и, следовательно, говорим. Поскольку ритм нашей речи мы приспособляем к ритму дыхания, и устная, и письменная, и стихотворная, и прозаическая речь – любая – членится на периоды, предложения, синтагмы, которые естественным образом вступают между собой в ритмические отношения. По свидетельству физиологов, оптимальной нормой произнесения на одном вдохе или одном выдохе является порция в 7–8 слогов. К такому членению речевого потока на относительно соизмеримые отрезки-колоны максимально приближается эмфатическая (эмоционально напряженная) речь, например, лирическая и ораторская проза, и, наоборот, наибольшее отклонение от оптимума можно наблюдать в прозе научной. Следовательно, ритм, понятый как закономерная повторяемость подобных речевых элементов на всех уровнях его организации, не является привилегией стиха» [8, с. 24].

4. *Музыкально-соматические* теории [греч. *σῶμα* ‘тело’]. Некоторые исследователи возводят речевой ритм к ритму телесных, в частности танцевальных движений. Так, Д. Аттридж считает, что стихотворный ритм предполагает «участие мышц (*muscular participation*), будь это постукивание пальцем или же движение всего тела в танце»

[15, с. 77]. Попытки найти между этими двумя феноменами смысловые, деривационные и иные отношения (см. подробнее: [22, с. 195–208]) стимулируются этимологией названий таких стопных метров, как хорей [греч. *χορείος* ‘плясовой’ < *χορός* ‘хор, круговой танец’] и ямб [греч. *ῥαμβος*, по имени Ямбы – служанки богини Деметры, веселившей господжу фривольными песнями и плясками]. Младограмматическая концепция происхождения ритма гласит: «Von den musikalischen Kompositionen ist der Rhythmus auf Erzeugnisse übertragen, die nur zum Sprechen und Lesen» [24, с. 904]. (*Из музыкальных композиций ритм был перенесен в сферы говорения и чтения*). Ф. Зиберт, изучив древнегреческий и германский эпос, пришел к выводу о том, что феномен ритма восходит к музыке и танцу и не может быть «порождением языка» [28, с. 242–249]. Этой же точки зрения придерживался английский поэт У. Вордсворт (1770–1850) в дискуссии с С. Кольриджем, утверждавшим обратное [25, с. 45–46].

Рассмотренные гипотезы трудно принять, поскольку: 1) социологические, натуралистические, физиологические и музыкально-соматические теории представляют ритм как некое строго упорядоченное равенство (например, «порций в 7–8 слогов»); между тем такого равенства лишены разностопный стих, верлибр, вольный стих, дольник, логаэд и др.); здесь видится если не поспешное обобщение (*saltus in concludendo*), то паралогизм редукции; 2) пульсационная гипотеза, а также некоторые вульгарно-социологические объяснения стопного ритма, например, возведение ритма пеонов к стучку железных трамбовок, лишены правдоподобия; 3) колометрический и стопный ритмы слишком разнородны, чтобы: а) восходить к одному источнику; б) получить объяснение в рамках одной гипотезы.

5. *Теория речевого происхождения ритма.* Связь ритма с языком исследователями, как правило, решительно отрицается. Так, У. Уимзетт утверждает: «Правила языка не включают правил метра. Метр представляет собой нечто такое, что поэт добавляет к языковым данным» [31, с. 785]. Между тем общеизвестно: а) в прозаической речи постоянно встречаются вкрапления и случайной рифмовки и случайной ритмизации; б) существует корреляция фигур и речевых ошибок Квинтилиана: «Prius fit iisdem generibus quibus vitia. Esset enim orationis schema vitium, si non peteretur sed accideret» [26, с. 133]. (*Их [фигур] столько же видов существует, сколько ошибок. И становится фигура речи ошибкой, если она не преднамеренна, но случайна*). Так, фигуры повтора соотносимы с тавтологическими повторами по признаку мотивированного / немотивированного нарушения требования разнообразия речи; по этому же признаку соотносятся, например: а) стопный метр и случайная стопная ритмовка; б) рифма и случайная рифмовка.

Естественная речь представляется единственным источником эстетического ритма. В соответствии с указанной нами генеративной моделью случайно возникшие удачные силлабические (возможно, первоначально соответствующие дыхательным группам) и акцентные комбинации запоминались и затем, воспроизводясь и таким образом переходя из узуса в систему, ложились в основу первых (элементарных) ритмических схем, усложнявшихся затем уже целенаправленно по мере развития речевой культуры социума. Можно предположить, что исторически изначальной для всех языков является колометрическая ритмовка, затем в дополнение к ней в языках с фиксированным ударением возникает силлабическая, с подвижным – стопная.

Список литературы

1. Белый А. Ритм как диалектика и «Медный Всадник». Исследование. М.: Федерация, 1929.
2. Бюхер К. Работа и ритм. Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение / Пер. с нем. С. С. Заяицкого. М.: Новая Москва, 1923.
3. Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. СПб.: Морская типография, 1817.
4. Огнев В. Ф. Книга про стихи. Заметки, наблюдения, выводы. М.: Советский писатель, 1963.

5. Плеханов Г. В. Письма без адреса. Письмо первое [1899] // Плеханов Г. В. Собр. соч.: В 24 т. Т. 14. Искусство и литература. М.-Л.: Государственное изд-во, 1924. С. 1–35.
6. Тимофеев Л. Ритм // Литературная энциклопедия / Под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9. М.: Коммунист, 1935. С. 700–703.
7. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. В 2-х кн. Кн. 1. М. Флинта: Наука, 2002.
8. Федотов О. И. Основы теории литературы. В 2-х ч. Ч. 2. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
9. Харлап М. Г. О понятиях «метр» и «ритм» // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / Отв. ред. Л. И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 11–29.
10. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994.
11. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. М.: Детская литература, 1970.
12. Anderson J. C. Metre [Read before the Philosophical Institute of Canterbury, 6th November, 1907] // Transactions and Proceedings of the New Zealand Institute. Vol. 40. 1907. P. 466–485.
13. Aquila Romanus. De figuris sententiarum et elocutionis liber // Rhetores latini minores / Ed. C. Halm. Lipsiae, 1863. P. 22–37.
14. Aristoteles. De rhetorica libri tres. Oxonii, 1833.
15. Attridge D. The rhythms of English poetry. London, 1982.
16. Carmen de figures vel schematibus // Rhetores latini minores / Ed C. Halm. Lipsiae, 1863. P. 63–70.
17. Δημήτριος Φαληρέυς. Περί ἐρμηνείας. Glasguae, 1743.
18. Dionysius Halicarnasseus. De compositione verborum / Ed. G. H. Schaefer. Lipsiae, 1808.
19. Dobbs-Allsopp F. W. On Biblical poetry. Oxford, 2015.
20. Holme O. W. Physiology of versification and the harmonies of organic and animal life [1875] // Holmes O. W. Pages from an old volume of life. Boston, 1883. P. 315–321.
21. Innes D. C. Period and colon: theory and example in Demetrius and Longinus // Peripatetic rhetoric after Aristotle / Eds. W. W. Fortenbaugh & D. C. Mirhady. New Brunswick & London, 1994. P. 36–53.
22. Kim M. W. Dance and rhythm. Their meaning in Yeats and Noh // Modern drama. Vol. 15. 1972. P. 195–208.
23. Lanham R. A. Analyzing prose. 2-nd ed. London & New York, 2003.
24. Paul H. Deutsche Metrik // Grundriss der germanischen Philologie / Hrgb. von H. Paul. Bd. II. Abt. 2. Strassburg, 1893. S. 900–906.
25. Parrish St. M. Wordsworth and Coleridge on meter // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 59. 1960. P. 41–49.
26. Quintilianus M. F. Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854.
27. Untermeyer L. Doorways to poetry. New York & Chicago, 1938.
28. Seibert Ph. The rhythmical line // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 18. 1919. № 1. P. 242–249.
29. Weller H. C. Vegetative rhythm determinative of speech patterns // Journal of Speech Disorders. Vol. 6. 1941. P. 161–171.
30. Westphal R. Elemente des musikalischen Rhythmus mit besonderer Rücksicht auf unsere Opern-Musik. Erster Theil. Jena, 1872.
31. Wimsatt W. K. The rule and the norm: Halle and Keyser on Chaucer's meter // College English. Vol. 31. 1970. № 8. P. 774–788.

* * *

1. Bely'j A. Ritm kak dialektika i «Medny'j Vsadnik». Issledovanie. M.: Federaciya, 1929.
2. Byuxer K. Rabota i ritm. Rabochie pesni, ix proisxozhdenie, e'sticheskoe i e'konomicheskoe znachenie / Per. s nem. S. S. Zayaiczko. M.: Novaya Moskva, 1923.
3. Vostokov A. X. Opy't o russkom stixoslozhenii. 2-e izd. SPb.: Morskaya tipografiya, 1817.
4. Ognev V. F. Kniga pro stixi. Zametki, nablyudeniya, vy'vody'. M.: Sovetskij pisatel', 1963.
5. Plexanov G. V. Pis'ma bez adresa. Pis'mo pervoe [1899] // Plexanov G. V. Sobr. soch.: V 24 t. T. 14. Iskusstvo i literatura. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1924. C. 1–35.
6. Timofeev L. Ritm // Literaturnaya e'nciklopediya / Pod red. V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo. Sobr. soch.: V 11 t. T. 9. M.: Kommunist, 1935. S. 700–703.
7. Fedotov O. I. Osnovy' russkogo stixoslozheniya. V 2-x kn. Kn. 1. M. Flinta: Nauka, 2002.
8. Fedotov O. I. Osnovy' teorii literatury'. V 2-x ch. Ch. 2. M.: VLADOS-PRESS, 2003.

9. Xarlap M. G. O ponyatiyax «metr» i «ritm» // Russkoe stixoslozhenie. Tradicii i problemy razvitiya / Otv. red. L. I. Timofeev. M.: Nauka, 1985. S. 11–29.
10. Ciceron M. T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M.: Ladomir, 1994.
11. E'tkind E. G. Razgovor o stixax. M.: Detskaya literatura, 1970.

***The issue of types and origin of speech rhythm
(the fragment of historical poetics)***

The description and classification of basic types of rhythm are presented. There is given the critical analysis of existed theories of origin of speech rhythm.

Key words: *poetics, rhetoric, rhythm, period, colon, poem, foot.*

(Статья поступила в редакцию 01.06.2024).

К. И. ДЕКАТОВА
Волгоград

**ФРАЗЕОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО**

Анализируется проблема взаимодействия в художественном тексте изобразительно-выразительных средств и фразеологизмов. Рассматривается процесс фразеостилистической конвергенции в поэтических текстах В. В. Маяковского, описываются отличительные признаки, структура и разновидности фразеостилистических конвергентов в произведениях поэта.

Ключевые слова: *фразеостилистическая конвергенция, фразеологизмы, тропы, стилистические фигуры, В. В. Маяковский.*

Эффект взаимодействия различных изобразительно-выразительных средств в художественном тексте вызывает интерес исследователей не случайно: наложение экспрессии тропов и стилистических фигур увеличивает силу их эстетического воздействия на читателя, вовлекая его в сложный процесс смыслоформирования произведения. В современной лингвистике сочетание нескольких риторических приемов в ограниченном контексте называют, вслед за М. Риффатером, стилистической конвергенци-

ей [8, с. 89]. Анализ однородных (гомогенных) и неоднородных (гетерогенных) стилистических приемов в художественных и публицистических текстах позволил выявить особенности таких разновидностей стилистической конвергенции, как фонетическая, лексическая, синтаксическая, а также смешанная конвергенция риторических приемов [3; 5; 7; 10 и др.]. К последнему виду стилистической конвергенции относится взаимодействие в ограниченном контексте фразеологических единиц и риторических приемов, которое мы называем *фразеостилистической конвергенцией*.

Роль фразеологизмов, риторических приемов разного типа в формировании образной системы и смысловой структуры художественного текста достаточно хорошо описана в лингвистических исследованиях. Однако совместное функционирование фразеологизмов и тропов, стилистических фигур для выполнения одной стилистической функции не подвергалось всестороннему изучению. Об участии фразеологизмов в стилистической конвергенции упоминается в исследовании Е. А. Плехановой [7]. Наиболее подробное описание взаимодействия устойчивых единиц и тропов содержится в работах Т. Н. Кураш, в которых анализируются структурно-семантические особенности «фразеолого-тропеических комплексов» и их текстообразующие функции, а также описывается «характер представленного в контексте фонового (национально-культурного) компонента, кодируемого как фразеологическим фондом языка, так и арсеналом его изобразительно-выразительных средств» [4, с. 62]. В центре внимания ученого оказались поэтические тексты русских и белорусских поэтов, список которых не случайно вошел глашатай революции В. В. Маяковский. Как подчеркивают исследователи идиостиля поэта, язык его поэтических произведений богат не только изобразительно-выразительными средствами, но и новаторскими приемами: нестандартным отбором слов и словосочетаний, нестандартным словоизменением, словообразованием, словоосмыслением [2, с. 364–365]. Этот перечень можно расширить, дополнив его нестандартным употреблением фразеологических единиц, которые, по мнению исследователей языка поэтических текстов В. В. Маяковского, являются одним из ярких выразительных средств, используемых в произведениях поэта [1; 9]. Нестандартность использования фразеологизмов заключается не только в том, что в текстах поэта устойчивые единицы нередко модифицируются, но и в том, что они вплетаются в сложный комплекс разных риторических приемов, образуя *фразеостилистические конвергенты*.

Анализ фразеостилистических конвергентов (далее – ФК) в поэтических произведениях В. В. Маяковского позволяет разделить их на два типа: ФК, имеющие в своем составе фразеологические единицы, структурно-семантические характеристики которых не подвергаются изменениям, и ФК с модифицированными устойчивыми единицами.

Примером использования В. В. Маяковским первого типа ФК могут послужить строки из поэмы «Люблю» (1922):

Меня

Москва душила в объятьях

кольцом своих бесконечных Садовых.

(В. В. Маяковский «Люблю», Т. 4, с. 89).

Противопоставляя интеллигенцию, способную любить лишь «за сто рубликов», и поглощенного «громадным» чистым чувством любви человека с пустыми карманами, поэт описывает состояние лирического героя, используя сплетение таких выразительных средств, как фразеологизм, участвующий в создании олицетворения *Москва душила в объятьях*, топоним *Садовое кольцо*, подвергшийся трансформации (инверсивное и дистанционное употребление элементов, употребление элемента *Садовое* в форме множественного числа) и эпитет *бесконечных*, разрывающий топоним *Садовое кольцо*. В данном фразеостилистическом конвергенте фразеологизм *душит в объятьях* – ‘очень крепко обнимать’ [12, с. 219] – употреблен без структурно-семантических изменений.

Использование устойчивых единиц в словарном виде в поэтических произведениях В. В. Маяковского скорее исключение, нежели правило. В подавляющем большинстве ФК, содержащихся в текстах поэта, фразеологизмы изменяются, подвергаясь либо семантическим, либо структурно-семантическим модификациям. Так, в произведении «Мое к этому отношение» в состав ФК входит семантически модифицированная фразеологическая единица:

*Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затеяла трупна малороссов.*

(В. В. Маяковский «Мое к этому отношение», Т. 1, с. 99).

Четыре строки, характеризующие улыбку, формируют ФК, в состав которого входит метафора *растет улыбка*, эпитеты *жирна*, *нагла*, находящиеся в постпозиции относительно определяемого слова *улыбка*, сравнение *будто у него на роже спектакль-гала затеяла трупна малороссов* и фразеологизм *рот до ушей* – ‘о широкой улыбке, жизнерадостном смехе’ [12, с. 577]. Устойчивая единица употребляется в словарной форме, однако ее сочетание с глаголом *разросся*, использованном в переносном значении, приводит к семантической модификации – двойной актуализации, сущность которой заключается в том, что «благодаря условиям контекста, фразеологизм прочитывается, воспринимается в двух планах: как собственно фразеологизм и как свободное сочетание слов в исходном значении» [11, с. 139].

Самым частотным типом ФК в поэтических произведениях В. В. Маяковского является объединение различных тропов, стилистических фигур и фразеологизмов, преобразованных и структурно, и семантически. Примером такого ФК может послужить фрагмент произведения «В чем дело?» (1928):

*Вьются частники,
а рядом
в трудовом
упорстве
наши,
обливаясь
потом-градом,
выжимают
хлеб
из пашен.*

(В. В. Маяковский «В чем дело?», Т. 9, с. 355).

В данном ФК метафоры *вьются частники* и *в трудовом упорстве наши выжимают хлеб из пашен* разрываются фразеологической единицей, которая, вероятно, образовалась в результате контаминации фразеологизмов *обливаться потом и кровью* – ‘терпеть невыносимые страдания, муки; изнемогать от непосильного труда’ [12, с. 425] – и *литься градом* – ‘обильно, в большом количестве течь (о слезах)’ [12, с. 347]. В стихотворении устойчивая единица подвергается и грамматическому преобразованию: компонент, восходящий к глаголу *обливаться*, приобретает грамматические характеристики деепричастия (*обливаясь*).

В поэтических произведениях В. В. Маяковского структура ФК может быть простой или сложной. Первый тип структуры ФК представляет собой последовательное объединение тропов, стилистических фигур и фразеологизмов. Второй тип структуры ФК отличается таким переплетением, наложением фразеологизированных и нефразеологизированных выразительных средств, которое не позволяет провести четких границ между этими средствами. Например, в нижеследующем фрагменте стихотворения В. В. Маяковского «Служака» (1928) ФК имеет простую структуру: ФК состоит из по-

следовательно соединенных сравнения *как честен вол*, метафоры *в место /в собственное/ вросся* и фразеологизма *не видеть дальше своего (собственного) носа* – ‘быть предельно ограниченным, не уметь замечать очевидного’ [12, с. 76].

*Честен он,
как честен вол.
В место
в собственное
вросся
и не видит
ничего
дальше
собственного носа.*

(В. В. Маяковский «Служака», Т. 9, с. 122).

Иную структуру имеет ФК в отрывке из стихотворения В. В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920):

*Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг – я
во всю светаю мочь –
и снова день трезвонится.*

(В. В. Маяковский «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», Т. 2, с. 38).

В данном фрагменте ФК, состоящий из метафор *я светаю*, *день трезвонится* и фразеологизма *во всю мочь* – ‘с предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо)’ [12, с. 380], – имеет сложную структуру, т.к. троп и устойчивая единица не объединяются, следуя друг за другом, а сплетаются, разрывая друг друга: *я во всю светаю мочь*.

Как показали исследования, в поэтических произведениях В. В. Маяковского модифицированные и немодифицированные фразеологизмы, входящие в состав ФК, приобретают функциональную особенность, не свойственную им вне стихотворного контекста: нередко устойчивые единицы выступают строительным материалом тропов или стилистических фигур. Так, в отрывке стихотворения «Ужасающая фамильярность» (1926) фразеологизм *каша в голове* – ‘кто-либо не умеет ясно мыслить’ [12, с. 291], становится элементом метафоры, усиленной сравнением:

*В голове от имен
такая каша!
Как общий котел пехотного полка.*

(В. В. Маяковский «Ужасающая фамильярность», Т. 7, с. 165).

Во фрагменте произведения «О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки» фразеологизм *короче воробьиного носа* – ‘предельно мал, короток, непродолжителен’ [12, с. 316] – участвует в создании литоты:

*Очередь?
Где?
Какая очередь?
Очередь –
воробьиного носа короче.*

(В. В. Маяковский «О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки», Т. 7, с. 249).

Одним из самых частотных тропов, в образовании которых участвуют входящие в состав ФК фразеологизмы, является олицетворение. Примером формирования такого выразительного средства могут послужить строки поэмы «Про это» (1923):

Семь лет я стою.

Я смотрю в эти воды,

к перилам прикручен канатами строк.

Семь лет с меня глаз эти воды не сводят.

(В. В. Маяковский «Про это», Т. 4, с. 151).

Использование фразеологической единицы *не сводить глаз* – ‘очень внимательно наблюдать за кем-либо или за чем-либо’ [12, с. 601], – номинирующей действия живого существа, для характеристики неодушевленного объекта, приводит к формированию олицетворения *семь лет с меня глаз эти воды не сводят*.

Подводя итог, отметим, что фразеостилистическая конвергенция является одной из характерных черт поэтических произведений В. В. Маяковского. Нестандартное использование устойчивых единиц, их переплетение с другими изобразительно-выразительными средствами, можно отнести к проявлению языкового новаторства поэта наряду с нестандартным словоупотреблением, словообразованием, словоизменением, нестандартными сочетанием слов.

В. В. Маяковский создает в поэтических текстах фразеостилистические конвергенты с простой и сложной структурой, вводя в их состав модифицированные и неизменные фразеологизмы. Дальнейшее исследование структурно-семантических особенностей фразеостилистических конвергентов в поэзии В. В. Маяковского позволит глубже проанализировать их функциональную нагрузку и лучше понять механизмы создания образов в произведениях поэта.

Список литературы

1. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т. Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991.
2. Гаспаров М. Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей / Отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1995. С. 363–395.
3. Копнина Г. А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке: На материале художественных и газетно-публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2001.
4. Кураш Т. Н. Фразеолого-тропеические комплексы в современной поэтической речи: критерии типологизации // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2008. № 3 (20). С. 58–62.
5. Лопаткина С. В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке: На материале художественной и публицистической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2004.
6. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1955–1961.
7. Плеханова Е. А. Моделирование конвергенции стилистических приемов в медиатексте: системный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2015.
8. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С. 69–97.
9. Рыбникова М. А. Избранные труды. К 100-летию со дня рождения / Сост. И. Е. Каплан. М.: Педагогика, 1985.
10. Соловейчик-Зильберштейн И. А. Стилистическая конвергенция в ранней прозе Бориса Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Иерусалимский ун-т; РАН, 1995.

11. Третьякова И. Ю. Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 10. № 4. С. 139–142.

12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.

* * *

1. Vinokur G. O. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`: Ucheb. posobie dlya filol. specz. Vuzov / Sost. T. G. Vinokur; Predisl. V. P. Grigor`eva. M.: Vysshaya shkola, 1991.

2. Gasparov M. L. Vladimir Mayakovskij // Ocherki istorii yazy`ka russkoj poe`zii XX veka: Opy`ty` opisaniya idiosilej / Otv. red. E. V. Krasil`nikova. M.: Specializir. izd.-torgovoe predpriyatie «Nasledie», 1995. S. 363–395.

3. Kopnina G. A. Konvergenciya stilisticheskix figur v sovremennom russkom literaturnom yazy`ke: Na materiale xudozhestvenny`x i gazetno-publicisticheskix tekstov: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk: Krasnoyars. gos. un-t, 2001.

4. Kurash T. N. Frazеologo-tropeicheskie kompleksy` v sovremennoj poe`ticheskoy rechi: kriterii tipologizacii // Vesnik Mazy`rskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga universite`ta imya I. P. Shamyakina. 2008. № 3 (20). S. 58–62.

5. Lopatkina S. V. Kontekstual`noe vzaimodejstvie tropov v sovremennom russkom literaturnom yazy`ke: Na materiale xudozhestvennoj i publicisticheskoy rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Abakan: Xakas. gos. un-t im. N. F. Katanova, 2004.

6. Mayakovskij V. V. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. / Akad. nauk SSSR. In-t mirovoj literatury` im. A. M. Gor`kogo. M.: Goslitizdat, 1955–1961.

7. Plexanova E. A. Modelirovanie konvergencii stilisticheskix priemov v mediatekste: sistemny`j aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. un-t, 2015.

8. Riffater M. Kriterii stilisticheskogo analiza // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy`p. IX. Lingvostilistika. M.: Progress, 1980. S. 69–97.

9. Ry`bnikova M. A. Izbranny`e trudy`. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. I. E. Kaplan. M.: Pedagogika, 1985.

10. Solovejchik-Zil`bershtejn I. A. Stilisticheskaya konvergenciya v rannej proze Borisa Pasternaka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: Ierusalimskij un-t; RAN, 1995.

11. Tret`yakova I. Yu. Semanticheskie vidy` okkazional`nogo preobrazovaniya frazeologizmov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2010. T. 10. № 4. S. 139–142.

12. Fyodorov A. I. Frazеologicheskij slovar` russkogo literaturnogo yazy`ka. M.: Astrel`: ACT, 2008.

Phraseostylistic convergence in poetical works by V. V. Mayakovskiy

The issue of cooperation of figurative and expressive means and phraseological units in fictional text is analyzed. There is considered the process of phraseostylistic convergence in poetic texts of V. V. Mayakovskiy. There are described the distinctive features, structure and variety of phraseostylistic convergents in the works of the poet.

Key words: *phraseostylistic convergence, phraseological units, tropes, figures of speech, V. V. Mayakovskiy.*

(Статья поступила в редакцию 01.06.2024).

В. В. ДАЩИНСКИЙ
Волгоград

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Рассматривается необходимость изучения «внутренних заголовков» в перспективе исторической поэтики. Подвергаются критическому разбору существующие термины и понятия, передающие значение ‘название части текста’. Предлагается новый подход к дифференциации номинаций целого текста, его частей, а также иноавторских текстов (т.е. произведений реальных писателей или персонажей, функционирующих внутри художественного мира).

Ключевые слова: заглавие, внутренний заголовок, историческая поэтика заглавий, оглавление, библионим.

Тезис, что два сосуществующих и борющихся начала в заглавии, «внешнее – обращенное вовне и представляющее произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и внутреннее – обращенное к тексту» [13, с. 167], применим, на наш взгляд, не только к заглавию произведения, но и к названиям, если таковые предусмотрены автором, архитектурных единиц книги (тома, части, разделы, главы, подглавки, акты и т.д.).

Членение текста с помощью таких единиц И. Р. Гальперин называл *объектно-прагматическим* [6, с. 51–52], Е. И. Диброва – *компаративным* («ансамбли композитов – главы, части; суперансамбли – части, тома, циклы» [8, с. 38]. Эти единицы являются «внутритекстовыми демаркаторами (рубрикаторами)» [9, с. 86–87], входят в паратекст (термин Ж. Женетта).

Поскольку «внутритекстовый заголовок» называет определенную, преимущественно завершенную и целостную часть текста, выделяя ее из ряда других частей, тем самым способствуя индивидуализации и идентификации, (выполняет «номинативно-выделительно-дифференцирующую, индивидуализирующую, идентифицирующую функции» [10, с. 18]), то он является именем собственным. Обозначать его тем же термином «библионим», который закреплен за обозначением заглавия всего текста, на наш взгляд, будет не всегда корректно.

Обратимся к толковым, терминологическим словарям, энциклопедическим изданиям, научным работам – рассмотрим, какие специальные номинации существуют для передачи значения ‘название отдельной части произведения’, и покажем их отдельные недостатки.

В толковых словарях слово «заглавие» определяется как ‘название какого-л. произведения или его *части* (обычно отражающее его основную идею)’ [3, с. 316] (*Выделено нами. – В. Д.*). Что заглавие – это название не только текста, но и его структурно-композиционных единиц, отмечено в энциклопедическом словаре «Книговедение» (1982): «*Заглавие всего произведения помещается на титульных элементах, частей – на шмуцтитуле, спуске, в разрез текста, в подбор к тексту, в виде маргиналия на поле (Выделено нами. – В. Д.)*» [12, с. 184]. В энциклопедии «Книга» (1999) [11], напротив, такой информации в дефиниции нет.

В «конкурирующем» ономастическом термине «библионим» (в метадialeкте Донецкой ономастической школы – «библиопоэтоним») указание на именование части текста не содержится и вряд ли подразумевается, что продиктовано значением первого терминологического элемента (греч. βιβλίον – ‘книга’) – ‘вид идеонима; название, заглавие лю-

бого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т.д.» [19, с. 42]. Следуя этому определению, мы не должны, говоря о заглавиях формально выделенных частей текста, использовать термин «библионим», несмотря на «проприальное» равноправие данных названий с *начальным, общим* заглавием. Вариант с уточнением этого термина путем добавления идентификатора *внутритекстовый* неприемлем по той причине, что он не позволяет точно отразить сущность явления, а именно указать на то, что перед нами название той или иной *части* произведения (субтекста), а не *целого* текста. Правильнее понимать термин «внутритекстовый библионим» как имя любого текста, которое упоминается в произведении, противопоставляя его термину «предтекстовый библионим», или «надтекстовый библионим».

Отнесем к широкому пониманию трактовку библионима как названия всего текста, так и частей внутри него, а к узкому пониманию – определение, данное Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [19] и рассмотренное нами в начале статьи. Таким образом, при широком подходе термин «библионим» содержательно равен «заглавию», а отличается от него «включенностью» в терминологический аппарат ономастики. Но даже в этом случае к термину «библионим» будут требоваться в качестве уточнения определенные идентификаторы (или сноски, оговорки от исследователя).

Для дифференциации наименования части и целого, с одной стороны, и различения названия авторского и иноавторского произведения (интертекстуальное вкрапление или текст, созданный внутри художественной реальности), с другой – введем латинские лексемы *totum* ('целое'), *pars* ('часть'), *intra* ('внутри'). Библионим_{totum} – название целого произведения, библионим_{pars} – название его части, библионим_{intra} – название иноавторского текста. Это разграничение призвано продемонстрировать широкую трактовку термина «библионим».

Один из недостатков предложенного решения связан с частнодисциплинарной научной значимостью термина «библионим», полноценный трансфер которого в другие дисциплины и направления литературоведения и лингвистики вряд ли произойдет (ср., например, с использованием терминов «антропоним», «топоним»), что, однако, никак не препятствует взаимопониманию между представителями филологических наук и построению системы целостного и адекватного знания об онимной реальности текста.

Ученые часто цитируют мысль основоположника поэтики заглавий С. Д. Кржижановского, который утверждал, что заглавие выдает себя «за *главное* книги» [14, с. 7]. Применимо ли это положение к «внутреннему заглавию»? (понятие, используемое Н. А. Кожинной, А. В. Ламзиной). Например, в относительно небольшом двухчастном романе В. Т. Нарезного «Аристийон, или Перевоспитание» (1822) в общей сумме 73 главы, каждая имеет название.

Следует ли утверждать, что внутренние названия стремятся выдавать себя за *главное* книги? Думаем, нет: аргументация к внутренней форме в этом случае приведет ad absurdum. Более того, существуют главы, чье название повторяет имя книги («Ледяной дом» И. И. Лажечникова, «Привычное дело» В. И. Белова, «Детство» Л. Н. Толстого», «Cat's Cradle» К. Воннегута и т.д.). Их концептоформирующая роль более значима по сравнению с названиями других глав и менее релевантна в сравнении с начальным заглавием, которому, видимо, принадлежит право на монополию сущностных смыслов произведения.

Понятие «внутреннее заглавие» в качестве члена оппозиционной пары предполагает понятие «внешнее заглавие», хотя способно составлять пару «общее – внутреннее», например, в статье Ю. П. Агеевой, где под внутренним заголовком понимается название рассказа в прозаическом микроцикле [1, с. 256]. Тем не менее намного чаще, чем словосочетание «внутреннее заглавие», употребляются нетерминологические словосо-

четания «заглавие N» (N – глава, часть и т.д.), «заголовок главы», «название N», существенно реже – «имя N».

К сказанному добавим, что практически со всеми словами, обозначающими композиционно-структурную часть текста (часть, акт, раздел и др.), слово *заглавие* сочетается свободно и нормативно. Нарушается рестриктивная норма при сочетании слова *заглавие* со словом *глава* (*заглавие главы* – звуковая тавтология). Подобное нарушение, конечно, не должно считаться убедительным основанием для отказа в использовании этого двухкомпонентного сочетания, тем более, тавтология устраняется через замену *заглавия* синонимичным словом *заголовок*.

Веским доводом для отказа в употреблении понятия «внутреннее заглавие» служит тот факт, что под ним может пониматься название иноавторского текста, например, повесть «Шинель», которую читал Макар Девушкин в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), или поэма «Эфемерида», написанная поэтом Бриссенденом в романе Дж. Лондона «Мартин Иден» (1909). Поэтому в начале статьи мы предложили термин «внутритекстовый библионим», более точно отражающий подобный материал.

Проблематична в использовании номинация «промежуточный заголовок», которую приводит В. А. Кухаренко в учебном пособии по интерпретации текста [15, с. 91]. Проблематичность обусловлена диффузностью референциальной отнесенности слова «заголовок». Авторы «Экспериментального системного толкового словаря стилистических терминов» определяют его как «название относительно небольшого текста в составе более крупного» [18, с. 73], сферой применения термина указывают только публицистические и научные тексты, а у термина «заглавие» – только художественные. Реальная картина употребления данных понятий в научных публикациях не подтверждает такое однозначное распределение, хотя действительно многими учеными подчеркивается преимущественная закреплённость понятия «заголовок» за произведениями (небольшого объема) публицистического стиля, что отражается в названиях их статей и диссертаций.

Обратим внимание на неточность, допущенную в приведенном определении: научный журнал или газета не составляют *единого* текста («более крупного»), в составе которого находятся «относительно небольшие тексты» – научные и газетные статьи, соответственно. Такая дефиниция в большей степени раскрывает сущность внутренних заглавий, однако остается неясным, имелись ли они в виду. И в конечном счете объем глав художественного произведения не всегда можно признать «относительно небольшим».

Согласно мнению Т. В. Васильевой, «интуитивно слово “заглавие” ощущается как применимое к большим по объемам произведениям, нежели слово “заголовок”» [4, с. 20]. В осмыслении указанных понятий интуиция, безусловно, обладает меньшей доказательной силой, чем научная рефлексия. Тем не менее последовательность в использовании слов «заглавие» и «заголовок» достижима. Основанием разграничения выступает принадлежность текста к определенному функциональному стилю (художественному или другому). Достаточно того, чтобы исследователи художественных произведений чаще соблюдали разграничение этих понятий, опираясь на указанный критерий (сфера применения). Закрепить же употребление научным сообществом *заглавия* исключительно как имени текста любого объема и стиля, а *заголовка* (факультативно – с добавлением к нему квалификаторов «промежуточный», «внутренний») как названия части произведения не представляется возможным.

Таким образом, для передачи значения «название отдельной части произведения» используются такие номинативные единицы (варианты), как *заголовок*, *внутреннее заглавие/заголовок*, *промежуточный заголовок*, *имя/название/заглавие N*. Недостатки одних понятий обусловлены референциальной диффузностью, других – неспособностью образовывать оппозицию (библионим – внутренний заголовок), сложившимся метаязыком в той или иной области филологических знаний. Сказанное никак не ставит под со-

мнение правомерность употребления названных понятий, целесообразность и незаменимость обращения к ним.

Подобные терминологические затруднения испытает языковед или литературовед, во-первых, обращаясь к анализу японских комиксов (манга), главы в которых, как правило, имеют название; во-вторых, изучая *фильмонимы* – названия фильмов, в широком понимании – и сериалов. Сложность представляют многосерийные фильмы и сериальные картины, т.к. каждая серия в них зачастую озаглавлена. Так, советская телекартина «Тени исчезают в полдень» (1970–1971, реж. В. Краснопольский, В. Усков) содержит серии с названиями «Красная Марья», «Пришлые люди», «Горькое счастье» и др.

Итак, попытаемся теперь обосновать необходимость в теории заглавия, или библиониологии, выделить, помимо раздела, имеющего объектом изучения заглавия поэтических и прозаических произведений (см. предложенные в рамках него задачи [7, с. 97]), раздел, который будет посвящен специфике внутренних заголовков (библионимов_{pars}).

Актуальными и важными видятся следующие направления исследования библионимов_{pars}:

- сравнительное изучение названий (если они изменились) частей/глав/актов при наличии нескольких редакций произведения. Добавление новых глав, перестановка имеющихся, сокращение объема текста за счет исключения или объединения нескольких частей – все это сказывается и на системе названий, перестраивает семантические отношения внутри такой системы (оглавления) и влияет на смысл целого. В этом направлении исследования укажем работу П. В. Максимовой, С. И. Ефремовой [17];

- сравнительное изучение вариантов перевода названий глав [2] и названий глав в языке оригинала и в языке перевода [21]; бесспорно, что при переводе заголовков не всегда удастся сохранить их семантику и функции;

- сравнительно-сопоставительное рассмотрение внутренних заголовков (связей и отношений между ними) в произведениях различной семиотической природы;

- построение типологии внутренних заголовков с опорой на разные основания (структурно-синтаксическое, когнитивное, прагматическое и др.);

- анализ эволюции внутренних заголовков в определенных литературных направлениях (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм и др.), жанрах «большой» и «массовой» литературы;

- анализ развития библионимов_{pars} в творчестве конкретного писателя;

- исследование библионимов_{pars} в свете философии имени;

- установление особенностей горизонтального смыслоосвоения оглавления (как дистантно расположенных названий глав) и вертикального смыслоосвоения оглавления (как последовательности внутренних заголовков, печатаемой впереди или позади текста). Подробно писала о функциях оглавления и его взаимодействии с текстом Н. А. Веселова [5]. Важна следующая мысль ученого: «Фиксируя последовательность заглавий, оглавление выступает ключом к пониманию текста: представляет в снятом виде его внутренние смысловые доминанты, выявляя тем самым логику построения» [5, с. 169]. Другими словами, необходимо выявить способность читателя пользоваться этими элементами текста как герменевтическим инструментом.

Известные высказывания писателей о «муках рождения» заглавия заставляют задуматься о проблеме поиска названий и для композиционных частей произведения. Трудности при выборе внутренних заголовков, причины их безымянности редко упоминаются писателями. В связи с этим мы бы сформулировали вопрос таким образом: в озаглавлении *части текста* нужно больше «искусства» (вдохновения, таланта, кайроса) или «техничности»? Позиции по этому вопросу зависят от решения другого: в чем у автора больше свободы – в выборе заглавия для произведения или его частей? Анализ данных проблем выходит за рамки настоящей статьи.

Особый интерес представляет рассмотрение внутренних заголовков в перспективе *исторической поэтики*. При постановке данной проблемы в фокусе внимания оказываются серия взаимосвязанных вопросов, некоторые из которых ставились при диахроническом подходе к анализу заглавия всего текста.

Итак, необходимо дать ответы на следующие общие и частные вопросы:

1. На каком историко-культурном этапе появляется внутренний заголовок, в какой момент истории он начинает осознаваться важным «навигационным» (организация читательского восприятия через членение текстового пространства) и смыслообразующим средством?

2. Какие термины и понятия существовали для обозначения части книги и как они менялись?

3. Какое влияние на формирование внутреннего заголовка художественного произведения оказали (а) изменения, происходившие в структуре, семантике и прагматике начальных заглавий, (б) особенности внутренних заголовков (и заглавий) в исторических, географических, философских, религиозных рукописях, трактатах и сочинениях, (в) литературная мода, (г) традиции озаглавливания в западноевропейской, американской и восточной художественной литературе, (д) литературная критика, (е) развитие книгоиздательского рынка, зависимость от маркетинговых стратегий, (ж) целевая аудитория, ее возрастная, социальная, гендерная дифференциация (как от фактора адресата зависел выбор заголовка)?

4. «Подобно “внешнему” заглавию, – пишет А. В. Ламзина, – форма и функции внутренних заглавий, их роль в организации читательского восприятия в процессе становления литературы претерпевали существенные изменения» [16, с. 852]. Параллельно ли происходило накопление функций у библионима_{totum} и библионима_{pars}? Какие функции «заимствовал» внутренний заголовок у заглавия или других элементов заголовочного комплекса? Какие *собственные* его функции могли «заимствоваться»?

5. Какова роль внутренних заголовков в реализации договорных функций (между автором и издателем, между автором, издателем и читателем)? Этот вопрос применительно к заглавиям книг исследует Элеанора Ф. Шелвин [24].

Свой вклад в начальную разработку многих из этих вопросов на материале художественной литературы внес Ж. Женнет (см. специальный раздел *Intertitles*) в книге «*Paratexts Thresholds of interpretation*» [23, с. 294–316]. Проблем происхождения, развития и распространения заголовков глав (*Kapitelüberschriften*), в целом – истории организации текстов с помощью нумерации и оглавления касается в своей работе Б.-Ж. Шрёдер [25]. См. также параграф о разделении на главы в библейских текстах (Новый Завет, Ветхий Завет, Евангелие) и некоторых античных [26, с. 22–25]. Много ценных и любопытных сведений о внутренних заголовках содержит интернет-ресурс «The Tertullian Project» [27]. Х. Ф. Вайс пытается объяснить появление и постепенный упадок разделения на главы и заголовков (*chapter heading*) в новелле и описывает некоторые их функции в немецких новеллах первой половины XIX в. [28].

Исследователи заглавий допустили бы ошибку, если бы считали, что все авторские произведения (от начала их устного бытования и первой письменной фиксации) должны иметь название, и, что более значимо, если бы думали, будто современные названия в своем функциональном отношении тождественны античным, средневековым «заглавиям». Виктория Гиббонс критикует такие вневременные, или ахронические, концепции, принятые в большинстве работ, посвященных изучению заглавий: «The discipline is dominated by a synchronic outlook which does not view the title as a product of centuries of development, as an accumulation, amalgamation, and distillation of previous practices, but instead adopts a distinctively modern idea of what a title is and applies this indiscriminately» [22, с. 72] (*В этой дисциплине [титологии. – В. Д.] доминирует синхронный взгляд, который не рассматривает название как продукт многовекового развития, как накопление,*

объединение и дистилляцию предыдущих практик, но вместо этого принимает отчетливо современное представление о том, что такое заглавие, и беспорядочно применяет его) (здесь и далее перевод наш – В. Д.).

Диахроническое прочтение показывает различия между современным названием и его предшественниками, или практиками присвоения названия (*practice of titling*), как их именует Виктория Гиббонс, рассматривая практики оформления названий на материале античных и раннесредневековых текстов (преимущественно английских).

Не следует и внутренний заголовок считать обязательным атрибутом книги и утверждать, что перечень реализуемых им функций, сложился сразу, а не детерминирован историко-культурным контекстом «Изучение заглавия, – постулирует М. В. Строганов, – должно исходить из презумпции его исторического становления» [20, с. 73], равно как изучение и других элементов заголовочного комплекса.

Итак, комплекс проблем, связанных с исследованием внутренних заголовков, требует дальнейшей всесторонней и тщательной разработки. Нам мало известно об обстоятельствах, вынуждающих авторов изменить названия той или иной части произведения или оставить их без заголовка, о наименованиях частей или глав как продуктов не авторского, а *издательского, редакционного, переводческого, комментаторского* усилия или вмешательства. Английский писатель Дж. Уитер (1558–1667) сообщал, что многие продавцы книг, издатели вели себя недобросовестно: могли, не уведомив автора, изменить заглавие, титульный лист книги, один и тот же текст продавать под разными названиями и все для того, чтобы увеличить продажи [24, с. 53]. Недостаточно в научной литературе прояснено историческое развитие внутренних заголовков (генезис, изменение их структуры, приобретение новых функций).

Подведем итоги. Изучение внутренних заголовков является актуальной областью филологических исследований, в которой еще немало «белых пятен» и нерешенных вопросов, в частности, терминологических. Для передачи значения ‘название части текста’ следует создать новый термин или конкретизировать существующие. Четкое различение единицы исследования (*библионим_{totum}*, *библионим_{pars}*, *библионим_{intra}*) необходимо при классификации заглавий и их функциональном анализе. Надеемся, потребность в таком разграничении не покажется лингвосоластической проблемой.

Рассмотрение внутренних заголовков с позиций исторической поэтики – малоисследованная тема. Успешность решения задач, сформулированных в рамках этой темы, находится в определенной зависимости от знаний, которые получены в результате анализа других элементов заголовочно-финального комплекса, прежде всего заглавия произведения, что не означает прямого переноса на изучение внутреннего заголовка научных и методологических положений, сформированных применительно к изучению «внешнего» заглавия.

Список литературы

1. Агеева Ю. П. Заголовочно-финальный комплекс как формообразующий элемент в поэтике прозаических микроциклов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 255–264.
2. Бабушкин А. П. «Одиссея» Гекльберри Финна: названия глав «приключений» в русских переводах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 148–151.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
4. Васильева Т. В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте (на материале современного американского рассказа): дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.
5. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998.

6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
7. Губина Н. В. Поэтика заглавий в прозе Е. И. Замятина: название – текст – метатекст // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 97–104.
8. Диброва Е. И. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: избранные работы: В 2-х т. Т. 1. М.: ТВТ Дивизион, 2008.
9. Каменская О. Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990.
10. Климова Л. А. Библионимы в лирике С. А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 17–26.
11. Книга: Энциклопедия / Ред. И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
12. Книговедение: энциклопедический словарь / Гл. ред. Н. М. Сикорский. М.: Советская энциклопедия, 1982.
13. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики 1984. М.: Наука, 1988. С. 167–182.
14. Кржижановский С. Поэтика заглавий // Кржижановский С. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4 / Сост. и комм. В. Перельмутера. СПб.: Симпозиум. С. 7–42.
15. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1998.
16. Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 848–853.
17. Максимова П. В., Ефремова С. И. Взаимосвязь глав и частей в романе Н. Е. Мординова «Весенняя пора» как показатель композиционной структуры произведения // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2. № 4. С. 41–46.
18. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996.
19. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
20. Строганов М. В. Заглавие как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 53–77.
21. Ху Сьюэ, Ху Гумин. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме» в аспекте теории адаптации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 342–349.
22. Gibbons V. Towards a Poetics of Titles: The Prehistory. PhD Thesis. Cardiff: Cardiff University, 2010.
23. Genette G. Paratexts: Thresholds of interpretation / Trans. Jane E. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
24. Shevlin Eleanor F. «To Reconcile Book and Title, and Make'em Kin to One Another»: The Evolution of the Title's Contractual Functions // Book History. 1999. Vol. 2. P. 42–77.
25. Schröder Bianca-Jeanette. Titel und Text: zur Entwicklung lateinischer Gedichtüberschriften. Mit Untersuchungen zu lateinischen Buchtiteln, Inhaltsverzeichnissen und anderen Gliederungsmitteln / von Bianca-Jeanett Schröder. Berlin; New York: de Gruyter, 1999.
26. Stanton V. H. The Gospels as Historical Documents. Cambridge: Cambridge University Press, 1903.
27. Capituli: Some notes on summaries, chapter divisions and chapter titles in ancient and medieval manuscripts // The Tertullian Project. URL: https://www.tertullian.org/rpearse/manuscripts/chapter_titles.htm (дата обращения: 06.06.2024).
28. Weiss Hermann F. Chapter division and chapter heading in the nineteenth-century *Novelle* // *Neophilologus*. 1971. Vol. 55. Iss. 1. P. 290–297.

* * *

1. Ageeva Yu. P. Zagolovochno-final'ny'j kompleks kak formoobrazuyushhij e'lement v poe'tike prozaicheskix mikrocviklov // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 1 (124). S. 255–264.
2. Babushkin A. P. «Odiseya» Gekl'berri Finna: nazvaniya glav «priklyucheniij» v russkix perevodax // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2018. № 2. S. 148–151.

3. Bol'shoj tolkovnyj slovar' russkogo yazy'ka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000.
4. Vasil'eva T. V. Zagolovok v kognitivno-funkcional'nom aspekte (na materiale sovremennogo amerikanskogo rasskaza): dis. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2005.
5. Veselova N. A. Zaglavie literaturno-xudozhestvennogo teksta: ontologiya i poe'tika: dis. ... kand. filol. nauk. Tver': Tverskoj gos. un-t, 1998.
6. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981.
7. Gubina N. V. Poe'tika zaglavij v proze E. I. Zamyatina: nazvanie – tekst – metatekst // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2007. № 4 (7). S. 97–104.
8. Dibrova E. I. Xudozhestvennyj tekst: Struktura. Soderzhanie. Smy'sl: izbranny'e raboty: V 2-x t. T. 1. M.: TVT Divizion, 2008.
9. Kamenskay O. L. Tekst i kommunikaciya: Ucheb. posobie. M.: Vysshaya shkola, 1990.
10. Klimkova L. A. Bibliionimy' v lirike S. A. Esenina // Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. № 3 (38). S. 17–26.
11. Kniga: E'nciklopediya / Red. I. E. Barenbaum, A. A. Beloviczkaya, A. A. Govorov i dr. M.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya, 1998.
12. Knigovedenie: e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. N. M. Sikorskij. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1982.
13. Kozhina N. A. Zaglavie xudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funkcii, parametry' tipologii // Problemy' strukturnoj lingvistiki 1984. M.: Nauka, 1988. S. 167–182.
14. Krzhizhanovskij S. Poe'tika zaglavij // Krzhizhanovskij S. Stat'i. Zametki. Razmyshleniya o literature i teatre. Sobr. soch.: V 5 t. T. 4 / Sost. i komm. V. Perel'mutera. SPb.: Simpozium. S. 7–42.
15. Kuxarenko V. A. Interpretaciya teksta: Ucheb. posobie. M.: Prosveshhenie, 1998.
16. Lamzina A. V. Rama proizvedeniya // Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij / Pod red. A. N. Nikolyukina. M.: NPK «Intelvak», 2001. S. 848–853.
17. Maksimova P. V., Efremova S. I. Vzaimosvyaz' glav i chastej v romane N. E. Mordinova «Vesennaya pora» kak pokazatel' kompozicionnoj struktury' proizvedeniya // Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. T. 2. № 4. S. 41–46.
18. Nikitina S. E., Vasil'eva N. V. E'ksperimental'nyj sistemnyj tolkovnyj slovar' stilisticheskix terminov. Principy' sostavleniya i izbranny'e slovarny'e stat'i. M.: In-t yazy'koznaniya RAN, 1996.
19. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. M.: Nauka, 1988.
20. Stroganov M. V. Zaglavie kak problema istoricheskoy poe'tiki // Problemy' istoricheskoy poe'tiki. 2021. T. 19. № 3. S. 53–77.
21. Xu Sy'yue', Xu Gumin. Analiz russkogo perevoda zagolovkov glav romana «Son v krasnom tereme» v aspekte teorii adaptacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2019. № 5. S. 342–349.

Inner headings as the issue of historical poetics

The necessity of studying the «inner headings» in the prospect of historical poetics is considered. The terms and concepts, conveying the meaning of «naming the part of text» are critically analyzed. There is suggested a new approach to the differentiation of nominations of the whole text, its parts and the innovative authors texts (the works of real writers and characters, functioning within the fictional world).

Key words: *heading, inner heading, historical poetics of headings, content, biblionym.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2024).

Е. А. БОЛТОВСКАЯ

Могилев, Беларусь

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Анализируется грамматическая вариантность несклоняемых неодушевленных нарицательных имен существительных, обозначающих денежные единицы. Выявляется и характеризуется динамика колебаний в их родовой отнесенности. Производится сопоставление сведений из лексикографических источников середины XX в. – 20-х гг. XXI в. и Национального корпуса русского языка, делаются выводы.

Ключевые слова: *вариантность, динамика морфологической нормы, грамматический род, несклоняемые существительные.*

Значительное количество разноуровневых вариантов считается местом уязвимости системы литературного языка: «Из-за наличия вариантов и необходимости выбора, в сущности, и возникает острая проблема нормы» [8, с. 30]. «Норма должна иметь предписывающий (прескриптивный) характер, в противном случае она утратит свою эффективность», – справедливо замечает В. П. Москвин [15, с. 101]. Ученый формулирует и предлагает использовать «следующее ортологическое правило, имеющее характер универсалии: **в случае сомнений (нужны или нужны? правы или правы? манит или манит? звонит или звонит?) следует ориентироваться на старшую норму** (выделено В. П. Москвиным. – Е. Б.)» [Там же, с. 106].

«По сравнению с XIX веком современная норма употребления заимствованных слов в отношении грамматического рода значительно стабилизировалась», – утверждает К. С. Горбачевич [7, с. 161]. Многие слова иноязычного происхождения утратили дублетность рода, что способствовало укреплению морфологической нормы. Исследовав вариантность родовых характеристик склоняемых нарицательных имен существительных, мы пришли к выводу о том, что «в количественном отношении равноправные варианты с двойственной родовой отнесенностью склонны к сокращению. Со второй половины XX до начала XXI в. родовая вариантность полностью или почти нивелировалась у 20 из 42 пар лексем с материально выраженными родовыми различиями» [1, с. 65].

Цель данной статьи – сопоставив сведения, извлеченные из лексикографических источников середины XX в.–20-х гг. XXI в. и Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), определить перспективы развития родовой вариантности в группе несклоняемых неодушевленных нарицательных имен существительных, называющих денежные единицы.

Как известно, общее правило установления родовой принадлежности деклинационных заимствований непосредственно связано с одушевленностью/неодушевленностью нарицательного существительного: неодушевленные существительные принято относить к среднему роду, одушевленные существительные, обозначающие представителей фауны, – к мужскому роду, одушевленные существительные, обозначающие лиц, – к мужскому или женскому роду.

Лингвисты выделяют несколько причин колебаний в грамматическом роде заимствованных имен существительных в русском языке:

1) определение родовой принадлежности слова по формальному признаку (для склоняемых слов имеется в виду характер основы и окончания, для несклоняемых, в

силу отсутствия у них флексии, – внешний звуковой или графический облик слова): неодушевленные слова на согласный принимали мужской род, а на гласный – средний (например, *бюро*, *манто*, хотя во французском языке-доноре эти слова мужского рода; впрочем, родовое противопоставление в данном языке представлено только мужским и женским родами);

2) восстановление исконного грамматического рода слова в языке-источнике (например, в привычных для нас сейчас словах *зал*, *метод*, *жираф* первоначально в словарях имелись варианты женского рода *зала*, *метода*, *жирафа*, т.к. во французском языке это слова женского рода);

3) родовая характеристика по смыслу, по семантической близости слов: через перенесение на заимствованное слово, обозначающее видовое понятие, грамматического рода того слова, которое обозначает более общее родовое понятие, или грамматического рода синонимичного, наиболее близкого по значению слова (например, лексема *кольраби* в русском языке женского рода под влиянием родового понятия «капуста», хотя в немецком языке-источнике *кольраби* относится к словам мужского рода).

К. С. Горбачевич считает, что «род заимствованных слов в современном языке определяется преимущественно влиянием аналогичных русских слов, а не прошлой родовой характеристикой слова в языке-источнике (в XVIII–XIX вв. воздействие второго, историко-этимологического, фактора было более значительным)» [7, с. 159; 8, с. 173]. По наблюдениям С. О. Савчук, «в XX веке перестал действовать такой важный для языка XIX века фактор, как влияние рода слова в языке-источнике, определявший родовую принадлежность многих заимствованных слов в русском языке и вызывавший появление вариантов. Зато усилилось действие фактора аналогии, формальной и семантической, проявляющееся в том, что новое слово встраивается в систему языка по образцу, в качестве которого выступает русское или ранее заимствованное слово» [18, с. 637]. По мнению И. Б. Голуб, «мы опираемся на родовые понятия или синонимы лишь в тех случаях, когда заимствованное слово недостаточно освоено родным языком. При этом возможны колебания, в результате чего возникают варианты» [6, с. 228]. Морфологическую вариантность, вызванную «абсолютным в своем проявлении противоречием между формой и содержанием (в данном случае – косвенной, или, точнее, ассоциативной, мотивированностью рода), К. С. Горбачевич признает «естественным и неизбежным этапом освоения нового слова» [8, с. 174].

Рассмотрим на материале лексикографических источников 50-х гг. XX в.–20-х гг. XXI в. родовую принадлежность несклоняемых существительных с конечным гласным (*евро*, *крузейро*, *песо*, *скудо*, *эю*, *эскудо*) и сопоставим полученные результаты с корпусными данными, извлеченными из основного и газетного подкорпусов НКРЯ.

Если словарные источники расположить на шкале от исключающих до допускающих родовую вариантность исследуемых лексем, то в противоположных ее точках окажутся два новейших словаря XXI в.: РОС, изданный под редакцией В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой в 2020 г., и 6-е издание 2022 г. ГСРЯ А. А. Зализняка:

ГПРР (1976): 4 – ср. (*крузейро*, *песо*, *скудо*, *эскудо*) / 0;

БТСРЯ (в авторской редакции 2014): 3 – м. (*евро*, *эю*, *эскудо*), 1 – ср. (*песо*) / 0;

СНС (1978): 2 – м. (*эю*, *эскудо*), 2 – ср. (*крузейро*, *скудо*) / 0;

МАС (1981–1984): 2 – м. (*эю*, *эскудо*), 2 – ср. (*песо*, *скудо*) / 0;

БАС (1950–1965): 2 – м. (*эю*, *эскудо*), 1 – ср. (*скудо*) / 0;

БАСРЯ (с 2004): 2 – ср. (*песо*, *скудо*) / 0;

РОС (2020): 4 – м. (*евро*, *крузейро*, *песо*, *эскудо*), 2 – ср. (*скудо*, *эю* в значении ‘монета’) / 1 – м. и ср. (*эю* в значении ‘европейская валютная единица’);

ТСИС (2006): 4 – ср. (*крузейро*, *песо*, *скудо*, *эскудо*), 1 – м. (*евро*) / 1 – м. и ср. (*эю*);

БТСРЯ (2008): 1 – ср. (*песо*) / 1 – м. и ср. (*эю*);

СПРР (2008): 1 – ср. (*песо*) / 1 – м. и ср. (*эю*);

СТРЯ (2017): 2 – ср. (*песо, скудо*), 1 – м. (*евро*) / 2 – м. и ср. (*крузейро, эскудо*);

КСТРЯ (2008): 1 – ср. (*песо*) / 2 – м. и ср. (*экую, эскудо*);

ССНСРЯ (2009): 2 – ср. (*песо, скудо*), 1 – м. (*крузейро*) / 3 – м. и ср. (*евро, экую, эскудо*);

СГВРЯ (2008): 1 – м. (*евро*), 1 – ср. (*песо*) / 3 – м. и ср. (*крузейро, скудо, эскудо*);

ГСРЯ (2022): 0 / 4 – ср. и м. (*крузейро, песо, скудо, эскудо*), 2 – м. и ср. (*евро, экую*).

В развернутом комментарии к словарной статье, посвященной роду несклоняемых имен существительных, «Словаря грамматических вариантов русского языка» (далее – СГВРЯ) Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской отмечается, что именам, называющим денежные счетные единицы, присуща вариантность в родовом оформлении: колебания происходят между мужским и средним родом. Однако мужской род рекомендуется признать доминирующим, т.к. его выбор «подкрепляется часто употребляющимися в России названиями денежных единиц в муж. роде – *доллар* и *рубль*» [СГВРЯ, с. 103]. В качестве примеров приводятся лексемы *экую* и *евро*, хотя в последующем «Перечне» слова *экую* нет, а родовая характеристика *евро*, к сожалению, ошибочна из-за опечатки *жс.*, но восстановима из предыдущего контекста комментария как м. [СГВРЯ, с. 106]. В БАСРЯ также отсутствует родовая квалификация лексемы *евро* [БАСРЯ/5, с. 500]. Словом мужского рода признают *евро* авторы РОС, БТСРЯ, ТСИС, СТЯ. Из нескольких ответов 2006–2014 гг. Справочной службы портала Грамота.ру на вопросы типа «Какого рода существительное евро?», «Как правильно: один евро или одно евро?», «Как правильно сказать: “евро подорожало” или “евро подорожал”?» понятно, что эксперты считают *евро* словом мужского рода. Только в ГСРЯ А. А. Зализняка и в ССНСРЯ И. Д. Успенской представлена родовая вариантность этого слова: конкуренция происходит между средним и мужским родом. В самой словарной статье ССНСРЯ отражено равноправие вариантов по роду: «С 1 января выполнялись только безналичные расчеты в евро, с 1 марта 2002 г. евро введено в наличное обращение, наличный и безналичный (*жирный курсив наш.* – Е. Б.) евро заменяет национальные валюты стран Европейского Союза» [ССНСРЯ, с. 141]. Двойную родовую отнесенность лексемы предлагает оставить Е. Н. Геккина: «Если в литературном языке сохраняются предпосылки считать несклоняемые имена денежных единиц существительными среднего рода и об этом свидетельствуют словарные прецеденты, то и случай с *евро*, на наш взгляд, отнюдь не исключение, а возможный выбор в пределах нормы» [5].

В основном подкорпусе НКРЯ автоматической системой поиска было обнаружено 1328 текстов с 3250 примерами употребления словоформы *евро*, однако подходящих для определения грамматического рода контекстов среди них было немного: всего 54. Это связано с разными причинами: категория рода у деklinационных существительных не может быть проявлена парадигматически в силу отсутствия у них флексий, следовательно, единственным способом для выражения рода остается синтаксический; синтагматические связи во многих случаях не позволяют решить вопрос о родовой отнесенности слова, т.к. подавляющее большинство сочетаний названий денежных единиц – с количественными числительными, единичные из которых (*один (одно, одна), два (две)*) могут указывать на род стоящего рядом существительного: *В немецких газетах можно встретить объявления о продаже машины за один евро* (Алексей Криволапов. Go West! – «Автопилот», 15.04.2002); *Курс обмена по состоянию на июнь 2010 г. колеблется в пределах 32В (покупка) – 33В (продажа) за один доллар США, 48В (покупка) – 49В (продажа) за один евро* (А. С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель, 2013); употребленные в форме мужского или среднего рода согласованные определения, выраженные прилагательными, местоимениями-прилагательными, причастиями, различаются только по двум падежным формам (именительного и винительного падежа), а глаголы и краткие страдательные причастия должны быть в форме прошедшего времени: *Дорогой евро лишь частично компенсирует потери отечественной про-*

мышленности, для которой основным преимуществом остается низкая цена товара, а главными конкурентами – турецкие и китайские производители (Елена Короп. Открытая экономика. – «Известия», 24.07.2003); Курс пересчета отпускных цен завода Volkswagen составил 1,15 доллара за **каждый евро** при нынешнем рыночном соотношении 1,22-1,25 (Игорь Сиринов. Женевские зарисовки. – «Бизнес-журнал», 16.03.2004); И даже не советуют пока гражданам срочно бежать в обменники со слабеющим долларом, чтобы обменять его на **крепнувший евро** (С понедельника россиянам лучше хранить сбережения в рублях. Первый блин – WorldCom'ом. – «Известия», 23.07.2002); И с **евро** непонятно что творится, то **шел вверх**, а теперь вниз (М. К. Кантор. Честный англичанин, 2011); Mbvanu (nick). **Евро практически уничтожено** американцами, юани неконвертируемы, куда еще вкладывать излишки долларов? (Форум: Новая волна или продолжение старой?! 2010).

Среди примеров с 1990 по 2010 гг., в которых представилось возможным установить родовую принадлежность лексемы *евро*, только в 6 случаях слово среднего рода, а в 48 – мужского. Также встретился пример, отображающий конкуренцию родовых вариантов внутри одного текста: ср. В минувшую пятницу **евро достигло** своего абсолютного максимума – \$ 1,1834 (Маргарита Спиричева. Доллар покажет, где зимует. – «Богатей», 29.05.2003) и **Сильный евро** делает их товары неконкурентоспособными, усиливая и без того развивающийся в Европе кризис (Маргарита Спиричева. Доллар покажет, где зимует. – «Богатей», 29.05.2003).

Лексикографические данные, касающиеся наименования денежной единицы Бразилии *крузейро* (орфографические варианты *крусейро* [СНС, с. 96; ГСРЯ], *крузейру*, *крусейро* [ССНСРЯ, с. 204]), разнятся: в ГПРР и СГВРЯ Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, в СТРА М. А. Штудинера, в ГСРЯ А. А. Зализняка отмечается возможность употребления и как слова мужского, и как слова среднего рода. В СНС Н. П. Колесникова и ТСИС Л. П. Крысина это слово среднего рода, а в ССНСРЯ И. Д. Успенской – мужского. Только в 8 контекстах (с 1985 по 2020 гг. 141 текст/244 примера в газетном подкорпусе НКРЯ), где род не удалось определить, речь идет о номинации денег, в остальных – о названии футбольного клуба: «*Крузейро*» завершил минувший сезон на восьмой строчке (Бразилец покинул «Спартак» и обрадовался. – lenta.ru, 03.04.2019). В основном подкорпусе имеется 10 текстов/15 примеров (с 1954 по 2004 гг.), среди которых по одному, позволяющему выявить мужской и средний род лексемы *крузейро*: *Всего за период с августа 1968 г. по декабрь 1976 г. бразильский крузейро был девальвирован восемьдесят один раз со средней ставкой девальвации в 1,5 %* (С. Р. Моисеев. Таргетирование реального валютного курса: теория, мировая практика и возможность применения в России. – «Финансы и кредит», 03.02.2003); *А нам выдали бразильское крузейро...* (Н. Ф. Ладугин. Дневник, 1962).

Большинство рассмотренных нами источников (МАС, ГПРР, СГВРЯ, ТСИС, КСТРА, СПРР, БТСРС, ССНСРЯ, СТРА, БТСРЯ, БАСРЯ) существительное *песо* (орфографический вариант *пезо* [ГПРР, с. 81; СГВРЯ, с. 108; КСТРА, с. 298; ТСИС, с. 586; ГСРЯ]), называющее денежную единицу ряда стран Латинской Америки (Кубы, Мексики, Уругвая, Филиппин, Чили и др.) и старинную испанскую серебряную монету, признают словом среднего рода. Лишь в РОС В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой дана грамматическая помета, свидетельствующая о мужском роде слова, а в ГСРЯ А. А. Зализняка относительно этой лексемы отображена конкуренция между средним и мужским родом.

Среди уместных для установления рода контекстов основного (с 1959 по 2015 гг. 60 текстов/189 примеров) и газетного (с 1983 по 2021 гг. 793 текста/1502 примера) подкорпусов НКРЯ нами было выявлено, что как слово мужского рода *песо* употребляется 134 раза, как слово среднего рода – 62 раза: *В результате стратегии валютных трейдеров за последние три месяца песо подорожал по отношению к доллару на 6 процен-*

тов, что стало лучшим результатом для валют основных развивающихся стран (Падение курса рубля связали с возможным поражением Трампа. – Lenta.ru, 09.10.2020); *Американцы уже тогда испытывали тягу к всевозможным сокращениям, поэтому вместо английского *piece of eight* (восьмая часть) – как называли на континенте **испанское песо** – они решили рисовать перечеркнутую восьмерку* (О. Романова. 10 тысяч лет со времени возникновения первых денег. – Forex Magazine, 2004).

Помимо наличия различной родовой отнесенности лексемы *песо* в статьях одного и того же печатного издания с разницей в год (ср. *Например, мексиканское песо, бразильский реал, южноафриканский ранд и турецкая лира с начала года потеряли по отношению к доллару 2,7; 5,6; 6,6 и 6,7 % соответственно, а индонезийская рупия и вовсе подорожала – на 0,5 %* (Доллар все ближе к взятию рубежа в 40 рублей. – «Эксперт», 2014) и *Например, южноафриканский ранд, мексиканский песо и индонезийская рупия потеряли 8,1, 7,3 и 7,2 % соответственно* (Доллар все ближе к 60 рублям. – «Эксперт», 2015), в рамках одной и той же статьи встречается противоречивая родовая квалификация лексемы: *Также резко ухудшилась ситуация в Аргентине, где **песо стало резко падать** в связи с опасениями дефолта по государственному долгу* (Дмитрий Докучаев. До нового финансового кризиса осталось два года. – Московский комсомолец, 13.09.2018) и *Девальвация затронула также бразильский реал и **мексиканский песо*** (Дмитрий Докучаев. До нового финансового кризиса осталось два года. – Московский комсомолец, 13.09.2018). Думается, что это является подтверждением не установившейся еще родовой принадлежности слова, стремящегося в узусе к унификации по мужскому роду, а не по среднему, как рекомендует большинство рассмотренных словарей.

Лексема *скудо*, обозначающая итальянскую золотую или серебряную монету XVI–XVIII вв., в большинстве словарей (БАС, СНС, МАС, ТСИС, ССНСРЯ, БАСРЯ, СТЯ, РОС) имеет средний род. Только в ГПРР, СГВРЯ и ГСРЯ отражены колебания между мужским и средним родом этого слова. Среди контекстов из основного (с 1878 по 2008 гг. 5 текстов/15 примеров) и газетного (с 1998 по 2017 гг. 7 текстов/9 примеров) только один оказался пригодным для определения родовой принадлежности лексемы *скудо*: *Статус ордена как полноценного государства признают не все, хотя у рыцарей – свои паспорта, дипномера на машинах, штаб-квартира в Риме с огромным архивом и роскошной библиотекой. Орден выпускает свою собственную марку. Когда-то была и валюта – **мальтийский скудо*** (Россия и мальтийский орден: исторический роман. – Vesti.ru, 01.12.2013).

Грамматические пометы, касающиеся лексемы *эскудо*, называющей денежную единицу Португалии до введения в 2002 г. в наличное обращение евро, а также золотую монету, которая чеканилась в XV в., не совпадают: в БАС, СНС, МАС, БТСРЯ, РОС это слово мужского рода, в ГПРР и ТСИС – среднего, а в СГВРЯ, КСТЯ, ССНСРЯ, СТЯ, ГСРЯ его родовая принадлежность определяется мужским и средним родом. Среди контекстов, найденных в основном (с 1908 по 2014 гг. 10 текстов/26 примеров) и газетном (с 1984 по 2019 гг. 70 текстов/114 примеров) подкорпусах НКРЯ, было обнаружено лишь 6 подходящих для определения рода лексемы *эскудо*, в четырех из которых она мужского рода, в двух – среднего: *В конце концов евро существовал только в безличной форме и представлял собой неизвестно какую наличную валюту – не то немецкую марку, не то **португальский эскудо*** (Неразмennyй доллар – Коммерсант, 23.07.2002); *Достигнуто соглашение о том, что центральный банк поддержит национальную валюту новой страны или же Тимор Лоросае сможет выбрать **португальское эскудо** в качестве временной валюты* (Александр Здитовецкий. Лидер сопротивления прибывает в Восточный Тимор. – Независимая газета, 06.10.1999).

Существительное *эку*, обозначающее золотую или серебряную монету с изображением геральдического щита, бывшую в употреблении во Франции с XIII по 1834 г., а

также предшествующую евро валютную единицу, использовавшуюся в Европе с 1979 по 1998 гг. в безналичном расчете, также имеет различные пометы, относящие его к мужскому роду (БАС, СНС, МАС, БТСРЯ), к среднему (РОС в значении 'монета'), к обоим родам (ТСИС, КСТРЯ, СПРР, ССНСРЯ, БТСРС, РОС в значении 'валютная единица', ГСРЯ). Составители ТСИС и РОС это слово считают не многозначным, а омонимичным, вероятно, вследствие того, что второе название является аббревиатурой английского термина «европейская валютная единица» (ECU – European Currency Unit) и совпадает с названием старинной монеты исключительно в звуковом плане. Интересно, что в РОС семантическое размежевание поддерживается морфологически: *экую* со значением 'региональная европейская валютная единица до 1998' подается как слово мужского и среднего рода, а со значением 'старинная французская монета' – среднего рода.

Релевантные для определения рода контексты, обнаруженные в основном (с 1768 по 2012 гг. 52 текста/131 пример) и газетном (с 1989 по 2019 гг. 213 текстов/326 примеров) подкорпусах НКРЯ, показывают, что более часто встречается употребление *экую* как слова мужского, а не среднего рода (13 против 6): *Точно так же в Европе в 1970-х гг. был введен экую, и только спустя 30 лет он превратился в евро* (В российских обменниках появятся «акю»? – Комсомольская правда, 24.10.2005); *Сначала это было ЭКЮ, но именование не прижилось – восстали немцы* (Владимир Катин. Поздравлять или соблазновать? – Независимая газета, 28.12.1999). Ранее «Парламентская газета» сообщала, что Евразийский банк развития (ЕАБР) предложил регуляторам стран-участниц ЕвразЭС создать региональную расчетную денежную единицу по примеру *общеевропейской ЭКЮ (ECU)*. (Единая валюта ЕАЭС может появиться не раньше 2025 г. – Парламентская газета, 2017.08.02) – в данном примере мы склонны усматривать не женский род лексемы *ЭКЮ*, а пропуск слова женского рода *единица*.

Таким образом, несмотря на сложность определения грамматического рода несклоняемых слов, даже на количественно небольшом узуальном материале мы обнаруживаем, что пользователи предпочитают употреблять существительные, называющие денежные единицы, как слова мужского рода, т. е., по сути, выбирают аналогию не формального (рассмотренные лексемы внешне похожи на слова среднего рода), а смыслового (ассоциации со словами *рубль*, *доллар* как близкими по значению) плана. Следовательно, при сохраняющейся конкуренции вариантов по грамматическому роду основным в современной речевой практике можно назвать вариант мужского рода.

Список литературы

1. Болтовская Е. А. О вариантности родовых характеристик склоняемых нарицательных имен существительных // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023. № 2. С. 56–67.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич; науч. координатор издания А. С. Герд. М. СПб.: Наука, 2004 (БАСРЯ).
3. Большой толковый словарь русских существительных / Отв. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2008 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (дата обращения: 31.03.2024) (БТСРС).
4. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (дата обращения: 31.03.2024) (БТСРЯ).
5. Геккина Е. Н. Какого рода слово евро? // grammar.ru. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=14.107> (дата обращения: 08.04.2024).
6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 10-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008.

7. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1971.
8. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978.
9. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976 (ГПРР).
10. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Словарь грамматических вариантов русского языка. 3-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2008 (СГВРЯ).
11. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение: ок. 12000 слов совр. рус. яз. 6-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008 (КСТРЯ).
12. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Ок. 110000 слов. Грамматические сведения. 6-е изд. М.: АСТ, 2022 // gramdict.ru. URL: <https://gramdict.ru/> (дата обращения: 31.03.2024) (ГСРЯ).
13. Колесников Н. П. Словарь несклоняемых слов. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978 (СНС).
14. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006 (ТСИС).
15. Москвин В. П. Правильность современной русской речи: Норма и варианты. Теоретический курс для филологов: Учеб. пособие. 4-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2016 // URL: <http://e.lanbook.com/book/74743> (дата обращения: 08.04.2024).
16. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 02.04.2024) (НКРЯ).
17. Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой. М.: АСТ, 2020 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (дата обращения: 31.03.2024) (РОС).
18. Савчук С. О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог»* (2011). Вып. 10 (17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 627–644.
19. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).
20. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС).
21. Соловьев Н. В. Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов; более 4000 коммент. М.: АСТ: Астрель, 2008 (СПРР).
22. Успенская И. Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка: ок. 3000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2009 (СННСРЯ).
23. Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2017 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (дата обращения: 31.03.2024) (СТРЯ).

* * *

1. Boltovskaya E. A. O variantnosti rodovy`x charakteristik sklonyaemy`x nariczatel`ny`x imen sushhestvitel`ny`x // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2023. № 2. S. 56–67.
2. Bol`shoj akademicheskij slovar` russkogo yazy`ka / Gl. red. K. S. Gorbachevich; nauch. koordinator izdaniya A. S. Gerd. M. SPb.: Nauka, 2004 (BASRYa).
3. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkix sushhestvitel`ny`x / Otv. red. L. G. Babenko. – M.: AST-Press, 2008 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (data obrashheniya: 31.03.2024) (BTSRS).
4. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / RAN, In-t lingv. issled.; sost., gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (data obrashheniya: 31.03.2024) (BTSRYa).
5. Gekkina E. N. Kakogo roda slovo evro? // grammar.ru. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=14.107> (data obrashheniya: 08.04.2024).
6. Golub I. B. Stilistika russkogo yazy`ka. 10-e izd. M.: Ajris-press, 2008.
7. Gorbachevich K. S. Izmenenie norm russkogo literaturnogo yazy`ka. L.: Prosveshhenie, 1971.
8. Gorbachevich K. S. Normy` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka. M.: Prosveshhenie, 1978.

9. Graudina L. K., Iczkovich V. A., Katlinskaya L. P. Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi. Opy't chastotno-stilisticheskogo slovary variantov. M.: Nauka, 1976 (GPRR).
10. Graudina L. K., Iczkovich V. A., Katlinskaya L. P. Slovar' grammaticheskix variantov russkogo yazy'ka. 3-e izd., ster. M.: Astrel': AST, 2008 (SGVRYa).
11. Es'kova N. A. Kratkij slovar' trudnostej russkogo yazy'ka. Grammaticheskie formy'. Udarenie: ok. 12000 slov sovr. rus. yaz. 6-e izd., ispr. M.: AST: Astrel', 2008 (KSTRYa).
12. Zaliznyak A. A. Grammaticheskij slovar' russkogo yazy'ka. Slovoizmenenie. Ok. 110000 slov. Grammaticheskie svedeniya. 6-e izd. M.: AST, 2022 // gramdict.ru. URL: <https://gramdict.ru/> (data obrashheniya: 31.03.2024) (GSRYa).
13. Kolesnikov N. P. Slovar' nesklonyaemy'x slov. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1978 (SNS).
14. Kry'sin L. P. Tolkovy'j slovar' inoyazy'chny'x slov. M.: E'ksmo, 2006 (TSIS).
15. Moskvina V. P. Pravil'nost' sovremennoj russkoj rechi: Norma i varianty'. Teoreticheskij kurs dlya filologov: Ucheb. posobie. 4-e izd., stereotip. M.: FLINTA, 2016 // URL: <http://e.lanbook.com/book/74743> (data obrashheniya: 08.04.2024).
16. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashheniya: 02.04.2024) (NKRYa).
17. Russkij orfograficheskij slovar' / Pod red. V. V. Lopatina i O. E. Ivanovoj. M.: AST, 2020 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (data obrashheniya: 31.03.2024) (ROS).
18. Savchuk S. O. Korpusnoe issledovanie variantov rodovoj prikladnosti imen sushhestvitel'ny'x v russkom yazy'ke // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e tekhnologii: po materialam ezhegodnoj mezhdunar. konf. «Dialog» (2011). Vy'p. 10 (17). M.: Izd-vo RGGU, 2011. S. 627–644.
19. Slovar' russkogo yazy'ka: V 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazy'k, 1981–1984 (MAS).
20. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka: V 17 t. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1965 (BAS).
21. Solov'ev N. V. Slovar' pravil'noj russkoj rechi: ok. 85 000 slov; bole 4000 komment. M.: AST: Astrel', 2008 (SPRR).
22. Uspenskaya I. D. Sovremenny'j slovar' nesklonyaemy'x slov russkogo yazy'ka: ok. 3000 slov. M.: Astrel': AST, 2009 (SSNSRYa).
23. Shtudiner M. A. Slovar' trudnostej russkogo yazy'ka dlya rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy'. M.: Slovari XXI veka, 2017 // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari> (data obrashheniya: 31.03.2024) (STRYa).

Grammatical variation of indeclinable nouns, naming the money units

The grammatical variation of indeclinable unanimated appellative nouns, naming the money units, is analyzed. The dynamics of changes in their gender denotation is revealed and characterized. The comparison of the data from the lexicographical sources of the middle of the XXth century – the 20s of the XXth century and the National Corpus of the Russian language is given. The conclusions are drawn.

Key words: *variation, dynamics of morphological norm, grammatical gender, indeclinable nouns.*

(Статья поступила в редакцию 03.05.2024).

Г. Б. МАДИЕВА
А. А. КАБЫТАЕВА
А. З. КАЙБУЛДАЕВА
Алматы, Казахстан

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (на материале г. Алматы)

Исследуются ойкодомонимы и эргонимы г. Алматы. Отмечается, что кардинальные изменения в жизни Казахстана, вызванные социально-экономическими процессами, влияют на содержание ономастического пространства: наименования реалий вовлекаются в орбиту социального устройства, включаются в социокультурную коммуникацию и оказывают определенное воздействие на портрет города. Появление новых объектов, требующих идентификации, реформирование экономики, изменение этнополитической ситуации, обращение к историческому прошлому, национальным культурным ценностям находит воплощение в ономастике Казахстана и служит импульсом к онимотворчеству.

Ключевые слова: ономастика, ономастическое пространство, ойкодомонимы, эргонимы.

Языковое пространство, сконцентрированное на многообразии языков и их взаимодействии, обусловлено многими факторами, ключевыми из которых являются:

- исторические события и культурные особенности;
- миграция и контакт между различными культурами, способствующие обмену языковыми элементами;
- языковая политика, проводимая тем или иным государством;
- экономические связи и развитие торговли, которые, благодаря межкультурному взаимодействию, могут способствовать распространению тех или иных языков;
- развитие технологий и средств коммуникации, благодаря которым снижается как этническая, так и языковая изоляция, что может привести к распространению одних языков и вытеснению других.

Эти факторы обычно взаимосвязаны и могут проявляться по-разному в различных регионах мира, формируя уникальные языковые пространства. К таким уникальным языковым пространствам относится языковое пространство мегагородов Казахстана, в частности, г. Алматы как экс-столицы республики, сохранившей свой статус экономического, исторического, промышленного, финансового, культурного, туристического центра [2].

Следует особо отметить, что в Казахстане исторически сложилась полиязычная среда, в которой основными языками, реально используемыми практически во всех сферах жизнедеятельности казахстанского социума, являются: 1) казахский язык (государственный язык, широко используется в образовании, правительственных учреждениях, СМИ и других сферах общественной жизни; 2) русский язык (имеет официальный статус и широко используется в Казахстане, особенно в городах и в сферах, связанных с межнациональными коммуникациями, торговлей и бизнесом); 3) английский язык (имеет особое значение в Казахстане в силу его международного статуса).

В Конституции РК от 30 августа 1995 г. с изменениями и дополнениями, введенными в действие с 1 января 2023 г., закреплено: «1. В Республике Казахстан государственным является казахский язык. 2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [1].

В ежегодном Послании Президента РК К. Токаева народу Казахстана отмечается, что одно из приоритетных направлений государственной политики – развитие казахско-

го языка: «В целом расширяется сфера применения государственного языка. Это закономерное явление, главная тенденция жизни» [7]. Вместе с тем Президент подчеркнул, что «русский язык обладает статусом официального языка. Его использованию, согласно нашему законодательству, препятствовать нельзя» [Там же].

Английский язык в Казахстане используется в таких сферах:

- образование;
- коммуникация с иностранными партнерами, инвесторами и туристами в связи с развитием международных отношений и экономических связей;
- другие области, связанные с бизнесом, технологиями, международной торговлей, дипломатией, туризмом и т.п. с целью расширения профессиональных возможностей, участия в глобальных дискуссиях.

По данным Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (Бюро национальной статистики) за 2021 г., из 17 194 712 человек одним языком владеет 4 205 514 человек, двумя языками – 7 727 082, тремя языками – 4 923 864, четырьмя языками – 292 858, пятью языками – 32 969, шестью языками – 8 845, семью языками – 3 580 человек [10]. Эти статистические данные являются ярким подтверждением того, что в республике сложилась реальная ситуация полиязычия как одной из особенностей культурного и социального ландшафта Казахстана. Государство содействует гармоничному сосуществованию и развитию языков в стране, и это отражается в языковом пространстве, в том числе ономастическом пространстве г. Алматы.

Кардинальные изменения в жизни Казахстана, вызванные социально-экономическими процессами, не могли не повлиять и на содержание ономастического пространства и коснулись, прежде всего, наименований реалий, вовлеченных в орбиту социального устройства [8].

Являясь частью языкового городского пространства, ономастическое пространство оказывает определенное воздействие на портрет города и включается в социокультурную коммуникацию. Появление новых объектов, требующих идентификации, реформирование экономики, изменение этнополитической ситуации, обращение к историческому прошлому, национальным культурным ценностям нашло воплощение в ономастике Казахстана и послужило импульсом к ономотворчеству [8]. Этот процесс отразился прежде всего на таких названиях, как *ойкодомонимы* и *эргонимы*.

Несмотря на то, что названия жилых комплексов (далее – ЖК) и различных коммерческих объектов формируются в результате искусственной номинации и регламентируются местными административными органами, они отражают накопленные знания о мире, культурные особенности, языковые предпочтения и ономастический вкус номинаторов. Это, безусловно, вызывает особый интерес для выявления названий, которые, по мнению и целям номинаторов, могут и должны запомниться и привлечь внимание потенциальных потребителей.

Помимо этого имена собственные имеют немаловажное значение для бурно развивающегося нейминга в условиях расширяющегося рынка услуг и товаров, в число которых сейчас включаются, на наш взгляд, и жилые массивы.

По мнению исследователей, в сознании жителей города формируются ономастические знания как результат человеческого осмысления объектов действительности городского пространства, которые распределяются на основе определенных признаков. Сведения о любом имени собственном, его специфике – это результат познания, концептуализации и использования конкретных слов для наименования объектов, предметов действительности [3]. Этот процесс двусторонний, поскольку есть номинаторы, создающие название объекта, и адресаты, на сознание которых ориентировано это название.

В казахстанской ономастике существуют имена собственные, которые не стали объектом заслуженного внимания и систематического исследования, однако они вызывают особый интерес, поскольку включены в номинативный процесс, в коммуникатив-

ное пространство и отражают особенности языкового сознания современного человека. К ним относятся, например, *ойкодомонимы* и *эргонимы*.

Ойкодомонимы, характерные для современного мегаполиса с многомиллионным населением, которым является г. Алматы, представляют интерес для исследователей.

По Р. В. Разумову и С. О. Горяеву, «мы имеем дело именно с названием жилого здания или комплекса зданий, а не организации, осуществляющей его застройку. Для обозначения подобных типов объектов мы и предлагаем использовать термин *ойкодомоним* как уже существующий в русской ономастике» [15, с. 197]. В белорусской ономастике использование этого термина связано с именем А. М. Мезенко [9].

Во втором издании словаря Н. В. Подольской названия ЖК отнесены к *ойкодомонимам* [13, с. 139]; в первом издании цитируемого словаря в статье «Урбаноним» использован описательный термин – «название отдельного здания» [12, с. 154].

В казахстанской ономастике исследование *ойкодомонимов* является новым направлением, получившим свое развитие благодаря исследованиям таких российских ученых, как А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Р. В. Разумов, С. О. Горяев, И. И. Жиленская и др. Опираются казахстанские исследователи и на опыт Р. L. Leslie, J. K. Skipper [20], А. Купмана [18] и др.

ЖК определяется как «архитектурное единообразие определенной группы строений, выделяющееся на общем фоне застройки, <...> самый важный вопрос в процессе создания жилых комплексов – целевая аудитория и ее потребности» [6]. Названия ЖК выполняют не только номинативную и адресную функции, но и функции идентификации и дифференциации из ряда им подобных.

Анализ *ойкодомонимов* г. Алматы представляет особый интерес с точки зрения развития городского лингвистического ландшафта. Следует отметить, что «до перестройки существовали микрорайоны с номерными знаками (6-й микрорайон, 9-й микрорайон и др.) и микрорайоны с казахскими именованиями типа *Айнабулак*, *Жұлдыз*, *Самал*, *Коктем*. С 1990-х гг. стали строиться ЖК, небольшие массивы с различными типами жилых зданий, которым также присваиваются казахские названия: *Мамыр*, *Шаңырақ*, *Теренқұр*, *Жаңа ғасыр*, *Жаңа толқын*, *Сәтті*, *Жетісу*, *Нұрлы тау*, аль-*Фараби* и др. [8]. С развитием строительства, концепция ЖК изменяется, жилыми комплексами стали называть более крупные, интегрированные проекты с разнообразными объектами инфраструктуры и услуг для жителей. С середины 2000-х гг. город стал свидетелем значительного роста строительства ЖК, что связано с ростом населения, увеличением спроса на жилье и развитием рынка недвижимости. В настоящее время архитектура города значительно пополнилась ЖК различного класса: эконом, комфорт, бизнес, премиум, клубного формата, что, несомненно, породило необходимость обозначения их особыми именами, о чем свидетельствует фактический материал, эксцерпированный по состоянию на январь 2022 г. из различных источников: баз данных строительных компаний: Базис-А, BI-Group, RAMS, Нов-эк, QazaqStroy, Exclusive, KSS и др.; онлайн-карт: Yandex map, Google map, 2GIS, онлайн-карты г. Алматы; навигационных онлайн-систем.

В Алматы введены в эксплуатацию 630 новых ЖК, каждый из которых имеет индивидуальное название. 364 *ойкодомонима* (58,8%) переданы на кириллице и транслитерированы, 266 (42,2%) переданы на латинице и не транслитерированы.

Выявлены следующие наиболее часто встречающиеся слова в названиях ЖК: *residence* (27)/ *резиденс* (31), *park* (9)/ *парк* (23), *city* (8)/ *сити* (22), *alatau* (5)/ *алатау* (12), *tower* (4)/ *тауэр*(с) (9), *villa* (8)/ *вилла* (9), *almaty* (3)/ *алматы* (7), *terrace* (5)/ *терраса* (6) и др.

Анализ материала показывает, что большей популярностью пользуются нетранслитерированные компоненты, переданные на английском языке. Транслитерированные названия на казахском языке представлены наименьшим числом. Так, наиболее распространенным в этом списке оказался компонент *residence*, который был использован

31 раз: этот компонент представлен в нетранслитерированных ойкодомонимах 27 раз и 4 раза – в транслитерированных ойкодомонимах. Слово *residence* в русском и казахском языках является заимствованием и означает: «Резиденция, *им.*, *ж.* Место постоянного пребывания правительства или главы государства, а также лиц, занимающих крупный административный пост. || *Устар.* Вообще местопребывание кого-л. [от лат. *residentia* – местопребывание]» [17]. Компонент *residence* означает «местопребывание» и включает семантику роскоши, призван создать впечатление гармонии, престижа и вписывается в стратегию маркетинга – соблазнение изысканностью и превосходством. Неудивительно, что 92 % названий жилых комплексов имеют в структуре компонент *residence*, являются жилыми объектами бизнес класса: *Ideal Residence*, *Dolce Vita Residence*, *Exclusive Residence* (нетранслитерированные), *Максима Ресиденс* (транслитерированный на кириллице) и др. Название *Central Esentai Residence* включает компонент *Есентай*, обозначающий название местной реки: «ЖК *Central Esentai Residence* – современный надежный и симпатичный комплекс, аккуратно помещенный в самое сердце развитого и престижного района – прямо на набережной реки Есентай» [5].

Вторую позицию в списке «модных» компонентов в структуре ойкодомонимов занимает слово *Park/Парк*, переданное на латинице и кириллице (фр. *parc*, англ. *Park*): *Park* – 19 раз в нетранслитерированных ойкодомонимах и *Парк* 4 раза в транслитерированных ойкодомонимах. В словаре русского языка отмечается несколько значений этого слова [16]. В случае с ойкодомонимами компоненты *Park – Парк* использованы в первом значении «1. Большой сад, роща с дорожками для гуляния. Французский *Parc*: засаженный зеленью и цветами по определенному архитектурному плану. Английский *Park*: в виде рощи или леса» [16], которое отражает благоприятную семантику: большой сад, роща с дорожками для гуляния.

Обращает на себя внимание ойкодомоним *Apple Park* с компонентом *park*, т.е. *Яблоневый парк*. В архитектурном проекте этого ЖК представлен прекрасный зеленый ландшафт: «Застроенная территория комплекса занимает всего 25%, остальная площадь – это зеленые насаждения. В дизайне жилого комплекса предусмотрены собственный парк, мини-скверы и фонтан» [4], «здесь <...> беговая дорожка, фонтан, цветочные клумбы, яблоневые сады и красивый сквер с зонами отдыха и малыми архитектурными формами. Жильцы смогут прогуляться в тени фруктовых деревьев по выложенным тротуарной плиткой дорожкам» [14]. В этом случае название соответствует характеристике объекта, подчеркивая все привилегии ЖК.

Рассмотрим уникальный по своей структуре и значению ойкодомоним *Aul resort Chalet Village*, который представляет гибридное образование, состоящее из четырех компонентов. В нем обнаруживается сочетание двух компонентов с одним и тем же значением «деревня». Первое казахское слово *ауыл* передано на латинице *Aul*, четвертый компонент в этом ойкодомониме – английское слово *village* в том же значении. Второй компонент *resort* – многозначное слово, одно из значений которого – «курорт – *holiday resort – seaside resort – winter sports resort*» [6]. Третий компонент – *chalet* означает: «*chalet* [ˈʃæleɪ] n фр. 1. шале, сельский домик (в Швейцарии); 2. дача, коттедж в швейцарском стиле» [11]. Следовательно, ойкодомоним состоит из казахского, английского и французского слов *aul + resort + chalet + village* в значении: аул + курорт + коттедж + деревня, в общем смысле ойкодомоним дает представление о том, что название ЖК воплощает замысел застройщиков: «Коттеджный городок *Aul Resort Chalet Village* позиционируется как загородное жилье для отдыха и расположен в уникальной рекреационной зоне, в экологическом чистом и тихом районе, с открывающимся панорамным видом на горные пейзажи. Двухэтажные дома исполнены в едином европейском стиле «Шале» [5]. Ойкодомоним *Aul resort Chalet Village* является ярким свидетельством полиязычия в Казахстане, соединения нескольких миров, и передает новое значение ‘курортный коттеджный аул в стиле шале’.

В связи с новыми номинациями в городском языковом пространстве Алматы происходит расширение эргонимии, которая позволяет получить важные сведения об имитаторстве современного человека, о ценностных ориентациях социума в определенный исторический период и т.д. В этот онимический ряд городского ономастического пространства вовлекаются имена исторических и литературных персонажей и наименования, хранящиеся в когнитивном сознании носителей казахской и русской культур: названия ресторанов, кафе г. Алматы – *Султан Бейбарс*, *Чингисхан*, *Царица Массажетов* – *Томирис*, *Алаша*, *Мұз Тау*, *Золотой теленок*, *Бедные люди*, *Скарлетт*, *Пугасов* и др.

Если топонимы и урбанонимы стали носить ярко выраженный национальный колорит, то эргонимы полиязычны по своему происхождению, демонстрируют состояние языковой ситуации в Казахстане, открыты для заимствований, динамичны, не подвержены строгому нормированию, быстротечны [8].

Эргонимы возникают в большинстве случаев на основе уже существующих понятий, образов и стереотипов этнического сознания. Это положение подтверждается богатым материалом городского ономастического пространства. Вновь создаваемым фирмам, предприятиям, магазинам, ресторанам, различным учреждениям и т.п. даются имена на основе тех знаний, которые хранятся в национальном сознании владельца: каз. *Ақ отау* (ресторан), *Жеке көл* (магазин), *Айгөлек*, *Ертарғын*, *Ертөстік* (детский сад), *Шипа* (аптека), рус. *Славянка* (ресторан), *Огонек*, *Ягодка* (детский сад), *У лукоморья* (зоомагазин), *У Афанасича* (ресторан), *У Ивана* (автомастерская), *На перекрестке* (кафе), *Шашлычная На Яссауи*, *Вкусно как дома* (кафе) и др. Интерес вызывают названия *На Байтурсынова*, *На Джандосова*, *Шашлычная На Яссауи*, *У апашики*, созданные по русской модели, но с национальным компонентом, который адаптирован русским языком в результате языкового контакта, взаимодействия двух языковых сознаний, двух контактирующих миров: русского и казахского.

Названия магазинов, ресторанов, кафе и других торговых точек разнообразны по своей семантике, визуальной информации, поскольку выполняют ключевую роль в привлечении клиентов. Эти названия обладают рядом особенностей, которые часто учитываются при их выборе: образность, метафорические и метонимические процессы, лежащие в основе именования конкретных денотатов, и лексический фон, т.е. совокупность знаний и информации, относящаяся к названному объекту. Те представления (знаки, символы, образы, мифологемы и т.д.), которые вкладывает человек в ИС, имеются в его сознании и детерминированы мышлением и теми витальными обстоятельствами, в которых он живет. Подобные названия отличаются своей уникальностью и воздействием на адресата с целью привлечения его внимания. Например:

1. Захватывающее и запоминающееся название

В нем может присутствовать игра слов, необычные сочетания или просто интересные фразы: *ЗаЕду* (продуктовый магазин), *Dom kazakhskogo gostepriimstva* (кафе), *Сваренное с душой разливное* (магазин разливных напитков).

2. Название, отражающее концепцию производителя (владельца, продавца) и т.п. или особенностей продукции

Название часто передает суть бизнеса или его специализацию: *Кулинарная Лавка № 1* # *Есть что поесть*, *От фермера экопродукты*, *Мясной мир*, *Seoul Mart* (корейский магазин), *capriccio Italian cuisine* (ресторан итальянской кухни, ассоциируется с Италией или итальянской культурой).

3. Название, направленное на целевую аудиторию

Название может быть адаптировано под целевую аудиторию. Например, *Lakomka* кондитерская, *Uti-Puti*, *Планета детства*, *Balbobek*, *Kud Cumi* (магазины детских товаров, игрушек).

Таким образом, ойкодомонимы и эргонимы, используемые в городском пространстве Алматы, отражают полиязычную ситуацию, сложившуюся в Республике Казахстан. Самым значимым для тех, кто создает названия, является оригинальность, запоминаемость, воздействие на сознание. Названия ориентированы на адресата, апеллируют к знаниям потенциальных покупателей, связаны с культурной семантикой.

1. Конституция Республики Казахстан, ст. 7 // [online.zakon.kz](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=5;-89#pos=5;-89). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=5;-89#pos=5;-89 (дата обращения: 19.04.2024).

3. Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / Отв. ред. и сост. Н. В. Аниськина. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014.

5. ЖК Central Esentai Residence в Алматы // URL: <https://krisha.kz/complex/show/central-esentai-residence> (дата обращения: 18.06.2024).

7. Лыкова Н. Токаев высказался о статусе русского языка в Казахстане // Tengri News, 01 сентября 2021. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-vyiskazalsya-o-statuse-russkogo-yazyika-v-kazahstane-447332/ (дата обращения: 18.06.2024).

9. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии: монография. Минск: Университетское, 1991.

10. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в Республике Казахстан. Астана, 2023 // URL: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/107/5zkn34tqn5atonvbohob28p7ebnrbc19/Национальный%20состав,%20вероисповедание%20и%20владение%20языками%20в%20РК.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

11. Новый большой англо-русский словарь // URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (дата обращения: 21.04.2024).

12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

13. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

14. Продажа квартир в ЖК Apple Park // URL: <https://korter.kz/%D0%B6%D0%BA-apple-park-%D0%B0%D0%BB%> (дата обращения: 24.05.2024).

15. Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города // Коммуникативные исследования 2019. Т. 6. № 1. С. 93–111.

16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ. 1935–1940.

17. Explore the Cambridge Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 11.03.2024).

18. Koopman A. Names of Dwellings // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford: Oxford Univ. Press., 2016. P. 636–644. URL: <https://academic.oup.com/edited-volume/34398/chapter-abstract/291722568?redirectedFrom=fulltext#no-access-message> (дата обращения: 14.03.2024).

19. Madiyeva G. B., Aliakbarova A. T. On Some Current Trends in Kazakh Anthroponymy (Based on Materials from Almaty) // Problems of Onomastics. 2020. Vol. 17, No. 2. P. 312–322.
20. Leslie P. L., Skipper J. K. Toward a Theory of Nicknames: A Case for Socio-Onomastics // Names. 1990. Vol. 38, No. 4. P. 273–282.

* * *

1. Konstituciya Respubliki Kazaxstan, st. 7 // online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=5;-89#pos=5;-89 (data obrashheniya: 19.04.2024).
2. Ob osobom statute goroda Almaty'. Zakon Respubliki Kazaxstan ot 1 iyulya 1998 g. № 258-І s izmeneniyami i dopolnениyami po sostoyaniyu na 08.06.24 // online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009786 (data obrashheniya: 22.06.2024).
3. Aktivny'e processy` v social'noj i massovoj kommunikacii: kollektivnaya monografiya / Otv. red. i sost. N. V. Anis`kina. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU, 2014.
4. ZhK Apple Park // URL: <https://www.kn.kz/zhilye-kompleksy/almaty/apple-park> (data obrashheniya: 07.06.2024).
5. ZhK Central Esentai Residence v Almaty' // URL: <https://krisha.kz/complex/show/central-esentai-residence> (data obrashheniya: 18.06.2024).
6. Korchemkina S. N., Kashkina S. K., Kurbatova S. V. Anglo-russkij stroitel'ny'j slovar'. M.: Russkij yazy'k, 2007.
7. Ly`kova N. Tokaev vy'skazalsya o statute russkogo yazy'ka v Kazaxstane // Tengri News, 01 sentyabrya 2021. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-vyiskazalsya-o-statuse-russkogo-yazyika-v-kazahstane-447332/ (data obrashheniya: 18.06.2024).
8. Madiyeva G. B. Imya sobstvennoe v kontekste poznaniya: monografiya. Almaty': Kazak universiteti, 2019.
9. Mezenko A. M. Urbanonimiya Belorussii: monografiya. Minsk: Universitetskoe, 1991.
10. Nacional'ny'j sostav, veroispovedanie i vladenie yazy'kami v Respublike Kazaxstan. Itogi Nacional'noj perepisi naseleniya 2021 g. v Respublike Kazaxstan. Astana, 2023 // URL: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/107/5zkn34tqn5atonvbhoob28p7ebnrbc19/Nacional'ny'j%20sostav,%20veroispovedanie%20i%20vladenie%20yazy'kami%20v%20RK.pdf> (data obrashheniya: 01.02.2024).
11. Novy'j bol'shoj anglo-russkij slovar' // URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (data obrashheniya: 21.04.2024).
12. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. M.: Nauka, 1978.
13. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988.
14. Prodazha kvartir v ZhK Apple Park // URL: <https://korter.kz/%D0%B6%D0%BA-apple-park-%D0%B0%D0%BB%> (data obrashheniya: 24.05.2024).
15. Razumov R. V., Goryaev S. O. Novy'e ojkodomimy` kak otrazhenie mental'noj karty` goroda // Kommunikativny'e issledovaniya 2019. T. 6. № 1. S. 93–111.
16. Ushakov D. N. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: V 4-x t. M.: Sovetskaya e'nciklopediya: OGIZ, 1935–1940.

Proper nouns in the linguistic space of city (at the material of Almaty)

The oikodomonyms and ergonyms of Almaty are studied. It is emphasized that the fundamental changes in the life of Kazakhstan, caused by the social and economical processes, influence on the content of the onomastic space: the naming units of realities are involved in the orbit of social order, included in the sociocultural communication and have a definite impact on the portrait of city.

The introduction of new objects, demanding the identification, economic reform, change of ethnopolitical situation, appeal to the historical past and national cultural values is realized in the onomastics of Kazakhstan and serves as the impact to the onomastic creative work.

Key words: *onomastics, onomastic space, oikodomonyms, ergonyms.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2024).

Е. В. САБИЕВА

М. Е КАКИМОВА

Р. К. АЛЁШИНА

Петропавловск, Казахстан

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАССКАЗАХ
М. А. ШОЛОХОВА**

Рассматриваются особенности функционирования антропонимов в рассказах М. А. Шолохова. Выделяются основные модели деривации личных имен. Даются лингвокультурные и социально-психологические характеристики антропонимических единиц.

Ключевые слова: *антропоним, оним, коннотация, художественное произведение, текст, интенция.*

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта ИРН АР19676219 «Интегральное исследование топонимического ландшафта приграничных районов Северного Казахстана и Российской Федерации» согласно Договору с Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан на грантовое финансирование № 243/23-25 от 03 августа 2023 г.

Ономастика как совокупность имен разных типов у каждого народа уникальна и самобытна. Формирование ономастического пространства в языке происходит под влиянием многих экстра- и интралингвальных факторов. Ученые-ономатологи подчеркивают важность изучения совокупности имен собственных во всем ее многообразии «для понимания особенностей культуры, менталитета народа, изучения его истории и этнографии» [5, с. 59].

Антропонимы образуют существенный пласт ономастического пространства языка, который находится в постоянном движении, но при этом меняется медленнее относительно нарицательных языковых единиц. Антропонимикон каждой эпохи имеет свой неповторимый состав. В имени собственном находят отражение разнообразные исторические языковые процессы [5, с. 60]. А. М. Мезенко отмечает большое разнообразие и вариативность антропонимической системы и распределяет ее единицы по следующим группам: личное имя (данное при рождении), фамилия, отчество, патроним, матроним (матчество), андроним (имя или прозвище женщины по мужу), мононим, прозвище, псевдоним, никнейм, подпольная кличка, криптоним (скрываемое имя), антропонимы литературного произведения и пр. «Из всех антропонимных единиц именно прозвище является самым древним. До принятия христианства большая часть имен представляла собой имена-прозвища (*Дуб, Заяц, Нелюб, Мил, Мороз, Кривой*)» [5, с. 79].

В современном русском антропонимиконе существует трехчленная паспортная формула: имя, фамилия и отчество. В коммуникативном употреблении каждый из компонентов этого полного именованного русского человека приобретает свою специфику и особые формы, наделенные коннотациями. А. В. Суперанская различает *индивидуальные* и *групповые* антропонимы. Индивидуальные выделяют отдельную личность из социума, групповые – это семейные имена [8, с. 174].

Имена собственные в языке и речи способны приобретать дополнительные коннотативные оттенки значения. Е. С. Отин рассматривает русские онимы различных рядов, которые приобрели при употреблении в языке дополнительные коннотации [7].

В художественном тексте особенности употребления онимов проявляются наиболее ярко. Ю. А. Карпенко указывает, что имена собственные являются важной составной частью словарного состава художественного произведения [2]. И. В. Крюкова отмечает, что коннотативные имена в тексте художественного произведения приобретают эмоционально-оценочные значения. Для этих единиц автор предлагает методику коммуникативного описания [4]. Н. В. Никитина, исследуя ономастическое пространство художественного произведения, говорит, что имена собственные содержат национально-культурный компонент значения, а их семантика богата страноведческим материалом [6].

Согласно точке зрения В. И. Супруна, в именах собственных в художественном тексте «проявляется богатая палитра коннотативных реализаций онимов» [9, с. 119]. При помощи деривационных возможностей личных собственных имен можно выразить все многообразие эмоционально-экспрессивных значений. Автор считает, что через контекстуальные связи и внетекстовые возможности можно проследить экстралингвистические характеристики онима. Он утверждает: «Ономастичность – важный параметр текстуальности, необходимый фактор текстообразования» [Там же].

В диссертации Е. Ф. Исаевой предлагается следующая классификация антропонимов в тексте: модели официального и неофициального именования личности, «говорящие» имена собственные, аллюзивные имена и прозвища [1]. В. И. Супрун выделяет три функции имен собственных в художественном тексте: 1) текстовая вежа; 2) единица ономастического фона; 3) опознавательный знак факультативного характера [9, с. 118].

В «Донских рассказах» М. А. Шолохова представлено более 50 личных имен с их вариантами. Наиболее частотными являются имена *Игнат, Прохор, Михаил, Анна*. В описываемое автором время (с 1914 по 1932 гг., Первая мировая война, Гражданская война, революция, голод) наиболее распространенными были имена *Елизавета, Евдокия, Авдотья, Фекла, Игнат, Степан, Иван, Семен, Михаил, Николай, Федор, Алексей, Василий* [3]. Исследователь творчества М. А. Шолохова А. М. Кочетов отмечает, что в Придонье отсутствовали «древнерусские имена, имевшие традицию в Центральной России: Святослав, Ростислав, Ярослав и некоторые другие, которых нет в православных святцах, а также имена Вадим, Владимир, Всеволод, Владислав, Вячеслав, – которые в святцах есть» [3].

Помимо назывной функции, которая является основной для антропонимов, в художественном произведении личные имена несут дополнительную смысловую нагрузку. Чаще всего литературные онимы в художественных произведениях выполняют номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, стилистическую и социальную функции.

Многие герои рассказов М. А. Шолохова имеют полную (официальную) форму имени: *Андрей, Николай, Прохор, Иван, Василий* и др. Имя *Пётр* имеет также народный вариант с конечным -о: *Петро*. Встречается в рассказах имя *Михайло* с этим же формантом. По аналогии с вариантами имен *Данила, Гаврила* появляется форма *Игната* (именительный падеж).

Большинство антропонимов в ономастическом пространстве произведений М. А. Шолохова являются дериватами полного имени. Словообразовательный анализ личных имен позволил выделить их основные деривационные модели.

1. Краткая форма имени, образованная путем усечения и смягчения основы с добавлением форманта -я/-а: *Витя, Настя, Лёня, Митя, Петя, Михаля, Федя*. В ряде имен происходит историческое чередование конечного согласного основы, в результате которого происходит вычленение суффиксоидов **-н-**, **-ш-**: *Дуня, Алёша, Гриша, Игнаша, Маша, Мариша, Миша, Паша, Яша*. Краткая форма *Нюра* возникла путем начального усечения ласкательной формы *Анюра*. От древнерусского имени Володимѣръ образована краткая форма *Володя*, которая стала соотноситься с полным именем *Влади-*

мир. Все эти имена – стилистически нейтральные формы русского краткого антропонима, используемые при обращении к равному или младшему.

2. Фамильярно-уничижительная форма имени, образованная от краткого имени при помощи суффикса -к- (со смягчением и историческим чередованием звуков): *Лёнька, Ванька, Петька, Аниська, Варька, Васька, Ефимка, Митька, Полька, Минька, Мишка, Гришка, Наташка, Нюрка, Прошка, Тимошка, Сёмка, Стёпка, Стешка, Антошка, Игнашка, Аркашка, Федька*. Имя используется при обращении к равному или к младшему по возрасту или социальному статусу. В народной среде уничижительность в этой форме обычно снимается, имя становится нейтральной формой обращения. При присоединении суффикса -к- к полному имени дериват приобретает уменьшительно-ласкательные коннотации: *Иринка, Маринка, Николка*.

3. Уменьшительно-ласкательная форма имени, образованная от краткого или полного имени при помощи суффиксов -еньк-, -уш-/юш-, -ушк-/юшк-, -яш-, -очк-: *Настенька, Митенька, Мишенька, Андрюша, Ванюша, Петюша, Сёмушка, Стёпушка, Николушка, Минюшка, Олюшка, Ванюшка, Дуняша, Данилушка, Ефимушка, Аникушка, Феклуша, Фомушка, Тамарочка*. Имя используется для передачи хорошего отношения, ласкательности, любви к именуемому персонажу.

4. Формы кратких имен, образованные при помощи суффиксов -атк-, -ятк-, -ак-, -яй-, --яшк-, ух-, -ях-: *Гришак, Дунятка, Гришатка, Митяй, Михалятко, Петяшка, Нюратка*. Данные суффиксы образуют стилистически сниженные антропонимы, используемые при фамильярном дружеском обращении или при именовании младшего по возрасту или социальному положению.

Встречаются и индивидуально-авторские формы имени: *Микишара* – неофициальный дериват имени *Никифор* (*Микихвор*).

Собранный нами антропонимический материал позволил распределить выделенные из текстов рассказов единицы по следующим коммуникативным основаниям: личное имя, фамилия, отчество (чаще имя + фамилия или имя + отчество); краткая и оценочная форма имени; фамилия; самостоятельное отчество; прозвище; имя + профессиональное наименование; имя + патроним («чей сын»); имя + наименование родства и др.

1. Имя и фамилия: *Демьян Бедный, Соколов Андрей, Николай Кошевой, Ефросинья Мельникова, Прохор Лиховидов, Иван Алексеев* и мн. др.

2. Только фамилия: *Долбышев, Зифф, Соколов, Крыжнев, Мартынова, Мюллер, Ленин, Синицын, Терещенко, Томилины, Шибалок, Шустров, Игнатъев, Тесленко, Бодягин, Богачев, Прошин, Филимонов*. Обращение по фамилии распространено в военной среде.

3. Имя и отчество: *Анна Сергеевна, Анисим Петрович, Василий Тимофеевич, Владимир Ильич, Гаврила Василич, Григорий Климыч; Данила Лукич, Ефим Миколаич, Игнат Михалыч*. В отчествах автором переданы фонетические особенности произношения (синкопа). Подобные именованья свидетельствуют об уважительном отношении к именуемому лицу. Обращение по имени и отчеству является вежливой коммуникативной формой русской лингвокультуры.

4. Краткая форма имени может сочетаться с фамилией. В этом случае именование является неофициальным: *Николка Кошевой, Игнашка Бодягин, Дунька Воробьева*. Коннотации выражаются формой имени, фамилия используется как нейтральный элемент именованья персонажа.

5. Только отчество: *Лукич, Анисимовна, Алексеевич, Пахомыч, Прохорыч, Тимофеевна, Прокофьевич, Фомич*. Подобное обращение распространено в крестьянской среде, оно обычно свидетельствует об уважении к именуемому.

6. Имя / фамилия и название по профессии, титулу или званию: *столяр Иван Тимофеевич, пастух Фома, Егор-мельник, Дунька Игнатов работница, Дунька-работница, Федот-сапожник, пан Томилин, портной Егорка, Игнат-мельник, секретарь ячейки*

Политов, кузнец Тихон, старшина Боков, милиционер Прошин, Фома-постовал, полковник Чернойров и др.

7. Только патроним и имя («чей сын»): *Витька – попов сынок*.

8. Имя и наименование родства: *Прохор, зять лавочника; Игнатов зять; Максимова жена; дядя Игнат; дед Гаврила, дед Захар, старик Нестеров, дедушка Ермил (из песни), Васькина мать, Пахомычева старуха, дочь лавочника Федюшина*.

В русской народной культуре существовали также женские прозвища, образованные от имени или отчества мужа. В художественном тексте М. А. Шолохова мы встретили прозвище *Макарчиха* (< Макар). Другую героиню именуют притяжательным прилагательным от отчества мужа – *Пахомычева старуха* (< Пахомыч).

Антропонимы позволяют определить социальный статус героя. Без имени у М. А. Шолохова предстают персонажи, которым свойственно типичное для их социального положения или профессии поведение: *старуха, майор, атаман*. Поведение этих персонажей не меняется по ходу произведения.

В рассказе «Судьба человека» антропонимы характеризуют отношение главного героя Андрея Соколова к другим персонажам. В тексте можно проследить, как менялся характер главного героя. Война не ожесточила, а смягчила его. Поначалу Андрей Соколов боялся показать свои чувства к жене и называл ее полным именем *Ирина*. Но впоследствии стал называть ее *Иринка*. Ласково он называет своих дочерей *Олюшка* и *Настенька*, но старшего сына зовет полным именем *Анатолий*. Найденыша он называет *Ванюшка, Ванюша*. Вся любовь измученного сердца солдата направлена теперь на сироту. Немецкого лагерфюрера он зовет по фамилии *Мюллер*, а майора, на которого работал много месяцев, относившегося к нему, как к собаке, никак не называет, отказывая ему в имени, и в конце убивает его без жалости.

Таким образом, антропонимические единицы в рассказах М. А. Шолохова служат не только средством номинации действующих лиц и их социальной и психологической характеристики, но и выражают отношения между героями. Интенции автора отражают такие морально-нравственные понятия русского народа, как любовь, доброта, уважение к старшим, отношение к женщине, связь поколений.

Список литературы

1. Исаева Е. Ф. Функции антропонимов в художественном тексте (на материале произведений испанских и русских авторов конца XX – начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2012.
2. Карпенко Ю. А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Одесса: Изд-во Одес. ун-та, 1984. С. 34–48.
3. Кочетов А. М. Имена в романе «Тихий Дон» и в жизни // Культура: Научно-культурологический журнал. 2019. № 12 (365) // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=> (дата обращения: 14.05.2024).
4. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Хвесько Т. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: особенности понимания и воспроизведения // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 177–190.
5. Мезенко А. М. Теория имени собственного: Учеб. пособие. Витебск: Изд-во ВГУ имени П. М. Машерова, 2022.
6. Никитина Н. В. Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2006.
7. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток ЛТД, 2004.
8. Суперанская А. В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969.
9. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000.

1. Isaeva E. F. Funkcii antroponimov v xudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij ispanskix i russkix avtorov koncza XX – nachala XXI veka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: Ros. un-t družby` narodov, 2012.
2. Karpenko Yu. A. Specifika onomastiki // Russkaya onomastika. Odessa: Izd-vo Odes. un-ta, 1984. S. 34–48.
3. Kochetov A. M. Imena v romane «Tixij Don» i v zhizni // Kul`tura: Nauchno-kul`turologičeskij zhurnal. 2019. № 12 (365) // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=> (data obrashheniya: 14.05.2024).
4. Kryukova I. V., Vrublevskaya O. V., Xves`ko T. V. Konnotativny`e imena sobstvenny`e postsovet'skogo perioda: osobennosti ponimaniya i vosproizvedeniya // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2021. № 3. S. 177–190.
5. Mezenko A. M. Teoriya imeni sobstvennogo: Ucheb. posobie. Vitebsk: Izd-vo VGU imeni P. M. Masherova, 2022.
6. Nikitina N. V. Onomasticheskoe prostranstvo poe`zii A. T. Tvardovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk: Smolenskij gos. un-t, 2006.
7. Otin E. S. Slovar` konnotativny`x sobstvenny`x imen. Doneczk: Yugo-Vostok LTD, 2004.
8. Superanskaya A. V. Struktura imeni sobstvennogo: Fonologiya i morfologiya. M.: Nauka, 1969.
9. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo yazy`ka i ego xudozhestvenno-e`steticheskij potencial: monografiya. Volgograd: Peremena, 2000.

***Specific features of onomastic space at the material of anthroponyms
in the collection «The Don stories» by M. A. Sholokhov***

*The specific features of functioning of anthroponyms in the stories by M. A. Sholokhov are considered.
There are revealed the basic models of derivation of personal names. The linguocultural
and sociopsychological characteristics of anthroponymic units are given.*

Key words: *anthroponym, onym, connotation, fictional work, text, intention.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2024).

Б. Д. КОКОВА
Л. Д. КОКОВА
М. М. ШЕРИЕВА
Нальчик

**ОНОМАСТИКА РОССИЙСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
(по роману В. А. Каверина «Два капитана»)**

Исследуются онимы, использованные в романе В. Каверина «Два капитана». Делается вывод, что онимы, связанные с темой освоения российского Севера, являются частью образной системы произведения и создают неповторимую атмосферу романа.

Ключевые слова: *оним, антропоним, топоним, гидроним, ономастика.*

*«...горько мне думать о всех делах,
которые я мог бы совершить, если бы мне не то
что помогали, а хотя бы не мешали...
Одно утешение, что моими трудами открыты
и присоединены к России новые обширные земли...»
В. А. Каверин «Два капитана»*

Изучению литературной, или поэтической ономастики посвящены труды В. А. Никонова, М. В. Горбаневского, Ю. А. Карпенко и других исследователей. Ономастический анализ осуществлялся на материале текстов произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. А. Булгакова и др. [5].

Топонимы, отражающие освоение северных земных и морских просторов, связаны, как правило, либо с именами их первооткрывателей, либо с народными географическими терминами и языками аборигенов этих земель. Их пестрота и многообразие определяются историко-культурными особенностями региона Крайнего Севера, его этническим многообразием.

Русскому географическому обществу принадлежит важная роль в изучении топонимии в целом и названий Севера в частности. «Между тем топонимические работы показывают, что наука накопила много интересного именно в этой области, что обогатило историю, географию и языкознание» [6, с. 81].

Прототипами капитана Татаринова в романе стали полярные исследователи Георгий Седов и Георгий Брусилов. В 1912 г. исследовать Арктику отправились три экспедиции: лейтенанта Георгия Седова на судне «Святой Фока», геолога Владимира Русанова на боте «Геркулес» и лейтенанта Георгия Брусилова на шхуне «Святая Анна». Их роль в российской истории освоения северных земель сложно переоценить. Все три экспедиции были приурочены к 300-летию дома Романовых. Насколько тяжелыми и рискованными были эти попытки, можно судить по дневникам Г. Седова: «Среда, 12 февраля... Холод стоял адский, при 35° ветер в 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Я еду больным в полюсном костюме, как чучело, и все таки прозяб, дорога отвратительная: масса ропак, приходится проводить по одной нарте... собаки очень мерзнут и плохо везут... Прошли около 15 верст и остановились в 4 часа ночевать уже у Земли Рудольфа. Сегодня минимум минус 42°. Сейчас дует балла на 4 Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса» [7, с. 183].

О роли России в освоении Севера капитан писал так: «Человеческий ум до того был поглощен этой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которые путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием. В этом состязании участвовали почти все цивилизованные страны, и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг» [3, с. 122].

В. А. Каверин писал: «В “Двух капитанах” я воспользовался неразборчивым факсимиле письма лейтенанта Брусилова к матери, и дотошный школьник не только добрался до источника, но и доказал, что два слова были прочитаны неверно. “Истина деталей – сама по себе деталь в той общей картине достоверности, без которой не может существовать искусство. Два обстоятельства возлагаются на всякого, кто избирает литературную профессию: быть верным факту и трактовать его с добрым намерением”, – писал Стивенсон» [4, с. 19]. «Собирая материал для литературного произведения, он ежеминутно проводит аналогии между собой и своими героями. Думая о них, он волея-неволей думает о себе, представляя себя в тех обстоятельствах, в которых находятся его герои. Понимание собственной жизненной задачи помогает ему понять и объяснить эту задачу в жизни тех, о ком он пишет» [4, с. 20].

В письмах и дневниках капитана Татарина и штурмана Климова В. А. Кавериным представлена практически вся ономастика освоения Севера. Первые названия, связанные с экспедицией, появляются на страницах романа вместе с письмами капитана Татарина и штурмана Климова, которые были выловлены Саней и Петькой из Песчинки: «Глубокоуважаемая Мария Васильевна!.. Надеюсь вскоре увидиться с Вами, не буду рассказывать Вам о нашем тяжелом путешествии на Землю Франца Иосифа по плывучим льдам. Невероятные бедствия и лишения приходилось терпеть. Скажу только, что из нашей группы я один благополучно (если не считать отмороженных ног) добрался до мыса Флора. “Св. Фока” экспедиции лейтенанта Седова подобрал меня и доставил в Архангельск... “Св. Мария” замерзла еще в Карском море и с октября 1913 г. беспрестанно движется на север вместе с полярными льдами» [3, с. 8].

Земля Франца Иосифа – «архипелаг в Северном Ледовитом океане (СССР); обнаружен в 1873 г. австро-венгерской экспедицией и назван по имени императора Франца Иосифа. Другое название – *Земля Фритьофа Нансена*» [8, с. 447]. На вероятность существования архипелага указывали в 1865 г. русский морской офицер Н. Г. Шиллинг и известный ученый-географ П. А. Кропоткин в 1870 г. [9, с. 162].

Мыс Флора входит в состав архипелага Земля Франца Иосифа. В наши дни используется для высадки полярных экспедиций. Мыс назван, вероятно, в честь Флоры. «Она была богиней цветов, расцвета, весны и полевых плодов; в честь ее у сабинян был назван месяц, соответствующий апрелю или маю» [1, с. 785].

Архангельск. С XII в. здесь существовал монастырь Михаила Архангела. В 1584 г. у высокого мыса Пур-Ниemi (от финноугор. пуру ‘метель’, ниemi ‘наволоч, коса’) было начато строительство порта для торговли с Западной Европой. Его называли *Новые Холмогоры*, *Новый Холмогорский город*, поскольку ранее главным портом было с. *Холмогоры* на Северной Двине. Местные жители называли его по монастырю *Архангельский город*, с 1613 г. это название стало официальным, от него было образовано слово архангелогородцы, используемое до сих пор для обозначения жителей. Позже топоним сократился до *Архангельск* [8, с. 33–34; 9, с. 45].

Карское море – «море Сев. Ледовитого океана, восточнее Новой Земли. Названо по р. Кара, впадающей в него на Югорском полуострове и оказавшейся ближе на пути русских поморов, название сначала относилось только к западной части этого моря. Море

дало еще один гидронимический оним *Карские ворота* – пролив между островами *Вайгач* и *Новая Земля*» [8, с. 181].

Название *Карское море* появилось в XVIII в. Впервые оно так названо на карте Василия Селифонтова 1736 г., составленной по результатам работы Двинско-Обского отряда Великой Северной экспедиции. Поначалу гидроним относился только к акватории близ Карской (ныне Байдарацкой) губы: часть моря близ устья Оби и Енисея называлась Мангазейским морем по русскому городу Мангазею, а вместе с другими морями, омывающими побережье Сибири, – Северным или Тартарским (на иностранных картах). В частности, на карте Эдварда Уэллса море именуется Тартарским. Голландец Николаас Витсен именует море Ледяным, а француз Жак де Кампредон Ледовитым, что перекликается с ненецким словом. Название *Карское море* в его современных границах принято в 1935 г.

Югорский шар – «пролив между островом Вайгач и материком, соединяющий Карское и Баренцево моря; ненецк. *шар* ‘пролив’; Югорской землей называли новгородцы в XI в. обширную территорию на С.В. по народу югра (угры)» [8, с. 488].

История пропавшей в северных льдах экспедиции никогда не оставляла героев романа. Автор умело ведет Саню Григорьева к раскрытию тайны гибели капитана Татаринова: «Он был великим путешественником, которого погубило непризнание, и его история выходит далеко за пределы личных дел и семейных отношений. Великий Северный путь открыт – вот его история. Сквозное плавание по Ледовитому океану в одну навигацию – вот его мысль...» [3, с. 216].

Северная Земля – «архипелаг в Северном Ледовитом океане. Открыт в 1913 г. русской экспедицией Вилькицкого и назван *Острова Николая II* по имени царя. Переименован в 1926 г. в С. З.» [8, с. 374].

Следы экспедиции или разговоры о ней вплетены в сюжет романа, иногда неожиданно. Во время одного из вылетов в Заполярье Саня находит багор со шхуны «Святая Мария» и делает предположение о его истории: «Очевидно, ненцы нашли его на Северной Земле, – продолжал я, волнуясь. – Или нет, конечно, не на Северной Земле, а где-нибудь на побережье... – Доктор, Таймыр! – заорал я таким голосом, что он снова посмотрел на меня с беспокойством. – Таймыр! Самое близкое к Северной Земле побережье!» [3, с. 257].

Таймыр – «полуостров в Азии. Это же название носит озеро на полуострове, остров у его северного побережья. Название Таймыр от *таймура* ‘обильный, богатый’» [8, с. 405]. По мнению Е. М. Поспелова, «Таймыр... назван в 1843 г. первым научным исследователем этого края, русским естествоиспытателем А. Ф. Миддендорфом по реке Таймыре, которая была известна русским с начала XVIII в. Реку называли эвенкийцы, проникавшие сюда в XVI-XVII вв., у которых *таймур* или *таймир* означает ‘обильный, богатый’, что связывают с рыбными богатствами реки» [10, с. 184–185].

Северный Ледовитый океан – «один из океанов земного шара. Древнерус. *Студеное море*; в рукописях XIII в. *Дышащее море*; англ. *Arctic ocean*; другие названия: *Северное Полярное море*, *Северное Ледовитое море*, *Арктическое море* и пр. Название закреплено в 1935 г.» [8, с. 374]. Впервые название появилось на карте XVII в. как *Гиперборейский океан*: «это название образовано из др.-греч. *борей* – мифический бог северного ветра. В иностранных источниках того времени для этого океана находим также названия *Oceanus Septentrionalis* ‘Северный океан’... На русских картах XVII-XVIII вв. употребляются названия *Морской океан*, *Море океан Ледовитый*, *Ледовитое море*, *Ледовитый океан*, *Арктический океан*» [10, с. 170]. Название *Северный Ледовитый океан* было предложено русским мореплавателем и ученым, адмиралом Ф. П. Литке, проводившим исследования в Арктике в 20-х гг. XIX в.

Северное море – «часть Атлантического океана между о. Великобритания, Скандинавским полуостровом и материковым побережьем Европы. Названо голландцами в

противоположность *Зейдерзее* (южное море). В некоторых странах употребляется другое название – *Немецкое море*» [8, с. 374].

Ямал (*Ялмал*) – «п-ов на Карском море в сев. части Тюменской обл. из ненецких слов *я* ‘земля’, *мал* ‘конец’, т.е. ‘конец земли’» [8, с. 374]. В XVIII в. топоним относился только к мысу на северо-западной оконечности полуострова, позже он был распространен на весь полуостров [9, с. 490].

Шпицберген – «архипелаг в Северном Ледовитом океане. Известен русским поморам в XV в. с названием *Грумант* (из швед. *Grönland* ‘зеленая земля’ – тезка Гренландии. В 1596 г. его повторно открыл голландец В. Баренц и назвал Ш. (*spitz* ‘острый конец’, *bergen* ‘горы’) за зубчатую форму гор. Скандинав. *Свальбард* ‘холодный край’» [8, с. 480].

Баренцево море – «море Сев. Ледовитого океана на С. Европы. Названо в память голланд. мореплавателя В. Баренца (1550–1597), который исследовал его, трижды пытаясь пройти Северным морским путем на восток, и погиб, затертый льдами у Новой Земли» [8, с. 44].

Новая Земля – «острова в Сев. Ледовитом океане, между Баренцевым и Карским морями. Названы, возможно, еще в XII в. рус. поморами-новгородцами. За рубежом открытие Н. З. приписывают англ. экспедиции 1553 г. Х. Уиллоуби, вопреки неоспоримым материальным и документальным памятникам; сама английская экспедиция сообщила об этих островах только под их русским названием. У русск. поморов Н. З. носила название *Матка*» [8, с. 295].

Маточкин Шар – «пролив между Северным и Южным островами Новой Земли. У северорус. поморов диалект. *шар* ‘пролив’ заимствовано из языка коми (а не из рус. *шарить*, т.е. искать пути, как еще недавно объясняли это название). Вероятнее, основа *матка* – так поморы в старину называли Новую Землю» [8, с. 260–261].

Прощальные документы и письма капитана – это гимн всем путешественникам, истинным патриотам своей Родины, мечтавшим не о славе, а о могуществе России: «Надеюсь, что письмо дойдет до вас. Я пишу его в ту минуту, когда путешествие наше подходит к концу, и, к сожалению, заканчиваю его в одиночестве. Не думаю, чтоб кто-нибудь на свете мог справиться с тем, что пришлось перенести нам. Все мои товарищи погибли один за другим, а разведывательная партия, которую я послал в Гальчиху, не вернулась... Не очень терзался бы, покидая сей мир, потому что чувствую, что нашей родине не приходится нас стыдиться. У нас была большая неудача, но мы исправили ее, вернувшись к открытой нами земле и изучив ее, сколько в наших силах» [3, с. 535–536].

Гольчиха – река в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края. В тексте романа гидроним отражен в акающей форме.

Хатанга – «р. в сев. части Красноярского края. По мнению Э. М. Мурзаева, из имени нарицательного со знач. ‘река’» [8, с. 453].

Енисей – «р. в Сибири. Селькупск., хантыйск. или эвенк. *иондесси* ‘большая река’ русские приняли в XVI в. в тюркизованной форме» [8, с. 136]. По другой версии, гидроним возник от эвенкийского топографического термина *енэ*, *йэнэ* ‘большая река’, так эвенки называли Ангарау и Енисей в месте их слияния и ниже. Поселившиеся на берегах среднего Енисея кеты добавили к названию свой термин *сес*, *сьес* ‘река’, а русские первопроходцы гидроним *Енэсес* или *Йэнэсьес* переделали в Енисей [9, с. 151].

Топонимы Севера вплетены в канву романа настолько точно, что даже упоминание о каком-то из них характеризует героев. Официальное разоблачение Николая Антоновича Саней Григорьевым во время доклада в Географическом обществе – пример тому: «...в своих статьях он продолжал утверждать, что всегда был благодетелем капитана Татарина и что даже самая мысль “пойти по стопам Норденшельда”, как он пишет, принадлежала ему» [3, с. 553].

Русский Остров – «название нескольких островов в морях Сев. Ледовитого и Тихого океанов. Наиболее значительны: 1) в арх. Норденшельда, полярная станция; 2) в заливе Петра Великого Японского моря» [2, с. 362].

Выдающийся ученый-топонимист Э. М. Мурзаев в «Очерках топонимики» так высказался об ономастических исследованиях любого региона: «В течение тысячелетий рождались географические названия, они возникают и на наших глазах. Мы свидетели этого нескончаемого процесса. Каждая историческая эпоха вызывает новые топонимы, присущие только ей» [6, с. 92].

Одна из главных задач автора «Двух капитанов» – отдать дань памяти российским исследователям северных земель – решена блестяще, и ономастика в романе помогла в решении этой задачи. Названия, которые не являются литературным вымыслом, а начертаны на карте России, умело вплетены в сюжет романа.

Список литературы

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2006.
2. Географический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Каверин В. А. Два капитана. М.: Детская литература, 1984.
4. Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. М.: Современник, 1989.
5. Кокова Л. Дж. Ономастические особенности ранних произведений А. Н. Рыбакова // Филологический аспект: Международный научно-практический журнал. 2023. № 11. С. 7–16.
6. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
7. Нагорный С. Г. Георгий Седов. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950.
8. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Наука, 1966.
9. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002.
10. Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. М.: Просвещение, 1988.

* * *

1. Brokgauz F. A., Efron I. A. Illyustrirovannyj e`nciklopedicheskij slovar`. M.: E`ksmo, 2006.
2. Geograficheskij e`nciklopedicheskij slovar`. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1983.
3. Kaverin V. A. Dva kapitana. M.: Detskaya literatura, 1984.
4. Kaverin V. A. Schast'e talanta: Vospominaniya i vstrechi, portrety` i razmy'shleniya. M.: Sovremennik, 1989.
5. Kokova L. Dzh. Onomasticheskie osobennosti rannix proizvedenij A. N. Ry`bakova // Filologic heskij aspekt: Mezhdunarodny`j nauchno-prakticheskij zhurnal. 2023. № 11. S. 7–16.
6. Murzaev E`. M. Oчерki toponimiki. M.: My`s'l`, 1974.
7. Nagorny`j S. G. Georgij Sedov. M.: Gos. izd-vo geograficheskoy literatury`, 1950.
8. Nikonov V. A. Kratkij toponimicheskij slovar`. M.: Nauka, 1966.
9. Pospelov E. M. Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar` / Otv. red. P. A. Ageeva. 2-e izd., stereotip. M.: Russkie slovari; Astrel`; ACT, 2002.
10. Pospelov E. M. Shkol`ny`j toponimicheskij slovar`. M.: Prosveshhenie, 1988.

The onomastic space of the novel «Two captains» by V. Kaverin

The onyms, used in the novel «Two captains» by V. Kaverin, are studied. It is concluded that the onyms, associated with the theme of developing the Russian North, are the part of the imagery of the work and create the unique atmosphere of the novel.

Key words: *onym, anthroponym, toponym, hydronym, onomastics.*

(Статья поступила в редакцию 28.06.2024).

Л. Н. САВИНА

А. О. ПУТИЛО

Волгоград

АРХЕТИП ИУДЫ В ПОВЕСТИ С. Н. СИНЯКИНА «МРАК ТЕНИ СМЕРТНОЙ»

Анализируется архетип Иуды в повести С. Н. Синякина «Мрак тени смертной». Евно Азеф рассматривается в одном ряду не только с братоубийцей Каином и Иудой Искаротом, но и с предателем самого Творца – Люцифером. Отмечается тождественность природы доносительства, терроризма и фашизма, истоки которой находятся в отступлении человека от нравственного закона и стремлении присвоить себе функции Бога. Подчеркивается, что, в отличие от евангельского текста, С. Н. Синякин выдвигает еще один мотив предательства – склонность к театрализации и азарт игры, возведенный на христианский уровень.

Ключевые слова: архетип, Иуда Искарот, мотив предательства, библейские образы, С. Н. Синякин.

Отечественная и зарубежная литература знает немало воплощений образа Иуды Искарота, недаром имя этого апостола «стало хрестоматийным при номинации лица, совершающего предательство» [5, с. 46]. Архетип Иуды «представляет собой в определенном смысле образ и роль человека под влиянием бессознательного подчинения законам глубоких пластов коллективной психики. Играя эту роль, человек ведет себя словно по спланированной программе и демонстрирует в типических условиях тождественное поведение вне зависимости от времени и пространства» [1, с. 16]. Являясь одной из знаковых фигур художественной словесности, данный архетип неоднократно становился объектом исследований современных ученых [1; 2; 4; 5; 6; 10].

«Культурная традиция оценки образа Иуды сформировалась под влиянием Евангельских текстов, причем в каждом из них предпринималась попытка, так или иначе, объяснить мотивы, побудившие его к предательству. Наиболее «простая» трактовка сюжета представлена в Евангелии от Матфея, в котором действия Иуды мотивированы жадной наживы, наиболее сложная версия событий изложена в Евангелии от Луки, где Иуда оказывается невольным исполнителем пророчества и, вместе с тем, орудием дьявола. Ни в одном из новозаветных текстов Иуда не оправдан, приговор однозначен: что бы ни побудило его к действию, он – предатель» [2, с. 26]. «Со времени Иуды имя предателя окружено презрением. Тридцать сребреников стали символом самого позорного человеческого греха. Так уж сложилось в человеческом восприятии, что предать – это еще хуже, чем убить» [7, с. 46].

Свой вариант реинкарнации данного архетипического образа представил в философской повести «Мрак тени смертной» (2009) волгоградский писатель Сергей Николаевич Синякин (1953–2020). Это произведение, до сих пор еще не ставшее предметом литературоведческих изысканий, таит в себе немало загадок и явно не предполагает однозначных трактовок. Сюжетная канва повести строится на сочетании реалистическо-

го пласта, создаваемого автором при помощи отсылок к документальным источникам, и библейского подтекста, органично дополняемого древними христианскими апокрифами и иудейской религиозной литературой.

Художественное пространство данного произведения можно представить в виде спиралевидного восхождения по сценариям, связанным с трагедией еврейского народа, с темой дня траура 9 ава, когда «произнесен был Божественный приговор над выходцами из Египта, чтобы они погибли все в пустыне и не ступили в Землю Обетованную» [8]. Своеобразными «витками» этой временной спирали становятся события, описанные в книге Исхода (1312 г. до н. э.), средневековые гонения иудеев гезера (1421) и страдания евреев в фашистских концлагерях (1939–1943).

В поисках истоков предательства С. Н. Синякин обращается к целому ряду религиозных образов и мотивов. В центре повествования оказывается двойной агент, являющийся, с одной стороны, главой боевой организации эсеров в дореволюционной России, с другой – тайным осведомителем царской охраны. Удачно избежав мести со стороны бывших сотоварищей, Евно Азеф скрывается под чужим именем за границей, но рок настигает его и там: гестаповцы отправляют старого еврея в концлагерь Берген-Бельзен. Осознание того, что прошлое никуда не исчезло, становится своеобразным триггером для данного персонажа, побуждая Азефа погрузиться в пучину воспоминаний и самоанализа.

Выстраивая своеобразную триаду – Каин-Иуда-Азеф, С. Н. Синякин указывает на разнообразие мотивов, подталкивающих предателей всех времен и народов к преступлению: это могут быть деньги, страх, зависть, ненависть к своим жертвам или к стране, не оценившей будущих шпионов, а возможно, и склонность к авантюризму. Однако, по мнению писателя, истинной «пружиной предательства» является попытка человека сотворить кумира из самого себя, стать неким подобием Бога, ощутить власть над окружающими его людьми. Это чувство приносит Азефу немалое удовольствие. Нарушив заповеди, данные Богом, он утрачивает внутренний ориентир – голос совести. Пытаясь заглушить внутренние сомнения логическими доводами и представить предательство как богоугодное и крайне полезное государству и обществу дело, Азеф стремится рационально обосновать отступление от нравственного закона изменчивостью понятий добра и зла под воздействием внешних обстоятельств. И тут-то неминуемо возникает образ Дьявола. Восстав против Бога, именно он совершил первое предательство, поэтому все, презревшие любовь к Всевышнему и ближним своим, являются его последователями и несут на своем челе каинову печать. «Я» вместо Иисуса – есть не что иное, как отсылка к падению Сатаны, которое совершилось в начале творения мира (Лк. 10, 17). Причиной падения стало желание Люцифера стать Богом и занять Его место» [2, с. 22]. Таким образом, выбрав путь зла, Азеф становится в один ряд не только с братоубийцей Каином и Иудой Искаротом, обрекшим Христа на распятие, но и с предателем самого Творца – Люцифером, «Рогатым Ангелом». Его Бог, в отличие от Бога Живаго, это Бог мертвых. Обрекая других на смерть, предатель и сам становится жертвой. Не случайно антагонистом, «злым гением» Азефа является Ицхак Назри, своеобразная ипостась Иисуса Назарянина. Однако Азефу не дано как Ицхаку Назри воскрешать мертвых и самому воскреснуть. «Мертвые не наследуют ничего» [7, с. 56] – эта цитата из «Евангелия от Филиппа», одного из гностических апокрифических евангелий, подводит печальный итог размышлениям Азефа, отрицающего возрождающий душу стыд как вечную категорию, существующую в мире независимо от природы.

Присутствие дьявольского начала подчеркивается в повести С. Н. Синякина многочисленными говорящими деталями: черной формой эсэсовцев, печами крематория, напоминающими топки преисподней, вычурным чернильным прибором на столе Пиллада, представляющим собой своеобразную проекцию ада: «На плоской подставке высился холм, на холме горел костер, и в пламени его темнел котел, в который были нали-

ты чернила. Рядом с чернильным котлом сцепились в поединке дьявол и черт. Одному року было ведомо, кто в этой жестокой схватке победит» [7, с. 92].

Еще один исток предательства С. Н. Синякин видит в неопределенности нравственной позиции человека, в попытке «встать одновременно на сторону добра и вместе с тем продолжать защищать зло» [7, с. 10]. «Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать» [Там же, с. 11] – заимствуя из Книги Екклесиаста [3] это высказывание, писатель изменяет в нем лишь одну букву, превращая слово «жать» в «жить», тем самым переиначивая смысл библейского стиха. Отметим, что различные толкования этого высказывания позволяют достаточно широко воспринимать сокровенный смысл слов проповедника [9], но, на наш взгляд, точнее всего соответствует идее повести С. Н. Синякина толкование святителя Григория Двоеслова: «Назад обращается помышлением тот, кто, смотря вперед, шел уже на высоту шагами ума. О нем чрез Соломона хорошо говорится: блюдый ветра, не сеет, и смотря во облацех, не пожнет. Потому что под именем ветра разумеется злой дух, который обуревают душу искушениями, а чрез облако означает грешник, который движется, по направлению искушения. Итак, кто обращает внимание на ветер, тот не сеет, и кто рассматривает облака, тот не жнет; потому что, кто, страшась искушений от злого духа и смотря на падения нечестивых, отчаивается в самом себе, тот как ныне не сеет добрых дел, так и после ничего не получит от праведного воздаяния» [3]. По мнению автора повести, человек, устранившийся от совершения нравственного выбора, не соберет достойного «урожая», ему не удастся пожать плоды своих трудов, но поддавшийся искушению потеряет все – он утратит саму жизнь.

Повинуясь дьявольскому соблазну, «братьями по крови» с предателями становятся нацистские преступники и террористы всех мастей: всех их объединяет одно желание – встать над «человеческим муравейником» (Ф.М. Достоевский), оправдывая свою жестокость благими намерениями. Демонстрируя повторяемость евангельского сюжета на новых витках «спирали времени», С. Н. Синякин создает своеобразную проекцию образа Понтия Пилата – Генриха фон Пиллада. Выбор имени для юного гестаповца, выступающего в повести собеседником Азефа, не случаен: здесь присутствует отсылка не только к небезызвестному прокуратору Иудеи, но и к Генриху Гиммлеру, под непосредственным руководством которого действует штурмфюрер СС. Искренне считая, что откровения старого провокатора приблизят его к пониманию сути работы в разведке, Пиллад жадно расспрашивает Азефа о деталях его падения и предлагает старому еврею стать тайным осведомителем, тем самым давая ему шанс сохранить свою жизнь и получить некоторые привилегии в виде еды и питья. Однако совершенно неожиданно между доносителем и гестаповцем возникает тайная, почти родственная духовная связь, объясняемая общностью их греховного падения.

Мысль о тождественности природы фашизма и предательства становится ведущей в повести С. Н. Синякина и по мере развития сюжета неоднократно получает свое подтверждение. Исследуя корни проблемы антисемитизма, С. Н. Синякин создает образы главарей третьего рейха: Гитлера, Гимлера, Геббельса, Гесса, направивших народный гнев на изгоев, «чтобы консолидировать общество и прийти к единому консенсусу» [7, с. 7]. Разумеется, выдвигая расовую теорию, оправдывающую уничтожение «унтерменьшей», фашисты преследуют и сугубо прагматические цели, поскольку реквизируемые у евреев ценности идут на пользу фатерланда. Однако автора повести «Мрак тени смертной» интересует не столько материальная сторона вопроса, сколько философская основа этой человеконенавистнической теории, поэтому в поисках ее истоков С. Н. Синякин пытается проследить трансформацию вечных истин в извращенном сознании нацистских бонз.

Еврейская Хагада, рассказывающая об исходе иудеев из Египта и пасхальном жертвоприношении, дает Гессу, одному из фашистских лидеров, а впоследствии и са-

тому Гитлеру толчок для возникновения теории, оправдывающей уничтожение богоизбранного народа, ибо, если Господь его не спасет, тогда следует принять одну из двух версий: либо евреи не избраны Всевышним, либо Бога и вовсе нет. Эти умозаключения побуждают нацистов совершить своеобразную «подмену» религиозных ценностей и, подобно предателям, присвоить себе функцию Бога – способность самим решать и участь отдельных людей, и судьбы целых народов. Так, например, заставляя евреев, переживающих ужасы концлагеря, петь хвалу Господу, фашисты разных мастей, начиная от недалекого вахмистра Фердинанда Бекста и заканчивая «паршивым интеллигентом» [7, с. 28] штурмфюрером фон Пилладом, искренне полагают, что не Бог, а они являются хозяевами душ этих недочеловеков.

Еще одним мотивом предательства С. Н. Синякин считает азарт игры, возведенный на христианский уровень. «Если следовать букве текста, то ведь и Иуда всего лишь выполнял правила установленной однажды игры. По сути это был мистический обряд, или, как говорят сами иудеи, гезера, в которой страшным образом все случайности сплетены в единую нитку рока» [7, с. 16]. Азеф воспринимает доносительство как азартную игру, где ему уготована роль вершителя судеб, не осознавая, что здесь, в концлагере, безжалостную игру начинают уже с ним. Как и его хозяева-нацисты, Азеф полагает, что предательство представляет собой «поведение человека, адекватное сложившейся ситуации и отвечающее при этом требованиям инстинкта самосохранения» [Там же, с. 18], вследствие чего мир с завидным постоянством воспроизводит каинов и иуд.

Игра, театральность, склонность к эффектам царят и в поведении руководителей третьего рейха, жаждущих уподобиться то античным богам, то средневековым Рыцарям Круглого стола, поэтому и Гиммлер, и сам фюрер поддерживают стремление эсэсовца Адольфа Эйхмана воспроизвести в концлагере Берген-Бельзен евангельский сюжет, связанный со страстями Христовыми. Эта мистификация поражает читателей своей иезуитской беспринципностью: гестаповцы стараются даже в мелочах следовать евангельскому сюжету. И появление среди заключенных странного проповедника Ицхака Назри, провозглашающего веру в небесную справедливость, и совпадение имен окружающих его евреев – Андрея, Симона, Левия, Иакова, Фомы – с двенадцатью апостолами, и череп Адама, и крест, сделанный из ливанского кедра, и мученичество Богочеловека, искупившего своей кровью грехи мира, – все это становится атрибутом дьявольской игры. Нацисты цинично считают, что в преддверии затеянного ими Армагеддона евреям как богоизбранному народу лучше быть подле Бога, чтобы он мог за ними уследить, поэтому необходимо «повторить обряд очищения человечества божественной жертвой. Кто-то должен был взойти ради этого на Крест» [7, с. 42]. Азефу, как и другим евреям, приходится стать «участниками нацистской театрализованной и полной дешевых эффектов игры под названием «Хрустальная ночь» [7, с. 6].

Однако, обрекая на мученическую смерть 144 иудея по количеству колен Израилевых, авторы «театрализации» забывают о самом главном: добро и зло в их истинной сущности не могут поменяться местами. Поэтому, как бы ни пытался Азеф оправдать саму идею предательства, его роль предопределена изначально. «Каину никогда не доверят роль Авеля, а ты слишком многих отправил на Голгофу, чтобы получить иную роль» – слова фон Пиллада звучат для него как приговор. Рубикон перейден, воскресение души Азефа через покаяние невозможно. Бесспорно, «тьма и свет живут в человеческой душе» [7, с. 62], но, если кто-то добровольно гасит «светильник», мрак смертной тени окружает его. Понимая непреложность этой истины, Азеф страдает от одиночества, потому что не может жить общей болью и несчастьями с теми, кого предал. Он не в состоянии повернуть время вспять и, подобно проповеднику Назри, отвергнуть предложение Пиллада, присоединившись к тем, кто обречен на смерть.

Ощущение, что его окружает ад, причиняет Азефу невыносимые страдания, все чаще его преследуют видения прошлого. Своеобразным напоминанием предателю о

бренности всего земного звучат стихи его бывшего сподвижника по террору – Бориса Савинкова – о господине, «который назвал себя Я» и судьба которого представлена каскадом глаголов прошедшего времени: «Он родился, потом убил. Потом скучал. Потом играл. Потом скончался. Я не знаю, как он по имени назывался и зачем он свой путь совершал. Одним меньше. Вам и мне все равно» [7, с. 90].

В отличие от евангельского Иуды, Азеф, будучи уличен в предательстве, не решается покончить с собой, объясняя это тем, что «тот предал Сына Божьего, а он предавал людей с их страстями и недостатками» [Там же, с. 93]. И, тем не менее, герой повести вынужден признать, что именно предательство остается единственным грехом, у которого нет светлой оборотной стороны. Вселенское одиночество и пустота становятся расплатой за доноительство, и, понимая, что стену отчуждения можно разрушить только признанием в собственных грехах, Азеф рассказывает историю своей жизни Ицхаку Назри. Однако вместо презрения и осуждения он слышит от собеседника слова сострадания: «Бедный, бедный Евно...» [Там же, с. 105] и со слезами просит прощения у того, кого предал.

В финале повести театральная мистерия, задуманная нацистами, терпит крах. Вслед за Азефом разочаровывается в величии собственного «Я» и организатор этого фарса, Адольф Эйхман, отказываясь приехать в Берген-Бельзен и лично принять участие в чудовищном спектакле. Эсэсовец, подобно Понтию Пилату, умывает руки, понимая, что никогда не простятся и не забудутся совершенные нацистами злодеяния, ведь, по его собственному признанию, «Иуда – щенок по сравнению с каждым из нас» [Там же, с. 109]. И впервые за долгие годы Эйхману становится страшно, не даром он пытается вспомнить слова давно забытой молитвы.

Итог философских размышлений писателя в полной мере совпадает с библейскими истинами: предателям не дано ни покоя, ни смерти, они, подобно Агасферу, до Страшного Суда обречены на вечные скитания и вечные муки, не даром на последних страницах повести возникает образ Вечного Жида. Заслуживший свои тридцать марок Сын Человеческий Евно Азеф получает пулю в затылок по приказу Генриха фон Пиллада.

Оставшийся за пределами данной статьи внушительный корпус произведений отечественной и зарубежной литературы, в которых отражен архетип Иуды, дает возможность в перспективе проанализировать различные трансформации и интерпретации данного образа как в пространстве художественного текста, так и в геокультурном пространстве.

Список литературы

1. Алиева Г. А. Типология образа предателя в эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 16–20.
2. Аллабергенов А. А. Архетип Иуды в русской литературе XX века: На примерах произведений Л. Андреева «Иуда Искарот» и В. Паутова «Шестой прокуратор Иудеи» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 15–27.
3. Книга Екклесиаста, Глава 11. Стих. 4. Толкования стиха // Экзегет. Библия и толкования. URL: <https://ekzeget.ru/bible/kniga-ekkleciasta/glava-11/stih-4/> (дата обращения: 04.07.2024)
4. Назмиева А., Несмелова О. Образ Иуды в мировой литературе конца XX – начала XXI века (Э. Бёрджесс, Ж. Сарамбо, Н. Мейлер, Э. Шмитт) // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 189–193.
5. Савельева У. А. Образное представление о предательстве в русской лингвокультуре (на примере произведений художественной литературы) // Lingua mobilis. Научный журнал. 2010. № 1 (20). С. 46–54.
6. Самойловский А. Л. Образ Иуды Искарота по каноническим и апокрифическим источникам // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 3. С. 30–33.

7. Синякин С. Н. Мрак тени смертной. Волгоград: Издатель, 2009.
8. Танах на русском языке. М.: Яхад, 2004.
9. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 5 т. Т. 3. Исторические книги. Учительные книги / Книга Екклесиаста / Под ред. проф. А. П. Лопухина. М.: Дарь, 2008. С. 656–700.
10. Толоконникова С. Ю. Миф об Иуде в литературе // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2015. № 4 (12). С. 49–63.

* * *

1. Alieva G. A. Tipologiya obraza predatelya v e`pose // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50). Ch. 3. S. 16–20.
2. Allabergenov A. A. Arxetip Iudy` v russkoj literature XX veka: Na primerax proizvedenij L. Andreeva «Iuda Iskariot» i V. Pautova «Shestoj prokurator Iudei») // Slovo i obraz. Voprosy` izucheniya xristianskogo literaturnogo naslediya. 2022. № 1 (6). S. 15–27.
3. Kniga Ekklesiasta, Glava 11. Stix. 4. Tolkovaniya stixa // E`kzeget. Bibliya i tolkovaniya. URL: <https://ekzeget.ru/bible/kniga-ekkleciasta/glava-11/stih-4/> (data obrashheniya: 04.07.2024)
4. Nazmieva A., Nesmelova O. Obraz Iudy` v mirovoj literature koncza XX – nachala XXI veka (E`. Byordzhess, Zh. Saramago, N. Mejler, E`. Shmitt) // Filologiya i kul`tura. 2017. № 1 (47). S. 189–193.
5. Savel`eva U. A. Obraznoe predstavlenie o predatel'stve v russkoj lingvokul'ture (na primere proizvedenij xudozhestvennoj literatury`) // Lingua mobilis. Nauchny`j zhurnal. 2010. № 1 (20). S. 46–54.
6. Samojlovskij A. L. Obraz Iudy` Iskariota po kanonicheskim i apokrificheskim istochnikam // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2020. T. 8. № 3. S. 30–33.
7. Sinyakin S. N. Mrak тени смертной. Volgograd: Izdatel', 2009.
8. Tanax na russkom yazy`ke. M.: Yaxad, 2004.
9. Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta: V 5 t. T. 3. Istoricheskie knigi. Uchitel'ny'e knigi / Kniga Ekkliziasta / Pod red. prof. A. P. Lopuxina. M.: Dar'', 2008. S. 656–700.
10. Tolokonnikova S. Yu. Mif ob Iude v literature // Mirovaya literatura na perekrestke kul'tur i civilizacij. 2015. № 4 (12). S. 49–63.

***Archetype of Judas in the story «The Darkness of the Shadow of Death»
by S. N. Sinyakin***

The archetype of Judas in the story «The Darkness of the Shadow of Death» by S. N. Sinyakin is analyzed. Yevno Azef is considered in line with not only the kinslayer Kain and Judas Iscariot, but also with the betrayer of the Creator – Lucifer. There is emphasized the identity of nature of denunciation, terrorism and fascism, its origins are found in man's deviation from the moral law and the desire to receive the functions of the God. It is underlined, by contrast with the evangelical text, S. N. Sinyakin advances also the motive of betrayal – the inclination towards staging and hazard of game, upraised to the Christian level.

Key words: *archetype, Judas Iscariot, motive of betrayal, biblical images, S. N. Sinyakin.*

(Статья поступила в редакцию 10.07.2024).

**«РАСТУТ В ВОЛГОГРАДЕ БЕРЕЗКИ...»: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МАРГАРИТЫ КОНСТАНТИНОВНЫ АГАШИНОЙ**

Рассматриваются основные мотивы и образы поэзии М. К. Агашиной, которые с особой благодарностью вспоминаются в год ее столетнего юбилея, обнаруживая бессилие времени перед лицом творчества художника, неразрывно связанного с историей и культурой нашей Волгоградской области как неотъемлемой части Отечества.

Ключевые слова: Сталинградская битва, лирическая героиня, фольклорные и литературные традиции, национальный характер.

Маргарита Константиновна Агашина родилась 29 февраля. В этой редкой дате, встречающейся раз в четыре года, видится особый символический смысл. Не имеет определяющего значения год рождения хорошей русской поэтессы, хотя именно в 2024 г. ее столетний юбилей заставляет с особенным уважением вспомнить те произведения талантливого автора, которые давно и необратимо перешагнули время своего создания. Гораздо важнее то, что отмеченная многими правительственными наградами М. К. Агашина, являющаяся «Почетным гражданином города-героя Волгограда», навечно вписана в историю и культуру страны. Ее судьбой и главной темой творчества стал наш город.

Должно быть, метельный февраль – месяц рождения М. К. Агашиной – не раз тревожил ее творческое воображение, помогая воссоздать месяцы героической обороны города на Волге и самую главную дату – 2 февраля 1943 г., день Сталинградской победы. Эта дата, по замечанию командующего Сталинградским фронтом А. И. Ерёменко, ознаменовала то, что «длившаяся более полугода Сталинградская битва завершилась полным и окончательным разгромом тех, кто с таким упорством стремился овладеть городом» [7, с. 439]:

*В свой срок –
не поздно и не рано –
придет зима,
замрет земля.
И ты
к Мамаеву кургану
придешь
второго февраля* [3, с. 19].

Не случайно М. К. Агашина, награжденная орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак почета», стала первым лауреатом Всероссийской литературной премии «Сталинград», учрежденной Администрацией Волгоградской области 15 мая 1996 г., а песня композитора Григория Пономаренко на стихи Маргариты Агашиной «Растет в Волгограде березка» – «визитной карточкой» нашего города. Она воспитывает «чувство домашней оседлости» (Д. С. Лихачёв), формирует патриотическое сознание. Закрепленное еще в Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля понятие «патриотизм» – «любовь к Отчизне» [6, с. 24] – и в наши дни не нуждается в пересмотре: его не коснулись ни изменение форм собственности, ни трансформация самого общественного строя. Любовь к Отчизне – чувство, которое объединяет всех нас, сим-

волизируя стабильность и преемственность «всего того устойчивого, надежного, проверенного многолетним опытом, что помогает обрести спокойствие, уверенность и поддержку в нашем беспокойном, непредсказуемо меняющемся мире» [12, с. 9]. И сегодня – как бы ни мужались у Вечного огня ветераны, как бы ни крепились молодые, а зазвучит «Растет в Волгограде березка» – в каждом дрогнет сердце: «Попробуй ее позабуди!»

Разумеется, такая песня – сплав слов и музыки, результат творческих усилий одаренного поэта и уникального композитора. «Как бы ни был талантлив композитор, хороших песен с плохими словами не бывает», – писал поэт К. Ваншенкин, автор легендарных произведений «Я люблю тебя, жизнь!», «Женька», «Алёша» и др. [4, с. 344]. В нашей песне – хорошие слова:

*Ты тоже родился в России –
В краю полевом и лесном.
У нас в каждой песне береза –
Береза – под каждым окном...*

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Родина» (1841), характеризуя свою «странную любовь» к Отчизне, закрепил за березой важнейший смысл: «символом всей России» [11, с. 57] стала его «чета белеющих берез». Именно в таком значении предстает красивое дерево в стихотворении-песне М. К. Агашиной. В этом одухотворенном образе – и грусть склоненных ветвей, и «белый свет» ствола, и печаль, что «светит тихо» (В. П. Астафьев), напоминая, что северное дерево «трудно привыкло к огню волгоградской земли», но привыкло, выдержало, словно понимая свое высокое предназначение:

*Трава под березкой не смята –
никто из земли не вставал.
Но как это нужно солдату,
чтоб кто-то над ним горевал.
И плакал – светло, как невеста,
И помнил – навеки, как мать [3, с. 43].*

Мы помним и о том, что Маргарита Агашина, написавшая слова этой песни, говорила «спасибо» за нее защитникам Сталинграда. «И сталинградской женщине Лидии Степановне Пластиковой – она подняла людей на склоны Мамаева кургана сажать деревья в память его защитников. Спасибо рабочей семье Рыкуновых: это их березка стала песней. На этой березке табличка: «Смертью храбрых пали братья Рыкуновы – Иван, Степан, Сергей, Василий» [1, с. 7]. Писательница Инна Гофф, однокурсница Маргариты Агашиной по Литературному институту, оказавшаяся ее верной подругой с осени 1945 г. до конца дней, вспоминала о встрече в Волгограде: «Рита показала мне березку с медной табличкой, пятый брат посадил ее в честь четырех погибших в парке у Мамаева кургана» [5, с. 96].

Как правило, поэты мечтают о том, чтобы их стихотворения стали песнями, нашли широкое распространение, но это получается лишь у избранных: у М. К. Агашиной – получилось! Всем известны как «народные» те песни, где она – автор слов: «Подари мне платок...», «Что было, то было...», «А где мне взять такую песню?» и др. Они чисты и целомудренны, чего так не хватает нашей актуальной современности. Потому и не оставляет равнодушным образ лирической героини, о любви говорившей сдержанно, вполголоса, с затаенной надеждой. Песни на стихи М. К. Агашиной и сегодня поются, потому что лишены корысти, тщеславия, потому что они глубоко народны: воплощают в себе не только детали быта и одежды («не в сундук положу», «двери хат», «платок – голубой лоскуток, по краям <...> – золотой завиток»), пословицы и фразеологизмы («горе не море: выпьешь до дна», «что было, то было»), но и состояние народной души в дни побед и тревог.

В них поется о самом важном для каждого: о Родине, о любви, о семье, о людях «высокого полета». Как, например, в стихотворении-песне «Журавли» (1957), где жу-

равль – как традиционный символ в искусстве – становится воплощением надежности и бдительности: «в отличие от прочих птиц в стае, засыпающих с головой под крылом, журавль-вожак держит шею вытянутой. Если произойдет нечто непредвиденное, он разбудит остальных пронзительным криком» [8, с. 109], оказывающимся спасительным для всех. Светлый образ верных и самоотверженных птиц, впаянный в пейзаж Родины, запечатлен в этом стихотворении М. К. Агашиной:

*Зима, как говорится, злится!
Но где-то там,
еще вдали,
летят серебряные птицы,
седые птицы – журавли.
Они летят дорогой длинной,
путем, не знающим конца.
Упрямым клином журавлиным
они врезаются в сердца.
И кличем, полным вешней новью,
и каждой жилочкой в крыле,
и той
безудержной любовью,
которой тесно на земле!
Они прошли такие дали,
они летели столько дней!
Они, наверное, так устали,
что и не думают о ней.
.....
...Они летят по всей России,
седые птицы – журавли.
Их треугольники косые
весь белый свет пересекли.
И перед первым снегопадом
в тугую синь вззовются вновь.
Они всю жизнь летают рядом,
а это – больше, чем любовь [2, с. 28].*

Немало песен М. К. Агашиной посвящено женской, не слишком складной доле. Известно, что истоки женской лирической песни – в плачах, в «образцах народных причитаний» [8, с. 747]. Однако песни на слова М. К. Агашиной – еще и о том, что помогает преодолеть неприветную женскую судьбу; они дарят надежду и веру, достоверно передавая «нечто сугубо национальное: восхищение женщиной и чувство вины перед ней. В этом раскованность и широта русской поэзии» [4, с. 361], в этом красота и сила женщины, что подтверждает стихотворение «Гордость» (1963):

*Я по утрам, как все, встаю.
Но как же мне вставать
не хочется!
.....
Я дни тяжелые люблю
за то, что ждать на помощь некого,
и о себе подумать некогда.
От трудных дней
я крепче сплю.
Но снова утро настает!
И мне опять –*

*вставать не хочется
и врать, что все –
наоборот:
что я устала –
от забот,
что мне плевать
на одиночество* [3, с. 123].

Поскольку «личность – основа лирики» [10, с. 32], а личности годы не указ, хотелось бы в столетний юбилей М. К. Агашиной видеть ее нестареющий образ таким, каким его представила в своих воспоминаниях Инна Гофф: в Рите, «вчерашней школьнице», первокурснице Литературного института, «было что-то от прежних курсисток. <...> Тонкая талия, <...> русоволосая, косы уложены на затылке; негромкий голос был нежен, но в нем таились чертики скрытой иронии». Она любила петь «Тонкую рябину», знала великое множество частушек»: народная песня была ее «хлебом, теплом, самой жизнью» [4, с. 96].

Думается, что поэзия М. К. Агашиной, в которой угадываются интонации народной лирической песни, творчески ассимилирует и литературные традиции, в первую очередь связанные с лирикой М. И. Цветаевой: «ни у какого другого поэта рябина не упоминается так часто и с таким воодушевлением» [11, с. 66]. Цветаевская рифма «рябина – судьбина» («Рябину / Рубили / Зорькою / Рябина – / Судьбина / Горькая») в поэзии М. К. Агашиной придает образу дерева новые смысловые коннотации: не только «горение и горечь», но и несокрушимое достоинство, способность дарить свое тепло миру, не распространяя на него свои беды и печали. Творчество М. К. Агашиной и сегодня согревает любителей поэзии, воссоздавая нетускнеющий образ русской женщины, которая, как та ее песенная рябина,

*Все кого-то согревает,
Кому-то издали горит.
А то, что горько ей бывает,
Про то она не говорит...* [3, с. 78].

Пусть еще сто лет о добром, светлом и красивом говорят миру песни, стихотворения и поэмы Маргариты Константиновны Агашиной, нашей землячки!

Список литературы

1. Агашина М. К. Предисловие // Пономаренко Г. Ф., Агашина М. К. Что было, то было: Песни на стихи М. Агашиной. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. С. 3–7.
2. Агашина М. К. Избранная лирика. М.: Молодая гвардия, 1969.
3. Агашина М. К. Стихотворения. Волгоград: Станица, 1993.
4. Ваншенкин К. Я. Поиски себя: Воспоминания, заметки, записи. М.: Советский писатель, 1985.
5. Гофф И. А. Превращения. Повесть воспоминаний: рассказы. М.: Советский писатель, 1984.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 3. 8-е изд. М.: Русский язык, 1982.
7. Ерёмченко А. И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961.
8. Карр-Гомм С. Словарь символов в искусстве. Иллюстрированный ключ к живописи и скульптуре / Пер. с англ. О. А. Биантовской и др. М.: АСТ: Астрель, 2003.
9. Корнилов В. Н. Покуда над стихами плачут...: Книга о русской лирике. М.: Время, 2009.

10. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001.
11. Чельшев Е. П. Современная культура России: проблемы развития // Москва. 1996. № 1. С. 5–20.
12. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

* * *

1. Agashina M. K. Predislovie // Ponomarenko G. F., Agashina M. K. Chto by'lo, to by'lo: Pesni na stixi M. Agashinoj. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1985. S. 3–7.
2. Agashina M. K. Izbrannaya lirika. M.: Molodaya gvardiya, 1969.
3. Agashina M. K. Stixotvoreniya. Volgograd: Stanicza, 1993.
4. Vanshenkin K. Ya. Poiski sebya: Vospominaniya, zametki, zapisi. M.: Sovetskij pisatel', 1985.
5. Goff I. A. Prevrashheniya. Povest' vospominanij: rasskazy'. M.: Sovetskij pisatel', 1984.
6. Dal' V. I. Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: V 4-x t. T. 3. 8-e izd. M.: Russkij yazy'k, 1982.
7. Eryomenko A. I. Stalingrad. Zapiski komanduyushhego frontom. M.: Voenizdat, 1961.
8. Karr-Gomm S. Slovar' simvolov v iskusstve. Illyustrirovanny'j klyuch k zhivopisi i skul'pture / Per. s angl. O. A. Biantovskoj i dr. M.: AST: Astrel', 2003.
9. Kornilov V. N. Pokuda nad stixami plachut...: Kniga o russkoj lirike. M.: Vremya, 2009.
10. Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij / Gl. red. i sost. A. N. Nikol'yukin. M.: Intelvak, 2001.
11. Chely'shev E. P. Sovremennaya kul'tura Rossii: problemy' razvitiya // Moskva. 1996. № 1. S. 5–20.
12. E'pshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj... Sistema pejzazhny'x obrazov v russkoj poe'zii. M.: Vy'sshaya shkola, 1990.

***«A birch grows in Volgograd»: on the occasion of centenary
of the birth of Margarita Konstantinovna Agashina***

The basic motives and images of poetry by M. K. Agashina, that are remembered with the special gratitude in the year of her hundredth anniversary, discovering the inability of time in the face of the artist, inseparably associated with the history and culture of our Volgograd region as an essential part of the motherland, are considered.

Key words: *the battle of Stalingrad, lyrical heroine, folklore and literary traditions, national character.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2024).

ПЕСНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ СКАЗОК Н. П. ВАГНЕРА

Исследуется специфика художественной структуры сказок Н. П. Вагнера. Выявляется особая роль функционирования в них песенной поэзии, рассматриваются особенности авторской интерпретации народных и религиозных песенных сюжетов.

Ключевые слова: Н. П. Вагнер, сказки, художественная структура, народная и духовная песня, функции песенной поэзии.

Николай Петрович Вагнер (1829–1907) – известный ученый-зоолог второй половины XIX в., первооткрыватель педогенеза, спирт, совмещавший свою научную и педагогическую деятельность с художественным творчеством. В его обширном литературном наследии центральное место занимают «Сказки Кота-Мурлыки» (1872) [2], сборник философских сказок, выдержавший множество переизданий. Он вошел в круг детского чтения и закрепил за автором репутацию «русского Андерсена». В автобиографической статье «Как я сделался писателем?» Н. П. Вагнер вспоминал, что еще с детских лет он обладал художественным вкусом и пристрастием к сочинительству. Услышанные от няни народные песни и сказки, семейные рассказы и музыка воздействовали на воображение ребенка лучше любой отдельно взятой книги. Талант писателя формировался «под влиянием живого лица и живой речи» [1, с. 429].

Музыкально-поэтические интересы будущего литератора проявились уже в 12 лет. Под впечатлением от посещения женского монастыря Казанской Божьей Матери он сочинил о тяжелой судьбе клирошанок «что-то вроде песни или рапсодии, весьма жалобной» [1, с. 433]:

Умерла я для света,
Умерла для утех,
Мне восемь лет еще было,
Как я мать свою
Провожала сюда
Во сыру землю... [Там же].

Для юного автора песня стала первым опытом художественного выражения своих переживаний и чувств, способом отражения жизненных впечатлений.

Став профессиональным литератором, Н. П. Вагнер не утратил интерес к народному творчеству. Во многих его произведениях можно увидеть синтез фольклорных и литературных начал. В большинстве случаев фольклорные сюжеты и образы не просто «вплетаются» автором в ткань повествования, но и творчески переосмысливаются.

Включение в прозаическую художественную структуру песенной поэзии является одной из характерных особенностей поэтики произведений Н. П. Вагнера. В «Сказках кота Мурлыки» песенные тексты представлены в целом ряде сказок: «Новый год», «Папа-пряник», «Счастье» и др. Их функции разнообразны: песня у Н. П. Вагнера способна по-новому раскрыть содержание отдельных образов и сюжетов. Важно обратить внимание на жанровое своеобразие песенных элементов вагнеровских сказок. Многие из них восходят к определенным традициям народной лирики.

В русском фольклоре назначение народных лирических песен состоит в выражении «мыслей, чувств и настроений народа» [6, с. 52]. Песня в форме монолога, диалога, повествования или описания содержит в себе те идейно-эмоциональные элементы жиз-

ни русского народа, которые не выразить в прозе. Как отмечают исследователи, «за каждым лирическим героем <...> встает большая жизненная тема, отчетливо проступают характерные черты и приметы народной жизни» [Там же, с. 58]. Календарные и семейные обрядовые песни исполняются в ходе самих обрядов, отражают важнейшие стороны народного быта, рисуют антропоморфные образы мифологических персонажей обрядового действия.

Так, народная песня в сказке Н. П. Вагнера «Курилка» служит напоминанием о добрых и любимых детских играх. Главный герой Курилка, по словам рассказчика, знаком читателю XIX в., это же «тот самый Курилка, про которого песенка поется» [2, с. 126]. Строки, которые Кот-Мурлыка приводит, по свойственной ему привычке в несколько перевернутом виде, действительно могут напомнить читателю небольшую святочную песенку:

*Жив, жив Курилка,
Жив, жив да не умер,
У нашева Курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька* [7, с. 285].

Она пелась при гадании, суть которого заключалась в передаче лучинки по кругу: если задумать желание, зажечь лучину и спеть песенку, пока горит лучина, – задуманное исполнится. Ход такого святочного гадания лег в основу композиции сказки Н. П. Вагнера: «Сели все [дети] в кружок, зажгли Курилку, и пошел он переходить из рук в руки» [2, с. 126]. Этот круг расширился все больше и больше по ходу сказочного повествования: Курилка, рожденный возле печки в доме дворника, оказывается в большой зале, «наверху», а после с позором изгоняется оттуда к забытым им сестрицам-лучинкам. Естественный круговорот, по словам Кота-Мурлыки, происходит и в сказочном мире предметов.

Песня «Жив, жив Курилка» была включена в сборник русских народных песен, изданный И. Прачем в XVIII в., и «бытовала еще и в конце XIX в.» [10, с. 685]. На ее основе, по мнению Т. Г. Цявловской, в 1825 г. А. С. Пушкин написал эпиграмму «Жив, жив Курилка!» на критика, редактора-издателя «Вестника Европы» (с 1805 по 1830 гг.) М. Т. Каченовского:

*– Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?* [8, с. 129].

В пушкинское время фраза «жив Курилка» употреблялась «по отношению к людям, которые, по мнению окружающих, прекратили свою деятельность» [3, с. 252], но в реальности занимались ею, как и всегда, только окружающие забыли и об этой деятельности, и о человеке, который был ею занят. Эта новая семантика предмета обрядового действия включена в структуру сказочного образа, созданного Вагнером: словоохотливого, болтливового, но «пустого» и бездеятельного Курилки.

Масленичная песня представлена в сказке «Блинное царство», которая посвящена празднику, где правят Царица-Масленица и Царь-Блин. Известный в фольклоре антропоморфный персонаж Масленица в сказке Н. П. Вагнера правит королевством, пока ему на смену не приходит Царь-Труд, знаменуя конец масленичной недели и начало Великого поста.

Обрядовая песня как «многожанровое явление» [4, с. 211] приобретает дополнительные жанровые черты в зависимости от контекста, в котором поется. Песню из сказки Н. П. Вагнера можно отнести к величальным масленичным песням. Она не только рассказывает о народном празднике, но и воспеваает его главных фантастических персонажей:

*Ах! Масляна, Масляна!
Вышла все напраслина.*

*Вся земля теперь нашлась,
Маслом, медом полилась.
Ай, блины, блины, блины!
Нам на радость вы даны!
Слава батюшке царю!
Ему свет и привет,
Чтобы жить ему сто лет!* [2, с. 376].

Такая песня является отражением народных традиций: величания с образом Масленицы активно использовались в календарных обрядах, таким образом крестьяне заручались покровительством сил природы, от которых зависела их судьба. Однако «в XIX–XX веках величальные песни уже не воспринимались певцами как магические» [4, с. 51] и часто исполнялись в благодарность за вознаграждение.

Присказка «Блинного царства» содержит еще одну авторскую интерпретацию словесно-музыкального фольклора. В историю о неудачных масленичных приготовлениях кухарки Матрешки вплетен сюжет о любви кума к куме:

*Уж как кум куму до крайности любил,
Для кумы он во Китай-город сходил...
Он купил куме китаечки,
Положил куму на лавочку...* [2, с. 370].

Небольшая четырехстрочная песенка по своей форме и содержанию напоминает частушку. Этот жанр формировался во второй половине XIX в. и еще не обладал устойчивой ритмикой, «рифма в частушке возникла под влиянием литературной поэзии» [6, с. 189].

Юмористический тон описания взаимоотношений между кумовьями можно объяснить тем, что по православной традиции они обозначались как товарищеские, «сожителство между ними хотя и считается предосудительным, но приравнивается к обыкновенному любодеянию» [5, с. 225], связью вне брака. В сказке Н. П. Вагнера песня «развеселой» кухарки вызывает неприятие как со стороны рассказчика, так и со стороны героев: «Стали Матрешку бранить, ругать, пьяницей называть» [2, с. 370]. Частушка как жанр, исполняемый на публике и созданный для выражения эмоциональной оценки факта народной жизни, получила ответ от своих непосредственных слушателей. Это соответствует природе жанра: частушка как часть песенного диалога рассчитана на ответ.

В сказке «Без света» автор использует песенные традиции похоронных обрядов. Народная причетъ звучала «в самые трагические моменты жизни крестьянства, когда обнажались все тяготы и противоречия» [11, с. 6], и у Н. П. Вагнера она становится выражением боли, душевного страдания. Несчастная слепая Машутка потеряла мать, и «боль эта у Машуты сложилась, разлилась в жалобе, которую голосила, причитала она над покойницей» [2, с. 251]. Первый раз героиня обращается к умершей, настойчиво задавая вопросы, на которые никто не даст ответа. Звучит плач-вопрошение:

*На кого покинула
Горьких сиротиночек,
Мамонька родимая,
Ясен, светел свет в очах
Грела, словно солнышко...* [2, с. 251].

А после выдворения из дома «гостями-наследничками» причитание Машутки над могилой приобретает характер поминального. На третий день после похорон она рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулась она и ее маленький брат, и вопрошает о последнем благословении:

*Мамонька, голубынька,
Перекрести, родимая,
Деточек любимых*

*На страду земную.
Нет им уголка в избе,
Выгнали их вороги
Из родима гнездышка...* [2, с. 253].

Кроме традиционных фольклорных песен, в сказках Н. П. Вагнера есть музыкальные произведения, связанные с религиозной поэзией. Одним из ее популярных в народе жанров была духовная песня. Духовная песня в произведениях Вагнера служит средством защиты от темных сил. Главный герой сказки «Макс и Волчок» поет «чудную песню», ставшую спасением его души от внешнего зла и пороков, которые овладевают умом человека:

*Свете тихий! Свете дивный!
Да исчезнет сумрак лжи,
Тьма обманов, царство злобы...* [2, с. 88].

Можно предположить, что основой для создания данной песни послужило древнее церковное песнопение, обыкновенно исполняемое с наступлением темноты, – «Свете тихий». Составление этого церковного гимна нельзя «полагать позже III века» [9, с. 117], а его возрождение относится к XVII–XIX вв. Зажигая светильник, праведник приступал к вечернему благодарению Бога за благополучное завершение дня, за то, что он смог счастливо дожить до конца дня. Тихий свет заходящего солнца давал надежду и являлся воплощением Иисуса Христа, пришедшего в мир «тихо», простым человеком.

Так пришел в лесной мир и Макс из сказки Н. П. Вагнера, этот «чудной ребенок» отправился в лес, чтобы попросить о счастье всех людей, о «царстве света», тихо повторяя: «Свете тихий! Свете дивный!...» [2, с. 89]. Маленький Макс напоминает об уже знакомом читателю образе ребенка-ангела из сказки «Гулли» (в современном издании она предшествует сказке «Макс и Волчок»), который скучает и томится по величественному счастью небес. «И тоска и хандра давили <...> маленькое сердце» [2, с. 84] Макса, он часто не спал и думал, отчего нет вечного дня и вечного лета, где будет всем светло и тепло, где бы «все были довольны и веселы» [2, с. 87]. Мальчик не находит прямого ответа на эти вопросы, не находит он и «царства света», но его вера в свет и добро, в лучшую жизнь вдохновили Митю (Волчка) на борьбу за эти святые идеалы. Маленький ангел оставил светлый след, часть согревающей веры в душе одинокого борца.

Таким образом, песенная поэзия, широко представленная в художественной структуре литературных сказок Н. П. Вагнера, становится проводником в мир героев писателя, привнося в него важнейшие смыслы народной жизни XIX в. Сказочные сюжеты, осложненные песенными мотивами и образами, обретают новое, сокровенное звучание: песня напоминает их обделенным в жизни героям о счастливом детстве, становится выражением благодарности труженика за благодеяния природы, озаряет душу духовным светом, вопрошая о спасении и счастье всех людей.

Список литературы

1. Вагнер Н. П. Как я сделался писателем? (Нечто вроде исповеди) // Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991. С. 429–442.
2. Вагнер Н. П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991.
3. Жив курилка! // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 сл. / Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. С. 251–252.
4. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989.
5. Кумовство // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: Эксмо, 2006. Т. 11. Км–Кя. С. 225–226.
6. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981.
7. Львов Н., Прач И. Собрание народных русских песен с их голосами. М.: Госмузиздат, 1955.

8. Пушкин А. С. «Жив, жив Курилка!» // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. С. 129.
9. Скабалланович М. Песнописцы и песни III века // Толковый Типикон. Вып. 1. Киев, 1910. С. 117–118.
10. Цявловская Т. Г. Примечания к стихотворениям Пушкина 1823–1836 гг. // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. С. 684–685.
11. Чистов К. В. Русская причеть // Причитания. Л.: Советский писатель, 1960. С. 5–46.

* * *

1. Vagner N. P. Kak ya sdela'sya pisatelem? (Nechto vrobe ispovedi) // Skazki Kota-Murly`ki. M.: Pravda, 1991. S. 429–442.
2. Vagner N. P. Skazki Kota-Murly`ki. M.: Pravda, 1991.
3. Zhiv kurilka! // E`nciklopedicheskij slovar` kry`laty`x slov i vy`razhenij: bolee 4000 st. / Avt.-sost. V. Serov. M.: Lokid-Press, 2005. S. 251–252.
4. Kruglov Yu. G. Russkie obryadovy`e pesni. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vy`sshaya shkola, 1989.
5. Kumovstvo // Ilyustrirovanny`j e`nciklopedicheskij slovar` F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. M.: E`ksmo, 2006. T. 11. Km–Kya. S. 225–226.
6. Lazutin S. G. Poe`tika russkogo fol`klora. M.: Vy`sshaya shkola, 1981.
7. L`vov N., Prach I. Sbranie narodny`x russkix pesen s ix golosami. M.: Gosmuzizdat, 1955.
8. Pushkin A. S. «Zhiv, zhiv Kurilka!» // Pushkin A. S. Sbr. soch.: V 10 t. T. 2. M.: GIXL, 1959. S. 129.
9. Skaballanovich M. Pesnopiscy i pesni III veka // Tolkovy`j Tipikon. Vy`p. 1. Kiev, 1910. S. 117–118.
10. Czyavlovskaya T. G. Primechaniya k stixotvorenijam Pushkina 1823–1836 gg. // Pushkin A. S. Sbr. soch.: V 10 t. T. 2. M.: GIXL, 1959. S. 684–685.
11. Chistov K. V. Russkaya prichet` // Prichitaniya. L.: Sovetskij pisatel`, 1960. S. 5–46.

Song in fictional structure of fairy tales by N. P. Wagner

The specific features of fictional structure of fairytales by N. P. Wagner are studied. The special role of the functioning of song poetry in them is revealed. There are considered the peculiarities of the author's interpretation of folk and religious song plots.

Key words: *N. P. Vagner, fairy tales, fictional structure, folk and spiritual song, functions of song poetry.*

(Статья поступила в редакцию 03.05.2024).

Н. А. КРАСАВСКИЙ
Волгоград

МИР ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(рецензия на книгу В. И. Карасика «Языковые камертоны смысла:
монография. М.: Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, 2024. 416 с.)

Монография широко известного российского ученого В. И. Карасика «Языковые камертоны смысла» – фундаментальное исследование, фокусирующее наше внимание на узловых проблемах развития и перспективах становления интегральной науки, формирующейся в точке пересечения целого ряда гуманитарных и социальных областей человеческого знания – лингвистики, семиотики, теории коммуникации, социологии, психологии, этнографии, истории, культурологии и аксиологии. Автор рецензируемой книги предлагает читателю результаты декодирования зашифрованных языком смыслов, генерированных человечеством на разных этапах его становления, с позиции аксиологического подхода. Иными словами, ставится задача исследовать язык как семиотическую систему, зафиксировавшую результаты осмысления человеком окружающего его мира, увидеть оценку фактов, событий, имевших и имеющих место в нем, равно как оценку собственных рефлексивных действия и чувственных переживаний.

Категории оценки и ценности относятся к числу базовых в монографии В. И. Карасика. Они наряду с нормами и традициями социума образуют ядро языковой картины мира, отражающей внешний мир и мир внутренний человека. Изучение ценностей традиционно входит в круг интересов ученых. Ценности выступают характеристикой цивилизации и отдельной личности. Они отражают систему приоритетов социума либо индивида, чем и обусловлен повышенный интерес к их выявлению и описанию прежде всего в гуманитарных науках [4; 5; 6; 7; 9, с. 76–87; 13, с. 128–132; 14]. «И философ, и социолог, и психолог, и совсем далекий от науки человек согласятся с утверждением, что проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших для любой из наук, занимающихся человеком и обществом. Важнейших прежде всего в силу того, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом», – полагает Д. А. Леонтьев [11, с. 15].

С феноменом ценности связана оценка. Мы оцениваем окружающий нас мир, приписываем его объектам положительные либо отрицательные значения. При оценке предметов, реальных и мыслительных действий человека, иных явлений мы руководствуемся критериями этического, эстетического и функционального порядка. Квалификационная деятельность человека предполагает ориентацию на ценность оцениваемого объекта [10, с. 6–7].

Выявление аксиологического признака в таком ментальном образовании, как концепт, являющемся стержневым термином лингвоконцептологии, как показывает обзор многочисленных работ, – одна из задач исследователей, занимающихся изучением этого феномена. Здесь имеются в виду те ученые, которые разделяют лингвокультурологическую концепцию В. И. Карасика, предложившего более 20 лет тому назад вы-

делять в концепте триаду признаков (см. подробнее: [7]): понятийный, перцептивно-образный и ценностный признаки. Данная идея оказалась продуктивной. Она была поддержана многими лингвоконцептологами, судя по трудно поддающимся подсчету публикациям (в том числе и диссертациям), авторы которых взяли на вооружение концепцию В. И. Карасика.

Концепция лингвокультурологического подхода к пониманию концепта находит свое дальнейшее развитие и в рецензируемой монографии. В первой главе книги «Аксиологические характеристики концептов» ее автор обращает читательское внимание на концепты, относящиеся к разным типам, – «мирная жизнь», «соревнование», «пустыня», «болото», «кровь» и др. Их описание В. И. Карасик предваряет при моделировании лингвокультурных концептов выделением трех исследовательских парадигм. Первая из них была разработана Ю. С. Степановым. В ней противопоставлены различные этапы развития того или иного концепта – «от его возникновения до полного проявления его множественных характеристик и далее – до его оценочной экспансии, когда квант знания перерождается в модусную установку со знаком “плюс” или “минус”» (с. 8). Вторая парадигма, родоначальником которой является автор монографии «Языковые камертоны смысла», предполагает вычленение и описание понятийного, образного и ценностного содержания концепта. Третья парадигма – это «ситуативное уточнение содержания лингвокультурных концептов, их дискурсивно-сенситивное описание <...>». Эта парадигма соотносится с известным противопоставлением ядерного значения языковой единицы и его уточнения в периферийных значениях» (с. 9). В данном случае, если мы правильно понимаем, речь идет о том, как в конкретных речевых высказываниях, при определенных обстоятельствах общения реализуется тот или иной концепт.

В первой главе книги, помимо заслуживающих внимания наблюдений ее автора при моделировании ряда выше названных концептов, несомненный интерес вызывают «маршруты лингвокультурологии» (словосочетание В. И. Карасика). К их числу ученый относит лингвоконцептологию, описание сценариев (скриптов), лингвокультурные типажы и изучение лингвокультурных сюжетов (с. 7–15).

Наиболее освоенный лингвокультурологами «маршрут», как отмечает В. И. Карасик, – это лингвоконцептология. Действительно, труднообозримы исследовательские работы, описавшие многочисленные концепты в разных лингвокультурах, в том числе и в сопоставительном плане. В фокусе внимания лингвоконцептологов, на наш взгляд, часто оказывались концепты с ярко выраженной этнокультурной спецификой (например, немецкая пунктуальность, русское гостеприимство). Одной из причин, объясняющей активное проведение сопоставительных исследований при моделировании концептов, является, видимо, привлекательность самого языкового материала, определенные существующие в обществе стереотипы (например, русская тоска, японское трудолюбие), которые увлекали, мотивировали ученых, в особенности начинающих, к их верификации. Здесь же отметим, что авторы многих лингвоконцептологических работ ставили задачу изучения концептов в диахронической плоскости, преследуя при этом задачу выявить трансформацию в их содержании (в понятийной, перцептивно-образной и ценностной составляющих).

Второй и третий «маршруты» (описание сценариев (скриптов) поведения человека и изучение лингвокультурных типажей) все чаще и чаще «осваиваются» в лингвокультурологии. Продуктивной, на наш взгляд, стала высказанная более десяти лет тому назад идея В. И. Карасика о выделении в концептологии особой разновидности концепта – лингвокультурного типажа, который было предложено понимать как «обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной культуры» [8, с. 221]. В одной из ранее опубликованных работ ученый типологизирует лингвокультурные типажы, выделяя среди них этнокультурные (например, американский ковбой) и социокультурные (напр., компьютерный хакер) [Там же, с. 221–222]. Количество первых из них ограни-

чено. Многие этнокультурные типы уже описаны (см.: [1; 2; 15]). Социокультурных типов, как мы знаем, значительно больше. Следовательно, мы можем вскоре увидеть бум их исследования. Установление и описание лингвокультурных типов, вне сомнений, перспективно.

Что касается описания лингвокультурных сценариев поведения человека, то они определяются в монографии как некий паттерн, в котором вычлениаются «определенные стадии и участники которого ведут себя в соответствии с принятыми в этом социуме нормами. Если концепты охватывают всю картину мира, от конкретных предметных сущностей до абстрактных образований, то сценарии характеризуют только поведенческие последовательности» (с. 11). В. И. Карасик отмечает главное отличие сценария от концепта: последний – это ментальное образование, «формой выражения которого служит слово или жест, а сценарий представляет собой ментальное образование, выражаемое в действии» (там же). В работе приведены соответствующие примеры, показывающие сущность сценариев, – посещение стадиона, экзамен, производственное совещание.

Изучение лингвокультурных сюжетов – четвертый лингвокультурный «маршрут», выделяемый автором книги. Данное лингвокультурологическое направление, как мы думаем, названо В. И. Карасиком финальным не по значимости, а по хронологическому принципу – т.е. времени его возникновения. Изучение лингвокультурных сюжетов, по мысли ученого, позволяет выявить доминанты той или иной культуры. При этом в качестве исследовательского материала, как замечает В. И. Карасик, предпочтительнее выбирать фольклорные тексты. Это замечание касается в особенности тех случаев, когда ставится задача выявления этнокультурной и социокультурной специфики (с. 14).

Во второй главе «Аксиологические характеристики сюжетов» читателю предлагается в самом начале данной части книги фундаментальный анализ семиотической теории. Обсуждаются вопросы определения знака, рассматривается типология знаков, их функции. Автор детально останавливается на проблеме разграничения эмблем, аллегорий и символов как разновидностей знаков. По мнению В. И. Карасика, «одним из возможных направлений развития семиотической теории является уточнение прагматических характеристик знака. Эти характеристики сводятся к определению статусных эмблем субъектов ситуации, т.е. к идентификации этих субъектов, к интерпретации однозначных аллегорических образов и вытекающих отсюда рекомендаций поведения, к раскрытию символического содержания воспринимаемой информации» (с. 108).

Материалом для анализа лингвокультурологических сюжетов выступает жанр сказки (русские, армянские, калмыцкие сказки и сказки народов банту). В сказках автором монографии выявлены и описаны базовые установки поведения человека. Так, в русских сказках посредством аллегории выражены следующие идеи: «злонамеренный поступок через некоторое время принесет вред тому, кто так себя повел»; «нужно быть осторожным и бдительным»; «учитивость вознаграждается, а грубость будет наказана» и др. (с. 121). Сопоставительный анализ сказок разных народов позволяет В. И. Карасику сделать следующий вывод: в них фиксируются общечеловеческие ценности (например, уважением к другим людям, трудолюбие). При этом в сказках выражена и этнокультурная специфика. Так, в частности, в сказках народов банту она проявляется в описании местного ландшафта, продуктов питания, «социального статуса вождя племени и колдуна или колдуньи, четкой эмблематики своих и чужих и волшебства как естественно-го качества реальности» (с. 162).

Глава 3 «Аксиологические характеристики дискурса» посвящена описанию лингвокультурных характеристик педагогического и просветительского дискурсов. Акцент ставится на ценностном измерении данных типов общения. В этой же главе значительное место занимает обсуждение таких редко дискутируемых речевых жанров, как зло-

пожелание, проклятие, благопожелание. Несомненный интерес представляют собой новаторские суждения В. И. Карасика о фасцинации в разных типах дискурса.

Выявлять лингвокультурные характеристики педагогического дискурса автор монографии предлагает по следующей схеме: системообразующая цель педагогической коммуникации, ее дискурсивные варианты; типовые участники; хронотопические параметры; ценности, нормы и традиции; коммуникативные стратегии; жанры (с. 237). Предложенная схема в высшей степени технологична и действенна.

В. И. Карасик выделяет следующие разновидности педагогического дискурса: собственно педагогический, академический и учебный. В монографии дается развернутая характеристика типовых участников, хронологических параметров, коммуникативных стратегий и речевых жанров педагогического дискурса. Значительное внимание при описании этого институционального дискурса уделяется таким феноменам, как ценности и нормы. Они сводятся «к проявлению уважения к обучению, учителю и ученику и вытекающим из этого уважения моделям поведения» (с. 249). Безусловный интерес представляет и та часть главы, в которой читатель обнаруживает выявленную этнокультурную специфику рассматриваемого дискурса. В книге приводятся примеры, иллюстрирующие различие в нормах поведения на занятиях в вузе. Считается нормой, если американский студент на семинаре или лекции достанет термос и бутерброд. Нередко студенты во время занятий покидают без разрешения преподавателя аудиторию.

Педагогический дискурс пересекается с просветительским дискурсом, предназначение которого состоит в популяризации, распространении знаний среди населения. В. И. Карасик выделяет его следующие подвиды: научно-популярный, популярно-медицинский, популярно-политический и популярно-искусствоведческий. Они отнесены автором книги к числу гибридных образований: «<...> в тематическом плане они посвящены определенной области культуры, в организационном плане им присущи некоторые характеристики педагогического или академического общения, но без обязательной фиксации и юридического закрепления полученных знаний» (с. 251). Просветительский дискурс, как убедительно показано в исследовании В. И. Карасика, представляет собой сложный коммуникативный феномен. Он включает «признаки медийного, педагогического, научного, рекламного и собственно развлекательного дискурса. Можно выделить его три основных подтипа – развивающий, инструктирующий и развлекательный» (с. 269). В работе они характеризуются прежде всего в ценностном аспекте.

В §3.7 с аксиологической позиции рассматривается деструктивное дискурсивное воздействие коммуникантов друг на друга. Проблема деструктивности неоднократно становилась объектом анализа в разных науках, в том числе и в лингвистике [3, с. 19–24; 12, с. 127–133]. Одной из причин все чаще наблюдаемого в современном социуме деструктивного коммуникативного поведения является, на наш взгляд, набирающая силу и популярность интернет-коммуникация, предполагающая в том числе и анонимное общение.

В данной части монографии автор сконцентрирован на осмыслении определенных тенденций вредоносного воздействия медийного и сетевого дискурса на психическое здоровье современного человека. В. И. Карасик указывает на диалектику взаимодействия определяющих миропонимание индивидов и общества ценностей и норм поведения и «обратное влияние ситуативных типов общения» на эти ценности и нормы. Автор утверждает: «Личность как носитель ценностей и норм меняется под воздействием типов дискурса, и в этом плане определенные характеристики личности требуют лингвокогнитивного анализа» (с. 271). На основе анализа материала делается вывод, что «психическая акцентуация имеет определенные речевые индикаторы, соответствующие определенному типу отклонения от психической нормы, с одной стороны, и определенные типы дискурса способствуют развитию того или иного типа психической девиации, с другой стороны» (с. 271). Опираясь на труды психиатров, выделяющих шизоидные,

маниакально-фобические, истероидные, параноидальные и депрессивные личности, В. И. Карасик определяет типы дискурса, которые способствуют проявлению акцентуации: «Шизоидная личность находит свое максимальное выражение в научном дискурсе, в котором нет необходимости адаптировать содержание высказываний к уровню подготовки адресатов. Политический и медийный дискурсы способствуют манифестации маниакальных и фобических идей. Медийный и рекламный типы дискурса являются теми сферами общения, в которых реализуется акцентированное привлечение внимания к себе. Административный и педагогический (назидательный) дискурсы привлекают к себе параноидальных личностей. Коммуникативным выходом для депрессивной личности является художественный дискурс» (с. 274). Выводы В. И. Карасика, помимо их теоретической значимости, имеют и большое прикладное значение для смежных с лингвистикой наук – прежде всего для психиатрии и психоанализа.

В §3.3 автор книги обращается к обсуждению вопроса коммуникативной фасцинации. По мнению В. И. Карасика, это явление «со стороны инициатора общения состоит в сознательно осуществляемом влиянии на адресатов, направленном на приведение их в состояние удивления, радости и гипнотического очарования, и со стороны адресата обусловлена предчувствием удовлетворения от общения и проявляется в определенных характеристиках воспринимаемого текста и ситуативных особенностей коммуникативного взаимодействия участников общения (с. 216). В монографии дан анализ различных типов дискурса (обиходного, художественного, научного и др.), в которых реализуется рассматриваемое явление. «Фасциативность, трактуемая как тональное измерение дискурса, осмысливается в противопоставлении информативности и состоит в стремлении к неоднократному восприятию текста, при этом каждое его повторение увеличивает его воздействующий потенциал, в зависимости содержания от формы текста, актуальной является степень его переводимости на другой язык», – заключает ученый (с. 217).

В главе 4 «Аксиологические характеристики номинаций» читателю предлагается для дискуссии широкая палитра лингвоаксиологических проблем – коммуникативные рестрикции, табу, аксиология пейоративной гендерной асимметричности и др.

Автор монографии представляет типологию языковых рестрикций: 1) семантические рестрикции (отсутствие коммуникативной потребности в номинации, т.е. отсутствие в конкретном языке слова, например, *клополюб*); 2) прагматические рестрикции касаются определенных запретов в общении (упасть ниц перед деканом для демонстрации уважения); 3) коммуникативные рестрикции относятся «к соблюдению определенных норм поведения, зафиксированных в приметах и суевериях» (*Ни пуха, ни пера! – К черту!*); 4) рестрикции, касающиеся политкорректности. Речь идет, главным образом, о странах Запада – вместо слова *housewife* следует употреблять политкорректное *home keeper*). Отмечается, что такой тип рестрикций, как прагматические рестрикции, «отражает этнокультурную специфику общения, то, что неприемлемо в одной культуре, может быть допустимо в другой» (с. 310).

Рассматривая проблему коммуникативных табу в аксиологическом аспекте, В. И. Карасик приходит к следующему выводу: «Ценности – приоритеты поведения – определяются доминирующими установками общества и личности. Цивилизационный сдвиг сопряжен с появлением новых разновидностей социальных табу разной степени жесткости. К числу таких запретов в современной России относятся избегание патетичности, скромно-уважительного поведения и увлеченности трудом или учебой. Эти социальные запреты в значительной мере локализованы в молодежном поведении и обусловлены глобализационными процессами в массовой культуре» (с. 322).

Значительный интерес для гендерологов, в целом для социолингвистов, представляет собой содержание §4.3. Здесь автор выносит на обсуждение вопрос пейоративной гендерной асимметричности с аксиологической позиции. В. И. Карасик полагает, что в гендерной оценочной асимметричности объективно находят отражение зафиксирован-

ные в социуме нормы, правила поведения мужчин и женщин. Женщинам предписывается вести себя скромно, мужчинам не быть слишком самоуверенными, но обладать сильным характером. Заслуживает внимания следующее наблюдение В. И. Карасика: «В семантике определенных оценочных слов прослеживается гендерно значимое уточнение поступков соответствующих субъектов. Языковая техника отражения гендерной асимметричности в русской оценочной лексике применительно к аффиксации и метафорике состоит в закреплении стереотипных проявлений женского и мужского поведения. Значимым является отсутствие языковых формантов обозначения гендера, свидетельствующее о том, что определенные характеристики поведения не являются релевантными для носителей культуры» (с. 331). Сделанные выводы сопровождаются соответствующими языковыми фактами с их детальным комментарием.

Заключение монографии содержит основные выводы исследования.

Издание книги «Языковые камертоны смысла» мы расцениваем как значительный вклад известного ученого в развитие аксиологической лингвистики и сопряженных с ней научных направлений гуманитарно-социального профиля.

Сердечно поздравляем Владимира Ильича Карасика с выходом в свет книги, которая – как и предыдущая серия его монографических изданий – найдет широкую читательскую аудиторию!

Список литературы

1. Асадуллаева А. В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2011.
2. Валяйбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2011.
3. Волкова Я. А., Птукия А. Р. Речевая интенция как базовый параметр деструктивного текста // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 1 (01). 2023. С. 19–23.
4. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.
5. Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция «Словаря культуры»: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2002.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
9. Китанина Э. А. Эволюция ценностных ориентиров в постиндустриальную эпоху: концепт «справедливость» // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / Под ред. Н. А. Боженковой, М. Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 76–87.
10. Красавский Н. А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: монография. Волгоград: Перемена, 2023.
11. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
12. Панченко Н. Н. Деструктивное коммуникативное поведение учителя как модель для подражания учащихся // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 2 (77). 2023. С. 127–133.
13. Савицкий В. М. Концепт «зависть»: аксиологический аспект // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы междунар. науч. конф. (г. Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 25 ноября 2017 г.). Тяньцзинь: ПринТерра-Дизайн, 2017. С. 128–132.

14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

15. Ярошенко О. А. Эволюция лингвокультурного типажа «русский интеллигент» (на материале произведений русской художественной литературы второй половины XIX – начала XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2011.

* * *

1. Asadullaeva A. V. Istoricheskij kriminal'nyj lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij pirat»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogradskij gos. socz.-ped. un-t, 2011.

2. Valyajbob A. V. Lingvokul'turnyj tipazh «amerikanskij pervoproxodec»: simvolicheskie karakteristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogradskij gos. socz.-ped. un-t, 2011.

3. Volkova Ya. A., Ptukyan A. R. Rechevaya intenciya kak bazovyj parametr destruktivnogo teksta // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 1 (01). 2023. S. 19–23.

4. Vorkachev S. G. Voploshhenie smy'sla: conceptualia selecta: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2014.

5. Guly'ga A. V. E'stetika v svete aksiologii. SPb.: Aletejya, 2000.

6. Evsyukova T. V. Lingvokul'turologicheskaya koncepciya «Slovara kul'tury»: dis. ... d-ra filol. nauk. Nal'chik: Kabard.-Balkar. gos. un-t im. X. M. Berbekova, 2002.

7. Karasik V. I. Yazy'kovoj krug: lichnost', koncepty', diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

8. Karasik V. I. Yazy'kovaya kristallizaciya smy'sla. Volgograd Paradigma, 2010.

9. Kitanina E'. A. E'voljuciya cennostny'x orientirov v postindustrial'nyu e'poxu: koncept «spravedlivost' // Yazy'k: zhizn' smy'slov vs smy'sl zhizni: monografiya / Pod red. N. A. Bozhenkovej, M. R. Zheltuxinoy. M.: INFRA-M, 2023. S. 76–87.

10. Krasavskij N. A. Individual'no-avtorskie konceptosfery e'mocij Germana Gesse, Stefana Czvejga i Roberta Muzilya: monografiya. Volgograd: Peremena, 2023.

11. Leont'ev D. A. Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opyt' mnogomernoj rekonstrukcii // Voprosy' filosofii. 1996. № 4. S. 15–26.

12. Panchenko N. N. Destruktivnoe kommunikativnoe povedenie uchitelya kak model' dlya podrazhaniya uchashhixsya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. № 2 (77). 2023. S. 127–133.

13. Saviczkiy V. M. Koncept «zavist'»: aksiologicheskij aspekt // Cennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazy'kovoe soznanie, kommunikaciya, tekst: materialy' mezhdunarod. nauch. konf. (g. Tyan'czzin', Tyan'czzinskij universitet inostranny'x yazy'kov, 25 noyabrya 2017 g.). Tyan'czzin': PrinTerra-Dizajn, 2017. S. 128–132.

14. Stepanov Yu. S. Konstanty'. Slovar' russkoj kul'tury'. Opyt' issledovaniya. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1997.

15. Yaroshenko O. A. E'voljuciya lingvokul'turnogo tipazha «russkij intelligent» (na materiale proizvedenij russkoj xudozhestvennoj literatury' vtoroj poloviny' XIX – nachala XXI vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogradskij gos. socz.-ped. un-t, 2011.

The world of values in linguistic worldview (review of the monograph by V. I. Karasik «Language tuning forks of meaning». M.: State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin. 2024. 416 p.)

(Статья поступила в редакцию 24.07.2024).

Н. В. ЗИМИНА
Волгоград

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ
МЕДИЦИНСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА**
(рецензия на монографию Н. Л. Шамне, Е. Ю. Васильевой «Медийный
медицинский дискурс: функциональный и прагматический аспекты».
Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2023. 192 с.)

Фокус лингвистических исследований сместился в последние десятилетия с изучения проблем структурной лингвистики на анализ различных аспектов речевой деятельности. Объектами филологических изысканий стали дискурс и дискурсивные практики [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В связи с этим тема монографии Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильевой, выполненной в русле дискурсивных исследований, несомненно, является актуальной.

В рецензируемой монографии ставится и успешно решается задача комплексного анализа речевого поведения субъектов медицинского медиадискурса, а именно совокупности речевых и неречевых действий, способствующих успешной трансляции медицинской информации в формате телевизионного ток-шоу о здоровье. Работа базируется на обширном фактическом материале. Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильева обратились к видеозаписям ток-шоу «Hauptsache Gesund», что позволило обеспечить солидную эмпирическую базу для наблюдений, выводов и обобщений.

Первая глава монографии посвящена исследованию медийного медицинского дискурса как разновидности институционального общения. Авторы уделяют значительное внимание уточнению релевантных для настоящего исследования понятий – *дискурса* и *дискурсивного анализа*. На основе тщательного и подробного обзора научной литературы по данному вопросу, сравнения существующих концепций делается обоснованный вывод о том, что ни один из имеющихся на данный момент подходов не является всеобъемлющим и различные направления в изучении дискурса, так или иначе, дополняют друг друга. В книге *дискурс* определяется как «коммуникативная деятельность, объединяющая каждый параметр, типичный как для текста, так и речи, характеризующаяся реальностью, актуальностью и событийностью, относящейся к конкретному времени и месту, что указывает на его принадлежность к уровню языковой коммуникации» (с. 20).

Далее в монографии представлен комплексный анализ медиадискурса, его особенностей и составляющих, в результате которого авторы приходят к пониманию данного феномена как сложного коммуникативного явления, реализующегося с помощью средств массовой информации и имеющего целью оказание влияния на общественное сознание и социальную практику реципиента.

Отдельный параграф рецензируемой работы посвящен изучению функционально-прагматических особенностей медицинского дискурса в медийном пространстве. Авторы рассматривают основные параметры и существенные характеристики медицинского медийного дискурса и предлагают следующую трактовку его основной цели: «предоставление информации в сфере медицины и здоровья для массовой аудитории, включающей сведения о возникновении различных заболеваний, борьбы с ними, их предотвращении, а также обсуждения здорового образа жизни» (с. 34). Важным для понимания механизма осуществления данной цели является замечание исследователей о том, что медицинский медиадискурс призван формировать социальное мнение, чему способствует привлечение культурного, функционального, прагматического, ситуативного и психологического контекста, а также определенного спектра языковых средств.

Во второй главе монографии рассматриваются речевые жанры и коммуникативные ситуации, представленные в медийном пространстве медицинского дискурса. Ав-

торы выделяют шесть речевых жанров, релевантных для немецкого ток-шоу о здоровье «Hauptsache Gesund». Опираясь на солидную эмпирическую базу, исследователи предлагают типологизацию жанров, а также проводят количественный анализ монологических и диалогических единиц, позволяющий сделать обоснованный вывод о ведущей роли речевого жанра «закадровый голос».

Далее в работе убедительно показываются основные функции закадрового голоса, а именно информативная, описательно-информативная, пояснительная и воздействующая. Заслуживают внимания замечания авторов работы о специальных методах, повышающих эффективность воздействия закадрового голоса на аудиторию, к которым относят использование комиксов, компьютерной графики, ритмизацию и др. (с. 58).

Для достижения поставленных исследовательских задач Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильева обращаются к понятию коммуникативной ситуации, подробно анализируют релевантные для исследования параметры и представляют классификацию моделей коммуникативных ситуаций медийного медицинского дискурса.

Несомненным достоинством работы является тщательное описание моделей коммуникативных ситуаций, коммуникативными парами в которых выступают ведущий и врач, ведущий и пациент, врач и пациент, закадровый текст и массовая аудитория. В каждом случае обстоятельно исследуются регистр общения, объем сообщения, интенции участников коммуникации. Особую ценность представляет анализ языковых средств, используемых коммуникантами, а также замечания о комбинации языкового и кинесического кодов общения.

В третьей главе монографии авторы обращаются к прагматическому аспекту коммуникативных стратегий и тактик в медицинском ток-шоу. Заслугой исследователей является наглядно представленная обоснованная стратегемно-тактическая организация медицинского медиа-дискурса (с. 114).

Каждая из выявленных речевых стратегий и относящихся к ним тактик получает в работе детальное описание. Так, речевая стратегия контроля коммуникативной инициативы представлена тактиками «передачи инициативы», «взятия инициативы», «перехвата инициативы», «поощрения инициативы», «уклонения инициативы», «завершения разговора». Авторам удается показать основные отличительные черты указанной стратегии, обусловленные особенностями речевого жанра и диалогической формой речевого взаимодействия. С опорой на фактический материал выявляется специфика реализации каждой из упомянутых тактик в парах «ведущий-врач», «ведущий-пациент», «врач-пациент». Несомненным достоинством работы является привлечение иллюстративных материалов, которые помогают составить полную картину используемых участниками ток-шоу коммуникативных средств, дополняя информацию о языковых средствах наглядным изображением жестов.

Рассматривая просвещающую стратегию, Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильева справедливо отмечают асимметричность распределения ролей участников коммуникации. Тактика адаптации материала для телезрителя, вопросительная тактика, тактика просьбы, тактика уточнения, тактика комментирования слов партнера характерны для коммуникативных ситуаций «ведущий-врач» и «ведущий-пациент». В работе приводятся как примеры высказываний участников ток-шоу, так и стоп-кадры из телепередач, позволяющие составить представление о спектре вербальных средств и невербальных сигналов, используемых коммуникантами для решения коммуникативных задач.

Представляет интерес анализ специфики реализации стратегии самопрезентации. Адресант медийного дискурса, несомненно, нацелен на то, чтобы произвести нужное впечатление не только на непосредственного партнера по коммуникации, но и на массовую зрительскую аудиторию. По справедливому замечанию авторов, данная стратегия «играет роль механизма возникновения необходимого чужого мнения о себе» (с. 146). В рамках рассматриваемой телевизионной передачи выявляются две ключевые тактики:

для ведущего – тактика приветствия и тактика привлечения и удержания внимания аудитории, при этом в ряде ситуаций отмечается их пересечение. В рамках этой же стратегии врачи прибегают к иным тактикам – тактике убеждения и тактике информирования. При этом отмечается, что пациенты-участники телевизионной передачи прибегают к единственной тактике – представления частного клинического случая. Заслуживают внимания обобщающие замечания о применении вербальных и невербальных средств реализации той или иной тактики различными участниками коммуникативных ситуаций: так, наиболее широкий спектр демонстрирует модератор сообразно своей роли, приглашенные врачи проявляют себя менее активно под влиянием непривычной обстановки, наименьшей же активностью характеризуются выступления пациентов.

Таким образом, Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильева, проделав большую исследовательскую работу, приходят к заключению о том, что успешность трансляции медицинской информации и ее правильное восприятие телезрителями являются результатом согласованной организации как речевых, так и неречевых действий в рамках диалогического и монологического общения в пространстве медицинского медиадискурса.

Рецензируемая монография Н. Л. Шамне и Е. Ю. Васильевой заслуживает внимания широкой читательской аудитории не только благодаря актуальности темы, тщательному анализу имеющейся научной литературы по проблеме исследования, собственным обоснованным выводам и обобщениям и глубокому анализу фактического материала, но и в силу того, что авторы обращаются к интереснейшему медийному жанру – немецкому ток-шоу о здоровье. В связи с этим любопытно было бы выяснить, наблюдаются ли в коммуникативном поведении участников телевизионной передачи национально-специфические черты на уровне вербальной и невербальной коммуникации. Перспективным в русле предпринятого исследования видится сопоставительный анализ немецкого и российского ток-шоу аналогичной тематики.

Список литературы

1. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса. М. URSS, Ленанд, 2006.
2. Волкова Я. А., Птукян А. Р. Речевая интенция как базовый параметр деструктивного текста // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 19–24.
3. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность. Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. научных трудов. Волгоград, 1999. С. 5–19.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
6. Полонский А. В. Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6). С. 42–56.
7. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 6. С. 31–37.

* * *

1. Borbot'ko V. G. Principy` formirovaniya diskursa. M. URSS, Lenand, 2006.
2. Volkova Ya. A., Ptukyan A. R. Rechevaya intenciya kak bazovy`j parametr destruktivnogo teksta // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social`no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 19–24.
3. Karasik V. I. Charakteristiki pedagogicheskogo diskursa // Yazy`kovaya lichnost`. Problemy` lingvokul`turologii i funkcional`noj semantiki: sb. nauchny`x trudov. Volgograd, 1999. S. 5–19.
4. Karasik V. I. Yazy`kovej krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

5. Makarov M. L. Osnovy` teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
6. Polonskij A. V. Media-diskurs-koncept: opy`t problemnogo osmy`sleniya // Sovremenny`j diskurs-analiz. 2012. № 1 (6). S. 42–56.
7. Xurmatullin A. K. Ponyatie diskursa v sovremennoj lingvistike // Ucheny`e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e nauki. 2009. T. 151. № 6. S. 31–37.

The specific features of communicative behavior of subjects of medical media discourse (review of the monograph by N. L. Shamne, E. Yu. Vasilyeva «Media medical discourse: functional and pragmatic aspects (based on the German language)». Volgograd: Volgograd State Medical University, 2023. 192 p.)

(Статья поступила в редакцию 16.04.2024).

Т. В. ЧЕРНИЦЫНА
Волгоград

В ВОЗДУХЕ ВИТАЕТ ПУШКИНИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА!

Актуальные проблемы лингвистики: VII Международная научная конференция и II Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика», организованные кафедрой русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета и Волгоградским центром гражданского образования, прошли 23 – 26 апреля 2024 г. в стенах ВГСПУ. Проведение такого ежегодного мероприятия стало уже доброй традицией, направленной на расширение научного и педагогического сотрудничества в области преподавания, исследования и популяризации русского языка и литературы в России и за рубежом; укрепление общекультурных связей, активизацию научно-практического диалога между русистами России и других стран, развитие международных контактов.

Мероприятие проходило в смешанном очно-дистанционном формате и состояло из шести пленарных и четырех секционных заседаний VII Международной научной конференции, а также из трех пленарных заседаний II Студенческой научно-практической конференции, которые в общей сложности охватили около 200 участников из Беларуси, Венгрии, Казахстана, Азербайджана, Молдавии, Киргизии, Узбекистана, Вьетнама, КНР, Польши, Ирана, Индии, Сербии, Чехии, Греции, Кубы, Турции.

На заседаниях присутствовали онлайн студенты Лагосского университета (Нигерия). География России тоже была широко представлена: Калмыкия, Крым, Донецк, Луганск, Саранск, Тюмень, Владимир, Волгоград, Уфа, Оренбург, Грозный и др.

Первый день этого масштабного мероприятия начался с приветственных слов Е. В. Брысиной, председателя оргкомитета, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания, директора Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета; Инны Анатольевны Прихожан, кандидата философских наук, президента Волгоградского центра гражданского образования, а также участников конференции из вузов России, Беларуси, Вьетнама, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Индии, Молдавии, Чехии, Ирана и Китая.

С музыкальным приветствием выступил профессорско-магистрантский ансамбль «Слово славное» под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Л. А. Шестак. Прозвучали народные песни на славянских языках: белорусском и польском.

В выступлении профессоров кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ Е. В. Брысиной и В. И. Супруна на тему «Изменения в русском языке в период постглобализации» прозвучал актуальный на сегодняшний день вопрос: Интернет – это благо? В. И. Супрун рассказал о том, как английские слова проникают в русский язык, как манипулируют общественным сознанием «через английский язык», обратил внимание на «нелюбимые» заимствованные слова, вызывающие негативные ассоциации: *кол-лаборация*, *тотальный* и др. Профессор считает, что в обществе уже появилось понимание, какой истинный смысл пытаются скрыть за иностранными словами, и она вселяет уверенность, что русский язык окрепнет и займет свое достойное место на лингвистической мировой арене. Закончил свое выступление ученый очень вдохновенно: «В воздухе витает пушкинизация русского языка!».

Доклад профессора Донецкого государственного университета В. И. Теркулова был посвящен очень актуальной и одновременно печальной теме – военной. Интереснейший рассказ о словах войны, о концептах войны с очень яркими примерами из текстов живых информационных источников, в том числе из групп социальных сетей ДНР и ЛНР, привлекал внимание всех присутствующих. Известное выражение «Главное – оставаться человеком» в условиях войны приобретает иной смысл.

Из выступления Т. В. Мосейчук, кандидата филологических наук, доцента Могилевского государственного университета (Беларусь), о кинемах как единицах кинесики слушатели узнали много интересного об этикетных и ритуальных, табуированных и иных их разновидностях. Оказывается, у исторической прагматической установки переносить невесту через порог есть объяснение: порог сакральное место, дом через этот самый порог охраняют предки, которых издревле хоронили недалеко от него. Поскольку невеста – новый человек в доме, поэтому незамеченной может переступить порог только на руках у мужа. Узнали и о белорусских узорах, связанных с языческими традициями, а также о том, что в невербальной коммуникации восточных славян, несмотря на различия, связанные с менталитетом, культурологическими особенностями, есть много общего.

Д. Ю. Каторгина, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Луганского государственного педагогического университета, затронула важные аспекты социокультурного потенциала СМИ. Речь шла о последствиях перехода средств массовой информации в цифровое пространство. Докладчик подчеркнул, насколько важно создание единого информационного поля через установление «повестки дня». Новые медиа должны транслировать культурные ценности в общество, особенно в молодежную среду.

Дополненное красочной презентацией выступление М. Н. Панчехиной, доцента кафедры русского языка Донецкого государственного университета, о региональной идентичности Донецка – города миллиона роз (так сами горожане называют свой родной Донецк) – было эмоциональным и очень познавательным. Мария Николаевна проа-

нализировала компоненты региональной идентичности: когнитивный, ценностный, деятельностьный, эмоциональный. Последний компонент включает оценочность, самоидентификацию, о чем свидетельствуют примеры: *«люди из стали»*, *«люди из железа»*, *«донецкий характер»* (так дончане говорят о себе). Интерес вызвали и неофициальные урбанонимы, которые широко используются в современной литературе, особенно в стихах о войне.

Ключевое понятие в названии доклада «Травма войны в современной поэзии Донбасса: стратегии репрезентации» стало лейтмотивом выступления Н. Ю. Калининой, старшего преподавателя кафедры журналистики и издательского дела Луганского государственного педагогического университета. Слушать доклад, осознавая всю трагичность поднятой темы, было непросто всем. Завершая выступление, исследовательница отметила, что наряду с погребальной семантикой, внушающей страх, в современной поэзии Донбасса появляется символ жизни и спасения – «лампада».

В насыщенном примерами докладе профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ Л. А. Шестак прозвучала важная мысль: язык есть признак нации. Вспомнили слова польского лингвиста А. Вежбицкой о том, что в любом русском стихотворном тексте присутствует хотя бы одно понятие из национальной русской триады: *душа – судьба – тоска*. Отдельно было подчеркнуто, что победа в Великой Отечественной войне над фашизмом была не только военной, но и идеологической, культурной: русский язык стал языком межнационального общения, языком космоса. И снова звучала лексика и фразеология войны, т.к. закрыть глаза на происходящее сегодня в мире невозможно.

Новое прочтение известной пьесы А. П. Чехова «Чайка» продемонстрировал профессор кафедры русского языка и методики его преподавания В. П. Москвин, заставив слушателей задуматься над тем, как разгадывать символы, зашифрованные в именах и репликах автора и героев пьесы.

Завершило открытие конференции выступление доцента кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ Е. В. Кузнецовой, посвященное диалектным словам со значением 'высокая волна'. Все лексемы представляют собой эмоционально-окрашенные слова и свидетельствуют о богатом словотворчестве носителей говоров.

Второй день конференции прошел не менее плодотворно: выступления практикующих специалистов, преподавателей вызвали у коллег и студентов неподдельный интерес, став предметом научных дискуссий. Доклады профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ М. Ф. Шацкой (о первичных и вторичных ботанических и зоологических номинациях в славянских языках), доцентов Т. В. Черницыной (о лексико-семантическом функционировании имен собственных в прозе В. М. Шукшина) и С. М. Рудометовой (о наименованиях элементов костюма в мещерских говорах Волгоградской области), ассистента кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ И. М. Филатовой (о диалектных словах чирской группы донских говоров Волгоградской области), аспиранток кафедры Д. А. Селезновой (о роли фразеологических единиц в структуре рекламного текста), гражданки КНР Ван Хань (о типах номинации социума в русской языковой картине мира), магистранта кафедры В. В. Дашинского (о функционировании библионимов в художественном пространстве произведений волгоградского фантаста Е. Ю. Лукина) – пробудили неподдельный интерес у слушателей конференции и, безусловно, пополнили багаж лингвистических знаний начинающих исследователей.

На секционных заседаниях конференции обсуждались различные лингвистические и методические проблемы: обучение русскому языку как иностранному в зарубежных вузах, лексические, морфологические, синтаксические тенденции в современном русском языке, функционирование фразеологических единиц в рекламном и медийном

дискурсах, в российско-среднеазиатских дипломатических документах XVII в., онтогенез речевого акта «клятва», лингвокультурный аспект русского языка и др.

Особенно яркими были выступления студентов Института русского языка и словесности ВГСПУ: Илюхиной Арины на тему «Риторический идиостиль политика: приемы речевого воздействия в интервью В. В. Путина Т. Карлсону» и Аржанова Александра – «Приемы комического в речи ведущего политического ток-шоу (на примере телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьевым»).

Конференция стала площадкой активного межкультурного общения и обмена научными достижениями. На завершающем заседании модераторы и руководители секций представили итоги работы в группах, поделились достижениями и высказали предложения по содержанию резолюции конференции.

Резолюция конференции включила в себя итоги обсуждения докладов на пленарном заседании, выступлений референтов и дискуссий в рамках секций. Была особо подчеркнута роль родного языка как «одного из ключевых средств сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народов и преемственности поколений».

В адрес коллектива филологов Волгоградского государственного социально-педагогического университета было сказано много теплых слов, прозвучали добрые пожелания и слова благодарности.

Pushkinization of the Russian language is in the air!

(Статья поступила в редакцию 23.06.2024).

Е. И. АЛЕЩЕНКО
Волгоград

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТАЛИНГРАДСКАЯ ГВОЗДИКА»**

С 23 по 26 апреля 2024 г. в Волгограде в рамках VI Международного форума «Золотая звезда», посвященного 80-летию победы в Сталинградской битве, состоялись VII Международная научная конференция и II Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика». Мероприятие проходило на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета под эгидой Министерства просвещения РФ, ассоциации «Российское общество преподавателей русского языка и литературы» (РОПРЯЛ) и при содействии Волгоградского центра гражданского образования. На открытии VII Международной научной конференции «Сталинградская гвоздика» с приветственным словом ко всем ее участникам обратились Е. В. Брыси-

на, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета, а также И. А. Прихожан, кандидат философских наук, президент Волгоградского центра гражданского образования. По сложившейся традиции на открытии конференции также выступил профессорско-магистрантский ансамбль Института русского языка и словесности ВГСПУ «Слово славное», исполнивший песни на славянских языках. Очно и онлайн с приветствием к участникам конференции обратились представители вузов России, Беларуси, Вьетнама, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Индии, Молдавии, Чехии, Ирана и Китая.

В работе конференции приняли участие 78 докладчиков из 9 городов РФ (Волгоград, Донецк, Луганск, Уфа, Гурзуф, Тюмень, Элиста, Владимир, Саранск) и 18 стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Сербия, Иран, Беларусь, КНР, Казахстан, Чехия, Венгрия, Польша, Молдова, Греция, Узбекистан, Вьетнам, Киргизия, Нигерия, Куба, Индия, Турция). Участники конференции представили 42 образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежья.

На объединенном первом и втором пленарных заседаниях (руководители К. И. Декатова и Т. В. Черницына) выступили представители российских и зарубежных образовательных и научно-исследовательских организаций.

Е. В. Брысина и В. И. Супрун в совместном докладе попытались ответить на актуальный на сегодняшний день вопрос: Интернет – это благо? В. И. Теркулов представил интереснейший доклад о словах войны, о концептах войны с очень яркими примерами из текстов живых информационных источников, в том числе из групп социальных сетей ДНР и ЛНР.

В докладе Т. В. Мосейчук рассказывалось о кинемах как единицах кинесики, а именно – об этикетных и ритуальных, табуированных и иных их разновидностях.

Д. Ю. Каторгина говорила в своем выступлении о последствиях перехода средств массовой информации в цифровое пространство. Е. А. Болтовская посвятила доклад грамматической вариантности номинаций денежных единиц. М. Н. Панчехина выделила компоненты региональной идентичности: когнитивный, ценностный, деятельностный, эмоциональный. Н. Ю. Калина проанализировала стратегии репрезентации травмы войны в современной поэзии Донбасса. Л. А. Шестак рассказала о русском языке как наследии Великой Победы. В. П. Москвин поведал о тайнах драматургии А. П. Чехова, о том, как разгадывать символы, зашифрованные в именах и репликах автора и героев пьесы «Чайка». Е. В. Кузнецова проанализировала наименования высокой волны в русских говорах.

Тематика докладов третьего и четвертого объединенных пленарных заседаний (руководители В. П. Москвин и В. В. Дашинский) также охватывала широкий круг вопросов современной филологии. С. М. Рудометова рассказала о наименованиях элементов костюма (преимущественно женской одежды) в мещерских говорах Волгоградской области. Доклад Т. В. Черницыной был посвящен лексико-семантическому функционированию имен собственных в прозе В. М. Шукшина.

М. Ф. Шацкая рассуждала в выступлении о первичных и вторичных ботанических и зоологических номинациях в близкородственных славянских языках. Выступление И. М. Филатовой было посвящено донским говорам в современном языковом пространстве. Ван Хань, аспирантка кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ, выявила типы номинации социума в русской языковой картине мира, привела примеры формальных и неформальных номинаций социума, встречающиеся в современных российских новостных текстах. Д. А. Селезнева представила результаты исследования роли фразеологических единиц в структуре рекламного текста. Докладчиком были рассмотрены такие модели реклам, как модель-сравнение, модель-диалог, модель-вопрос/загадка. В. В. Дашинский рассказал о существующих в научной лите-

ратуре классификациях библионимов и в соответствии с некоторыми из них (семантической, структурно-синтаксической, функциональной и др.) классифицировал названия рассказов волгоградского писателя-фантаста Е. Ю. Лукина из цикла «Юность кудесника» (2007).

На заседании секции № 1 (руководители Е. В. Кузнецова и А. М. Карпова) Т. Л. Бахшиева рассмотрела области ономологии. В. Вегвари остановилась на причинах выбора для изучения русского языка в венгерской аудитории. В совместном докладе Е. В. Сабиевой, М. Е. Какимовой и Р. К. Алешиной шла речь об особенностях ономастического пространства на материале антропонимов из «Донских рассказов» М. А. Шолохова. А. Гадомский остановился на методологии теолингвистических исследований. Во Тхи Нгок Куиен проанализировал типичные трудности, с которыми сталкиваются вьетнамские студенты при изучении русского языка. Совместный доклад Г. Б. Мадиевой, А. А. Кабытаевой, А. З. Кайбулдаевой был посвящен именам собственным в языковом пространстве города Алматы. Ву Тхи Лан рассуждал об обновлении учебной программы по русскому языку для повышения исследовательских способностей офицерских кадров на военных кораблях, об использовании специализированного материала в работе. Е. Журавлева посвятила свое исследование лексическим грецизмам в русском языке, исходя из опыта преподавания русского языка как иностранного в греческой аудитории.

Выступления на секции № 2 (руководители П. В. Чеснокова и В. В. Дашинский) освещали широкий круг вопросов. Специфику наименований оружия и военной техники вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны рассмотрели в совместном докладе Е. А. Яковлева и Э. Н. Ирнараров. М. Искандари рассуждал о способах перевода на персидский язык русских гендерных местоимений. И. С. Святобаченко ознакомила аудиторию с вопросом корреляции синтактико-семантической структуры бессоюзного предложения с его коммуникативной перспективой. Г. Гадомская посвятила свое выступление адекватности русско-польского перевода православных эротонимов. Нгуен Ван Тоан осветил в докладе совместную работу преподавателей русского языка и специализированных дисциплин при обучении русскому языку как специальности в ГТУ имени Ле Куй Дона. Нгуен Хонг Диеп остановился на применении визуального метода в обучении русскому языку как иностранному в специальных целях в ГТУ имени Ле Куй Дона, а Нгуен Зуи Зунг – на особенностях обучения русскому языку в Академии противовоздушной обороны и Военно-воздушных сил Вьетнама.

Доклады на секции № 3 (руководители Т. Н. Колокольцева и С. М. Рудометова) охватили широкий круг лингвистических проблем. Ф. Наджиева осветила деятельность русскоязычных журналов в странах СНГ, а Б. Сабо – положение русского языка в Сербии. Нгуен Тхи Ле Куен проанализировал работу с текстом на занятиях по чтению у студентов старших курсов Ханойского университета. Н. И. Ершова посвятила выступление основным структурным типам фразеологизмов с компонентом-прилагательным в русских говорах Мордовии. Й. Кеснер рассмотрел несклоняемое препозитивное определение как свидетельство развития русского и чешского языков в направлении к аналитизму. В. А. Ковалева остановилась на актуальных проблемах функционирования и изучения русского языка в условиях цифровой трансформации. Нгуен Тхи Ньи Нгуен и Нгуен Тхи Тхао исследовали гипертекст как средство обучения русскому языку как иностранному в эпоху цифровизации. Совместный доклад вьетнамского исследователя Нгуен Тхи Киеу Ви со студентами Нгуен Нгок Чук Ли, Нгуен Тхи Тхань Хуен, Фам Тхи Хоай Ньонг, Ле Тхи Иен Фьонг, Чу Мин Чау был посвящен распространенным английским заимствованиям из чат-групп русских, проживающих в городе Хошимине.

В ходе работы секции № 4 (руководители Л. А. Шестак и И. М. Филатова) слушатели познакомились с историей употребления фразеологизмов *позвать к руке* и *класть руку* в российско-среднеазиатских дипломатических документах XVII в., которой посвятил свое исследование Д. С. Кулмаматов. В совместном докладе Ле Тхи Фьонг Линь

и Нгуен Тхи Занг рассмотрели вопрос о появлении языкового барьера у вьетнамских студентов при изучении текстов коммерческих контрактов и дали некоторые рекомендации обучающимся. В докладе Буй Тхи Хыонг Лоан проведен анализ субстантивации в живой речи на материале телепередач «Первого канала». У. К. Кадыркулова и З. З. Абдуманова в совместном исследовании оценили современное состояние преподавания русского языка в Кыргызстане. Р. И. Сайдуллаева ознакомила слушателей с ономастикой произведения Низамиддина Шами «Зафарнаме», а Уде Фрайдей Эменка – с современным состоянием научного описания нигерийских языков. А. А. Соколова и Н. А. Фатеева посвятили свое выступление выявлению современных аспектов патриотизма. Методические проблемы состояния и перспектив преподавания русского языка на Кубе и преподавания русской литературы в индийских вузах изучали Сеспедес Борель Хильберто и Банерджи Лили соответственно. Ю. С. Брегадзе рассказала об особенностях синтаксического строя произведений Е. Г. Водолазкина, а З. Шахин – о проблемах дистанционного обучения при преподавании русского языка как иностранного.

Научный форум продолжился работой II Студенческой научно-практической конференции «Сталинградская гвоздика». Научные доклады представили 40 студентов. Помимо представителей российских вузов в ней принимали участие молодые исследователи из Азербайджана, Вьетнама, КНР, Молдовы, Нигерии. Тематика студенческих выступлений была весьма разнообразна: от исследований в области истории русского языка и литературы до актуальных вопросов русской филологии. Было уделено внимание и вопросам преподавания русского языка как родного и как иностранного. Участников конференции приветствовали Е. В. Брысина, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета, И. А. Прихожан, кандидат философских наук, президент Волгоградского центра гражданского образования, В. И. Теркулов, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Т. В. Мосейчук, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана по воспитательной работе факультета математики и естествознания Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова, Д. Ю. Каторгина, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Луганского государственного педагогического университета. В рамках студенческой конференции работали три пленарных заседания, которыми руководили профессор В. И. Теркулов, доцент Т. В. Мосейчук, доцент Е. А. Болтовская.

VII Международная научная конференция и II Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика» прошли на высоком научном уровне. Был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов, связанных с русской филологией в ее различных аспектах. Докладчики подчеркивали роль русского языка как одного из средств формирования русской культуры, а также как одного из ее компонентов. Обсуждались вопросы, связанные с изменением статуса русского языка в современном мире и его возросшим значением для патриотического и духовно-нравственного воспитания современной российской молодежи. По-прежнему важными названы аспекты научного взаимодействия, связанные с формированием единого социокультурного пространства и общей языковой ситуации в России, укреплением положения российских ученых в мировой научно-образовательной среде, расширением сети научных связей и профессиональных контактов между русистами разных стран, закреплением тенденций создания благоприятного образа России в мировом сообществе.

International scientific and practical conference «Stalingrad Carnation»

(Статья поступила в редакцию 01.07.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Алещенко
Елена Ивановна*

– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: medal@bk.ru

*Алёшина
Раушан Казжановна*

– учитель русского языка и литературы Бишкульской школы 2, Северо-Казахстанская область, Кызылжарский район. E-mail: Rozaaleshina@mail.ru

*Богомазова
Виктория Владимировна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: v.bogomazova@rambler.ru

*Бойченко
Наталья Викторовна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nboychenko@yandex.ru

*Болтовская
Елена Александровна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, Беларусь. E-mail: baltouskaya@list.ru

*Гребенюк
Елена Федоровна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: elena_bolfdareva@mail.ru

*Гулинов
Дмитрий Юрьевич*

– доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: satellite74@yandex.ru

*Гуляева
Марианна Александровна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: maryilya@yandex.ru

*Дащинский
Владислав Викторович*

– аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

*Декатова
Кристина Ивановна*

– доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dekatovaki@mail.ru

*Зайцева
Ольга Рафаильевна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: skijoks@yandex.ru

- Зими́на
Ната́лия Влади́мировна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nataliasimina@yandex.ru
- Иванова
Ю́лия Миха́йловна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: julivanova@yandex.ru
- Кабытаева
Айым Асеткызы* – старший преподаватель, Алматы менеджмент университет. E-mail: Aiymphd@gmail.com
- Кайбулдаева
Аксауле Зауытбековна* – старший преподаватель кафедры тюркологии и теории языка, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: axaule.kaibuldayeva@gmail.co
- Какимова
Майра Еренгаиповна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Германо-романская филология», НАО Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева E-mail: mkakimova2009@mail.ru
- Кокова
Бэла Джамалдиновна* – профессор кафедры фортепиано и методики, Северо-Кавказский государственный институт искусств. E-mail: belakokova @yandex.ru
- Кокова
Лейла Джамалдиновна* – заведующий лабораторией ономастики и социально-политических исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. E-mail: kokovaleila@yandex.ru
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Кулинич
Марина Александровна* – доктор культурологии, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Marina-kulinich@yandex.ru
- Ле Тхи Фыонг Линь* – кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка, Хошиминский государственный педагогический университет, Вьетнам. E-mail: linhltp@hcmue.edu.vn
- Мадиева
Гульмира Баянжановна* – доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии и теории языка, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: gmadi@mail.ru
- Мельникова
Ксения Александровна* – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ярославский государственный технический университет. E-mail: ledeja@yandex.ru
- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

- Нгуен Тхи Занг* – кандидат филологических наук, заместитель декана факультета русского языка, Хошиминский государственный педагогический университет, Вьетнам. E-mail: giangnt@hcmue.edu.vn
- Никитина
Анна Валерьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: meav@yandex.ru
- Остринская
Наталья Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natalia-ostrinskaya@yandex.ru
- Перевалова
Светлана Валентиновна* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: cavalier@yandex.ru
- Пригарина
Наталья Константиновна* – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: prugarina99@mail.ru
- Путило
Анна Олеговна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики её преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: anna.putilo@yandex.ru
- Сабиева
Елена Викторовна* – кандидат филологических наук, доцент, директор института языка и литературы, НАО Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева. E-mail: Sabieva1969@mail.ru
- Савина
Лариса Николаевна* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики её преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: larisavina1712@rambler.ru
- Стаценко
Варвара Анатольевна* – аспирант кафедры литературы и методики её преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: varsta2001@mail.ru
- Тюкина
Людмила Александровна* – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Ярославский государственный технический университет. E-mail: ltyukina@yandex.ru
- Федоров
Федор Дмитриевич* – ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: hello672137@mail.ru
- Черницына
Татьяна Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru
- Шамишина
Антонина Игоревна* – старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: AntoninaS1@yandex.ru

Шериева
Марианна Мухамедовна

– доцент кафедры теории и истории музыки, Северо-Кавказский государственный институт искусств. E-mail: sherieva.marianna@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aiym Kabytaeva</i>	– Senior Lecturer, Almaty Management University, Kazakhstan.
E-mail: Aiymphd@gmail.com
<i>Anna Nikitina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: meav@yandex.ru
<i>Anna Putilo</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: anna.putilo@yandex.ru
<i>Antonina Shamnina</i>	– Senior Lecturer, Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, E-mail: AntoninaS1@yandex.ru
<i>Axaule Kaibuldayeva</i>	– Senior Lecturer, Department of Turkology and Theory of Language, Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan, E-mail: axaule.kaibuldayeva@gmail.co
<i>Bela Kokova</i>	– Professor, Department of Fortepiano and Teaching Methods, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: belakokova@yandex.ru
<i>Gulmira Madieva</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Turkology and Theory of Language, Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan, E-mail: gmadi@mail.ru
<i>Dmitriy Gulinov</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: satellite74@yandex.ru
<i>Elena Aleshenko</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: medal@bk.ru
<i>Elena Boltovskaya</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Slavic Philology, Mogilev State A. Kuleshov University, Belarus, E-mail: baltouskaya@list.ru
<i>Elena Grebenyuk</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: elena_bolfdareva@mail.ru
<i>Elena Sabieva</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Head of Institute of Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kazybayev, E-mail: Sabieva1969@mail.ru
<i>Fedor Fedorov</i>	– Assistant, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: hello672137@mail.ru
<i>Kristina Dekatova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dekatovaki@mail.ru
<i>Kseniya Melnikova</i>	– Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Yaroslavl State Technical University, E-mail: ledeja@yandex.ru

- Larisa Savina* – Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: larisavina1712@rambler.ru
- Le Thi Phuong Linh* – PhD (Philology), Lecturer. Department of Russian Language, Ho Chi Minh City University of Pedagogy, Vietnam, E-mail: linhlt@hcmue.edu.vn
- Leyla Kokova* – Head of Laboratory of Onomatology and Sociopolitical Studies, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, E-mail: kokovaleila@yandex.ru
- Luydmila Tyukina* – PhD (Philology), Head of Department of Foreign Languages, Yaroslavl State Technical University, E-mail: ityukina@yandex.ru
- Mayra Kakimova,* – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of German and Romance Philology, North Kazakhstan University named after Manash Kazybayev, E-mail: mkakimova2009@mail.ru
- Marianna Gulyaeva* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: maryilya@yandex.ru
- Marianna Sherieva* – Associate Professor, Department of Theory and History of Music, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: sherieva.marianna@mail.ru
- Marina Kulinich* – Advanced PhD (Cultural Sciences), Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, E-mail: Marina-kulinich@yandex.ru
- Natalya Boychenko* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nboychenko@yandex.ru
- Nataliya Ostrinskaya* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natalia-ostrinskaya@yandex.ru
- Natalya Prigarina* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: prigarina99@mail.ru
- Nataliya Zimina* – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nataliasimina@yandex.ru
- Nguyen Thi Giang* – PhD (Philology), Deputy Head of the Department of Russian Language, Ho Chi Minh City University of Pedagogy, Vietnam, E-mail: giangnt@hcmue.edu.vn
- Nikolay Krasavskiy* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru

<i>Olga Zaytseva</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: skijoks@yandex.ru
<i>Raushan Aleshina</i>	– Teacher of Russian Language and Literature, Bishkul School No. 2, the Kyzylzhar district of the North Kazakhstan region of Kazakhstan, E-mail: Rozaaleshina@mail.ru
<i>Svetlana Perevalova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: cavalier@yandex.ru
<i>Tatyana Chernitsyna</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru
<i>Varvara Statsenko</i>	– Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: varsta2001@mail.ru
<i>Vasiliiy Moskvina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvina@yandex.ru
<i>Victoriya Bogomazova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: v.bogomazova@rambler.ru
<i>Vladislav Dashchinskiy</i>	– Post Graduate Student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru
<i>Yuliya Ivanova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: julivanova@yandex.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии